ISSN 2307-1346

СЕМЕЙНЫЙ ДОКТОР

№ 1
март
2017

Приложение к журналу «Лечебное дело»

Научно-практическое издание для врачей общей практики

Гедеон Рихтер ОАО

ГРОПРИНОСИН®

противовирусное средство
прямого действия

Когда с вирусами справиться своих не хватит сил,
на помощь спешит ГРОПРИНОСИН!

На правах рекламы. Курс лечения 5-14 дней. Противопоказан в период беременности. Имеются противопоказания и побочные реакции.
ПОКАЗАНИЯ: ВЕТРЯНАЯ ОСПА И ОПОЯСЫВАЮЩИЙ ЛИШАЙ. ИНФЕКЦИИ КОЖИ И СЛИЗИСТЫХ ОБОЛОЧЕК, ВЫЗВАННЫЕ ВИРУСАМИ ПРОСТОГО ГЕРПЕСА. ИММУНОДЕФИЦИТНЫЕ СОСТОЯНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ ВИРУСНЫМИ ИНФЕКЦИЯМИ У ПАЦИЕНТОВ С ОСЛАБЛЕННОЙ ИММУННОЙ СИСТЕМОЙ.
ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ПРОКОНСУЛЬТИРУЙТЕСЬ С ВРАЧОМ.

магнерот®

эффективно устраняет состояния, вызванные дефицитом магния

Лекарственное средство. Имеются противопоказания и побочные реакции.
Применение при беременности и лактации возможно, если потенциальная польза для матери превышает потенциальный риск для плода и ребенка.

WÖRWAG PHARMA

На правах рекламы

СЕМЕЙНЫЙ ДОКТОР

№ 1
март
2017

Приложение к журналу «Лечебное дело»

Редакция журнала

Главный редактор: *Хапалюк Александр Васильевич*
Заместитель главного редактора: *Силивончик Н.Н.*
Литературный редактор: *Давыдик И.Г.*
Дизайн и верстка: *Леднёва Н.М.*

Научно-редакционный совет

Адаменко Е.И.
Богуш Л.С.
Василевский И.В.
Воронко Е.А.
Данилова Л.И.
Жерносек В.Ф.
Жилевич Л.А.
Заремба Е.Ф. (Львов)
Кашицкий Э.С.
Котова Г.С.
Левончук Е.А.
Максимюк А.В.
Мартусевич Н.А.
Нечесова Т.А.
Остапенко Е.Н.
Протько Н.Н.
Пристром А.М.
Смирнова Л.А.
Трисветова Е.Л.
Хурса Р.В.
Чуйко З.А.
Щавелева М.В.

Научно-практическое издание для врачей общей практики

Учредитель и издатель: ООО «Медицинские знания»
Адрес редакции: 220049, г. Минск, ул. Черняховского, д. 3, к. 28
Тел. +375 17 284 40 49, e-mail: akhapa@tut.by
Свидетельство о регистрации № 1563 от 27.08.2012 г.
Выдано Министерством информации Республики Беларусь
Подписные индексы журнала по каталогу РУП «Белпочта»:
74992 (инд.), 749922 (вед.)
Автор несет ответственность за направление статей, ранее опубликованных или принятых к печати в других изданиях.

Полиграфическое исполнение: ОАО «Промпечать»
220049, г. Минск, ул. Черняховского, 3
ЛП № 02330/233 от 11.03.2009 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 9,47. Заказ № _____
Тираж 350 экз.
Периодичность издания: 1 раз в квартал
Мнение авторов не всегда отражает точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

О сюжете картины Г. Семирадского (1843–1902) «Доверие А. Македонского врачу Филиппу»

(комментарий кандидата юридических наук, доцента В.М. Ерчака)

Что означает название картины? Оно означает не просто доверие к своему врачу. Если Вы присмотритесь к выражению лица врача Филиппа, то увидите крайнее удивление, смешанное с возмущением и страхом. Чем вызвана такая гамма чувств? Оказывается, врач Филипп читает донос… на самого себя! В нем «доброжелатель» сообщает Александру Македонскому, что «врач преподнесет ему чашу с ядом, выпив которую, Александр умрет». Можете себе представить чувства молодого повелителя Вселенной после прочтения этого доноса! Но страх перед смертью уступил доверию к своему лечащему врачу. И на картине мы видим, как, выпив чашу из рук Филиппа, Александр дает ему прочесть состряпанный на него донос. Этот момент величайшего душевного накала как врача, так и его могущественного пациента изображен на картине.

Г. Семирадский. **Доверие А. Македонского врачу Филиппу**

Полотно несет в себе мощнейший нравственный заряд: человек – образ и подобие Божие. В человеке, по выражению Ф.М. Достоевского, «…борется дьявол с Богом, а поле битвы – сердце человека…». На чью сторону стать – доносчика или А. Македонского – и есть смысл бытия.

От редакции

3 **«Депрессия: давай поговорим!»**
Н.Н. Протько

Научные публикации

7 **Сравнительный анализ спектра чувствительности бактериальной флоры, вызывающей заболевания верхних дыхательных путей у детей на амбулаторном этапе**
Е.Н. Скепьян

Обзоры и лекции

12 **Прямые и непрямые антикоагулянты: особенности терапии и контроля лечения**
Е.Н. Остапенко

23 **Современные возможности диагностики и фармакотерапии нейропатической боли**
В.В. Пономарев, М.М. Селицкий, Е.В. Редуто

27 **Гипнические пароксизмы у детей**
З.А. Чуйко, Н.Н. Протько

29 **Чесотка**
Е.А. Левончук

33 **Гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь**
Е.К. Мастыкова

Консенсусы, клинические рекомендации и алгоритмы оказания медицинской помощи

39 **Функциональные желудочно-кишечные расстройства. Римские IV рекомендации (2016)**

Новости мировой медицины

51 **Туберкулез**
Информационный бюллетень ВОЗ (октябрь 2016 г.)

Заметки из практики

54 **Рецидивирующий полихондрит: лечим то, что знаем?**
А.А. Королева, В.С. Одинец, Ю.Л. Журавков, Я.И. Евко

57 **Множественный себорейный кератоз у пациентки с аденокарциномой желудка**
Е.А. Боровнева, О.М. Жарская, И.А. Владимирова, В.А. Стахиевич, Ю.В. Горгун

Литературные этюды о медицине

61 **Триумфальная арка / Arc de Triomphe**
Эрих Мария Ремарк / Erich Maria Remarque

«ДЕПРЕССИЯ: ДАВАЙ ПОГОВОРИМ!»

Н.Н. Протько
Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Приведена краткая характеристика проводимой Всемирной организацией здравоохранения кампании «Депрессия: давай поговорим». Описаны распространенность депрессии, причины ее возникновения, суицидальный риск, клиника, диагностика и лечение.

Ключевые слова: депрессия, суицид, клиника, диагностика, лечение.

Депрессия – одно из наиболее часто встречающихся психических расстройств. Однако у людей до сих пор с этим заболеванием связано множество вопросов, мифов, страхов. Все это приводит к тому, что пациенты несвоевременно обращаются за медицинской помощью, а порой даже не знают, что могут ее получить и тем самым облегчить свои, иногда весьма тягостные, страдания.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) решила посвятить Всемирный день здоровья (World Health Day) 7 апреля 2017 года проблеме депрессии. К этому дню приурочена годовая кампания ВОЗ «Депрессия: давай поговорим», которая проводится для того, чтобы как можно больше людей, страдающих депрессией, обращались за помощью и получали ее. Более глубокое понимание депрессии и способов ее предотвратить или излечить поможет развеять негативные стереотипы, связанные с этим заболеванием.

Проводимая кампания ориентирована на все население, но особое внимание уделяется трем категориям, для которых проблема депрессии является более актуальной: молодежь в возрасте 15–24 года, женщины детородного возраста (особенно молодые матери), а также пожилые люди (старше 60 лет).

У врачей общесоматического профиля также возникает ряд вопросов по поводу диагностики и лечения депрессии. По самым разным причинам выявляемость депрессий в общемедицинской сети даже в экономически развитых странах остается довольно низкой. Из общего числа лиц, страдающих депрессией, 50 % вообще не обращаются за медицинской помощью, диагноз не распознается, а лечение получают не более 15–20 % и лишь 0,3 % доходят до врача-психиатра [3, 17].

Распространенность депрессии. Около 5 % населения всего мира страдает депрессией. Это порядка 350 млн человек из всех возрастных групп. В Республике Беларусь отмечается та же распространенность – 5 % населения, или 400–450 тыс. человек [3].

Среди соматических пациентов (сердечно-сосудистые, онкологические заболевания, диабет и др.) частота депрессии составляет 22–45 % [1]. Вероятность возникновения депрессивного эпизода в течение жизни составляет для женщин 20 %, мужчин – 10 % [3].

По данным ВОЗ, депрессия является основной причиной инвалидности в мире и вносит значительный «вклад» в глобальное бремя болезней. По прогнозным показателям, распространенность психических болезней будет увеличиваться и к 2020 году на долю нейропсихиатрических заболеваний будет приходиться 15 % потерь, оцениваемых по индексу DALY (количество лет жизни, которые человек болел данными заболеваниями) [4, 13].

В мае 2013 года Всемирная ассамблея здравоохранения приняла резолюцию, в которой призвала страны к принятию комплексных мер по проблеме психических расстройств.

Причины развития депрессии. По современным представлениям, депрессия является заболеванием, а не поведенческой распущенностью, поэтому рекомендации пациентам типа «возьми себя в руки» не только неуместны, но порой и вредны.

Депрессия развивается в результате сложного взаимодействия целого ряда факторов, среди которых можно выделить биологические, соматические, фармакологические, социальные, психологические.

Биологические факторы развития депрессии. Одна из основных современных концепций возникновения депрессии, а также других психических расстройств (тревожных расстройств, шизофрении и др.) – моноаминовая теория, согласно которой сбой в серотониновой, норадреналиновой и дофаминовой системах приводит к появлению соответствующих клинических симптомов, таких как сниженное настроение, тревожность, ангедония, апатия, агрессия и др. Поэтому патогенетической терапией депрессий является использование антидепрессантов, которые регулируют метаболизм моноаминов.

Синтез моноаминов зависит от генетической детерминированности и влияния внешнесредовых факторов. В данном аспекте более изучены генетические механизмы синтеза серотонина [6]. Доказана наследственная обусловленность аффективных расстройств (на основании обследования близнецов). Риск заболеть для пробанда, если биполярным аффективным расстройством страдает один родитель, – 27 %, оба родителя – 75 % [2].

Соматические, фармакологические факторы развития депрессии. В данном случае речь идет о соматогенных и ятрогенных депрессиях.

Депрессивные расстройства сопровождают целый ряд соматических заболеваний (инфаркт миокарда, онкология, инсульты, бронхиальная астма и др.), при этом значительно осложняется течение соматических заболеваний, ухудшается эффектив-

ность их лечения и прогноз. Например, сочетание ИБС и депрессии ассоциируется с увеличением риска смерти пациентов в 3,5 раза [8].

Ятрогенные депрессии могут возникнуть в результате приема некоторых фармакологических препаратов: гипотензивных средств, стероидных гормонов, пероральных контрацептивов, анальгетиков, сульфаниламидов, нейролептиков, барбитуратов, метилдопы, цитостатиков, бета-блокаторов и др.

Социальные факторы развития депрессии. Порой человек попадает в тяжелые жизненные ситуации, к которым не может адаптироваться, и возникает депрессивная реакция. В некоторых случаях, например при переживании горя, депрессия является естественной стадией, которую человек должен пройти, чтобы в итоге прийти к смирению, принятию неизбежного.

Но у большинства пациентов депрессия развивается не вследствие тяжелой утраты, горя, а из-за текущих проблем, которые не носят катастрофического характера. Здесь на первый план в качестве причин депрессии выходят не внешние социальные факторы, а внутриличностные, которые определяют отношение человека к внешним проблемам. Иногда это можно отнести и к соматогенным депрессиям. В таких ситуациях и появление депрессивной симптоматики, и ее степень выраженности напрямую зависят не столько от исходного соматического заболевания, сколько от внутренней картины болезни, которая имеется у пациента, от степени его ухода в болезнь, драматизации своего состояния. Поэтому велика роль в развитии, поддержании депрессии психологических факторов.

Психологические факторы развития депрессии представляют собой те установки, которые имеются у пациента в его отношении к себе, окружающим, жизни, своей болезни.

Выявлены следующие психологические факторы риска депрессий:

особый стиль мышления, так называемое негативное мышление, для которого характерна фиксация на отрицательных сторонах жизни и собственной личности, склонность видеть в негативном свете окружающую жизнь и свое будущее;

специфический стиль общения в семье с повышенным уровнем критики, повышенной конфликтностью;

социальная изоляция с малым числом теплых, доверительных контактов, которые могли бы служить источником эмоциональной поддержки.

Если человек имеет негативное мышление или так называемые иррациональные когнитивные (мысленные) установки, он будет попадать в ситуации внутреннего конфликта, напряжения, беспокойства, которые приведут его к развитию тревожности, депрессивности. Поэтому обязательным компонентом лечения депрессий является психотерапия.

Надо отметить, что вклад психологических факторов в развитие депрессии у каждого пациента разный. Например, при органических депрессиях (после родов, обширных инсультов, при органических расстройствах личности и т. п.) он минимален.

Суицидальный риск при депрессии. По современным представлениям, депрессия находится на первом месте среди причин суицидального поведения. Частота суицидов среди больных депрессией в 21,2 раза выше, чем в среднем в популяции. Около 60 % лиц, совершивших суицидальные попытки, имели разную степень выраженности депрессивной симптоматики [5].

Иногда риск суицида у пациентов с тяжелой депрессией увеличивается, когда состояние начинает улучшаться. Пациент попадает в ситуацию, когда заторможенность уменьшается, появляются силы, но чувство безысходности еще остается. Это может способствовать совершению суицидальных действий. Среди депрессивных симптомов именно безнадежность, вина являются наиболее значимыми фактором риска самоубийства [14, 16].

Суицидальный риск у пациентов, которые были госпитализированы по поводу расстройств настроения, очень высок сразу после выписки из стационара, особенно в случае короткого стационарного курса лечения [12]. Установлено, что риск суицидов повышается, если депрессия сочетается с тревожным расстройством или с тревогой как личностной характеристикой. Это характерно как для взрослых, так для детей и подростков [9].

Долговременный риск самоубийства среди пациентов с депрессиями, выявленный в результате длительных (более 10 лет) катамнестических исследований, составляет 6–15 % [12].

Пациенты с расстройствами настроения, имеющие суицидальные тенденции, часто обращаются за помощью в последние недели или месяцы жизни [15], причем более 2/3 лиц, совершивших суицид, обращались не к психиатрам или психотерапевтам, а к врачам общесоматического профиля. Врачи общей практики были первыми и часто единственными специалистами, к которым шли такие пациенты. Вероятнее всего, суицидальные мотивы пациентами не озвучивались напрямую, поэтому риск суицидов у них не определялся, и таким пациентам не предлагалась специализированная помощь врачей-психотерапевтов, психиатров.

Своевременное выявление и адекватное лечение депрессий значительно снижает смертность от суицидов. На этапе первичной медицинской помощи возможности профилактики суицидального поведения использованы недостаточно из-за плохой выявляемости депрессивных расстройств.

Диагнозы депрессивных расстройств по МКБ-10. Депрессивное расстройство в МКБ-10 кодируется в следующих рубриках [7]: F31 Биполярное аффективное расстройство; F32 Депрессивный эпизод; F33 Рекуррентное аффективное расстройство.

Биполярное аффективное расстройство представляет собой чередование маниакальных и депрессивных эпизодов, прерываемых периодами нормального настроения. Маниакальные эпизоды включают возбужденное или раздраженное состояние, чрезмерную активность, речевой напор, завышенную самооценку и сниженную потребность в сне. Депрессивные периоды укладываются в клинику депрессивного эпизода.

Депрессивный эпизод: клиника, диагностические критерии описаны ниже.

Рекуррентное депрессивное расстройство – это повторяющиеся депрессивные эпизоды.

Клинические проявления и диагностика депрессивного эпизода. Депрессия отличается от обычных изменений настроения и кратковременных эмоциональных реакций на проблемы в повседневной жизни.

Для депрессивного эпизода характерны следующие симптомы:

основные: сниженное настроение, утрата интересов и способностей получать удовольствие, физическая усталость;

другие: снижение способности к концентрации внимания, заниженная самооценка и уверенность в себе, идеи вины и самоуничтожения, мрачное, пессимистическое видение будущего, идеи и действия самоповреждения и суицидальные, нарушения сна, сниженный аппетит.

Для постановки диагноза депрессивного эпизода длительность указанных симптомов должна быть не менее двух недель. Характерны также суточные колебания настроения, когда пациент значительно хуже чувствует себя по утрам, а к вечеру его состояние улучшается.

Депрессия может приводить к значительным страданиям человека, его плохому социальному функционированию. Депрессивный человек с нарушенным контролем эмоций имеет конфликтные отношения с окружающими.

В зависимости от количества симптомов и степени их тяжести депрессивный эпизод может быть квалифицирован как легкий, умеренный или тяжелый (с психотическими проявлениями или без них). Человек с легким депрессивным эпизодом будет иметь некоторые трудности в выполнении обычной работы и социальной деятельности, но, по всей вероятности, не прекратит полностью функционирование. Во время тяжелого депрессивного эпизода крайне маловероятно, что человек сможет продолжать социальную жизнь, работу и выполнение домашних обязанностей, за исключением крайне ограниченного круга действий.

Но порой диагностика депрессии затруднена из-за того, что на первый план выступают соматические (указанные в разделе «другие» при описании клиники депрессивного эпизода) или иные психические симптомы, которые маскируют депрессивные проявления. Для обозначения таких депрессий используют термины «маскированная», «соматизированная», «лавированная», хотя таких официальных диагнозов нет.

«Маски» соматизированных депрессий [10]

«Маски» в форме психопатологических расстройств: тревожно-фобические (генерализованное тревожное расстройство, панические атаки, агорафобия), обсессивно-компульсивные (навязчивости), ипохондрические, неврастенические.

«Маски» в форме инсомний: бессонница, гиперсомния.

«Маски» в форме вегетативных, соматизированных и эндокринных расстройств: синдром вегетососудистой дистонии, головокружение, функциональные нарушения внутренних органов, нейродермит, кожный зуд, анорексия, булимия, импотенция, нарушения менструального цикла.

«Маски» в форме алгий: цефалгии, кардиалгии, абдоминалгии, фибромиалгия, невралгии.

«Маски» в форме патохарактерологических расстройств: расстройства влечений (наркомания, токсикомания), антисоциальное поведение (импульсивность, конфликтность, вспышки агрессии), истерические реакции (обидчивость, плаксивость, склонность к драматизации ситуации, стремление привлечь внимание к своим недомоганиям, принятие роли больного).

Лечение депрессий. Следует отметить, что депрессия сегодня – одна из наиболее курабельных форм психической патологии, она эффективно излечивается в 70–75 % случаев [3].

Имеются методы лечения депрессий с доказанной эффективностью, среди которых применение антидепрессантов, психотерапия, электросудорожная терапия, фототерапия, депривация сна. Основные методы – применение антидепрессантов и психотерапия.

Антидепрессанты в лечении депрессии [11]. Антидепрессанты могут быть эффективной формой лечения умеренной и тяжелой депрессии, но они не являются препаратами выбора в случае легкой ее формы.

В настоящее время существуют антидепрессанты различных химических групп, но для общесоматической практики препаратами выбора являются селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (СИОЗС): пароксетин, сертралин, флувоксамин, флуоксетин, эсциталопрам. Они имеют неплохие показатели переносимости, минимальные побочные действия, хорошее межлекарственное взаимодействие с лекарственными средствами (ЛС) других групп, низкую токсичность, высокую безопасность при передозировке. Могут использоваться у пациентов пожилого возраста, при разных сопутствующих соматических заболеваниях.

При неэффективности или выраженных побочных эффектах от СИОЗС используются другие ЛС: антидепрессанты двойного действия (венлафаксин), гетероциклические антидепрессанты (мапротилин), трициклические антидепрессанты (амитриптилин, кломипрамин, тианептин), антидепрессанты других групп (агомелатин, препараты зверобоя). Все перечисленные ЛС зарегистрированы в Республике Беларусь.

Антидепрессанты являются безопасным классом психотропных ЛС при правильном их применении согласно рекомендации врача. Доза препарата определяется индивидуально для каждого пациента. Надо знать, что терапевтический эффект антидепрессантов может проявляться медленно и постепенно, через 4–6 недель от начала приема.

Антидепрессанты не вызывают привыкания и развития синдрома отмены в отличие от бензодиазепиновых транквилизаторов (феназепам, реланиум, элениум, тазепам и др.) и широко используемых в нашей стране корвалола, валокордина.

Депрессия лечится достаточно долго, особенно рекуррентное расстройство. Курс терапии состоит

из купирующей стадии (6–12 недель), стабилизирующей стадии (от 3 до 9 мес), профилактической стадии (поддерживающая, противорецидивная, длится неопределенно долго, но не менее года). Рецидивы депрессии возникают чаще всего по двум причинам: недостаточные дозы антидепрессантов и короткий курс лечения.

Психотерапия депрессий. Важное место в лечении депрессий отводится психотерапии. Психотерапия является не альтернативой, а важным дополнением к медикаментозному лечению депрессий. Только в случае легкой депрессии она может быть единственным методом терапии. В отличие от медикаментозного лечения психотерапия предполагает более активную роль пациента в процессе лечения. Психотерапия помогает пациентам развить навыки эмоциональной саморегуляции и в дальнейшем более эффективно справляться с кризисными ситуациями, не погружаясь в депрессию.

В лечении депрессий как наиболее эффективные и научно обоснованные зарекомендовали себя три подхода: психодинамическая психотерапия, поведенческая психотерапия и когнитивная психотерапия.

Цель психодинамической терапии – осознание внутриличностных конфликтов и помощь в их конструктивном разрешении. Согласно психодинамической теории, психологической основой депрессии являются внутренние бессознательные конфликты, например наличие интенсивного гнева, обиды на окружающих в сочетании с потребностью быть всегда добрым, хорошим и сохранять расположение близких. Психодинамическая терапия помогает проанализировать эти конфликты, источники которых лежат в истории жизни пациента, научиться конструктивно выражать свои чувства, сохраняя при этом отношения с людьми.

Поведенческая психотерапия направлена на разрешение текущих проблем пациента и коррекцию его деструктивного поведения: пассивность, отказ от удовольствий, монотонный образ жизни, изоляция от окружающих, невозможность планирования и вовлечения в целенаправленную активность.

Когнитивная психотерапия направлена на выявление и корректировку иррациональных когнитивных установок, негативного мышления. Изменение такого способа мышления требует тщательной индивидуальной работы, которая направлена на развитие более реалистичного и оптимистичного взгляда на себя, на мир и на будущее.

В современном обществе психотерапия является признанным, эффективным методом помощи при различных психических нарушениях. Так, курс психотерапии (10–30 сеансов в зависимости от тяжести состояния) значительно снижает риск повторения депрессии. Современные методы психотерапии ориентированы на краткосрочную эффективную помощь. Вся информация, которую психотерапевт получает на сеансе, строго конфиденциальна и остается в тайне.

Что обычно мешает людям обратиться за помощью по поводу депрессии? Часто люди боятся обратиться к специалисту по психическим расстройствам из-за предполагаемых негативных последствий: возможных социальных ограничений (постановка на учет, запрет на вождение автотранспорта и выезд за границу); осуждения в случае, если кто-то узнает, что пациент лечится у психиатра; опасения негативного влияния медикаментозного лечения депрессии, в основе чего лежат широко распространенные, но неверные представления о вреде психотропных средств.

Заключение. Информирование населения по вопросам депрессии снижает необоснованные страхи и повышает обращаемость пациентов за помощью. Своевременная диагностика депрессии в общемедицинской практике – залог успешного лечения и профилактики суицидального поведения пациентов. На это и ориентирована проводимая ВОЗ кампания «Депрессия: давай поговорим».

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкова И.А. Ласая Е.В., Головач А.А. Депрессии в общесоматической практике (клиника, диагностика, терапия): учеб.-метод. пособие. Минск: БелМАПО. 2009. 36 с.

2. Гельдер М., Гет Д., Майо Р. Оксфордское руководство по психиатрии: в 2 т. Киев: Сфера. 1999. Т. 1. 300 с.

3. Евсегнеев Р.А. Психиатрия в общемедицинской практике: рук. для врачей. М.: Мед. информ. агентство, 2010. 592 с.

4. Контекст психического здоровья / Всемирная организация здравоохранения. 2007. 47 с.

5. Ласый Е.В., Паровая О.И. Гендерные различия психических расстройств, клинико-психопатологических характеристик и обращаемости за помощью лиц, предпринявших парасуицид // Психиатрия, психотерапия и клин. психология. 2011; 3 (05): 4–21.

6. Левада О.А. Нейробиология депрессии: серотониновая система мозга [Электронный ресурс]. URL: http:www.health-ua.org/archives/neuro/70.html.

7. МКБ-10. Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств / под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина. СПб.: АДИС, 1994. 303 с.

8. Муссельман Д.Л. Связь депрессии с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Эпидемиология, биология и лечение // JAMA. 2000; 3: 6–16.

9. Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств / ред. Д. Вассерман; пер. Е. Ройне. М., 2005. 310 с.

10. Смулевич А.Б. Депрессии в общей медицине: рук. для врачей. М.: МИА, 2001. 256 с.

11. Терапия антидепрессантами и другие методы лечения депрессивных расстройств: доклад Рабочей группы CINP на основе обзора доказательных данных / Моск. НИИ психиатрии Росздрава; пер. под ред. В.Н. Краснова. М., 2008. 216 с.

12. Angst J., Angst F., Gerber-Werder R. et al. Suicide in 406 mood-disorder patients with and without long-term medication: a 40 to 44 years' follow-up // Arch. Suicide Res. 2005; 9 (3): 279–300.

13. Eaton W., Martins S.S., Nestadt G. et al. The Burden of Mental Disorders // Epid. Rev. 2008; 30: 1–14.

14. Kessing L.V. Severity of depressive episodes according to ICD-10: prediction of risk of relapse and suicide // Br. J. Psychiatry. 2004; 184: 153–156.

15. Luoma J.B., Martin C.E., Pearson J.L. Contact with mental health and primary care providers before suicide: are view of the evidence // Am. J. Psychiatr. 2002; 159: 909–916.

16. Sokero T.P., Melartin T.K., Rytsala H.J. et al. Prospective study of risk factors for attempted suicide among patients with DSM-IV major depressive disorder // Br. J. Psychiatry. 2005; 186: 314–318.

17. What is primary care Mental Health? / WHO and Wonca Working Party on Mental Health // Mental Health in Family Medicine. 2008; 5: 9–13.

Поступила 10.12.2016

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПЕКТРА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ БАКТЕРИАЛЬНОЙ ФЛОРЫ, ВЫЗЫВАЮЩЕЙ ЗАБОЛЕВАНИЯ ВЕРХНИХ ДЫХАТЕЛЬНЫХ ПУТЕЙ У ДЕТЕЙ НА АМБУЛАТОРНОМ ЭТАПЕ

Е.Н. Скепьян
Белорусский государственный медицинский университет, Минск

Представлены данные о распространенности возбудителей бактериальных заболеваний дыхательных путей у детей и результаты определения чувствительности выделенной микрофлоры к антибиотикам в периоды 2009–2011 и 2013–2014 гг. .

Ключевые слова: дети, резистентность, чувствительность, микрофлора, антибактериальные лекарственные средства.

Болезни органов дыхания занимают лидирующую позицию в структуре общей заболеваемости детей, и тенденции к снижению заболеваемости этими болезнями не наблюдается. Иммунологическая незрелость противоинфекционной защиты, анатомо-физиологические особенности органов дыхания в раннем детском возрасте, а также широкий диапазон возбудителей, с которыми сталкивается ребенок, способствует сохранению высокой частоты инфекций дыхательных путей.

Среди возбудителей заболеваний верхних дыхательных путей превалируют вирусы, но у части пациентов подтверждается бактериальный генез заболеваний. Несмотря на то, что приоритет в выборе антимикробной терапии при инфекционном воспалении принадлежит выявлению возбудителя и определению его антибактериальной чувствительности, выбор стартовой антибактериальной терапии инфекционно-воспалительных заболеваний чаще осуществляется эмпирически.

Вместе с тем частое и нерациональное применение антибиотиков, несоблюдение рекомендаций по эмпирическому их выбору, нарушение режимов дозирования сопровождается развитием антибиотикорезистентности не только у возбудителя заболевания, но и у сапрофитной микрофлоры [5]. При этом распространенность штаммов, устойчивых к антибиотикам, напрямую зависит от количества назначаемых антибиотиков и спектра их антимикробного действия.

Так, наиболее часто встречающиеся возбудители бактериального риносинусита – *Streptococcus pneumoniae* и *Haemophilus influenzae* [1, 2]. Среди прочих возбудителей выявляют *Moraxella catarrhalis, Staphylococcus aureus, Streptococcus pyogenes* и др. [8]. Существует альтернативное мнение, что самой многочисленной группой микроорганизмов, вызывающих воспалительные заболевания слизистой оболочки полости носа и околоносовых пазух, являются стафилококки, представленные в основном золотистым стафилококком, – 77 % всех посевов. Считается, что *Staphylococcus aureus* ответственен за наиболее тяжелые случаи госпитального (нозокомиального) синусита [10].

Наиболее частый возбудитель тонзиллофарингита – бета-гемолитический стрептококк группы А *Streptococcus pyogenes* [3]. Среди прочих возможных возбудителей упоминают гемолитические стрептококки других групп, золотистый стафилококк, энтеробактерии, гемофильную палочку [8].

Острый средний отит может иметь вирусную природу, однако чаще заболевание вызывают бактерии или вирусно-бактериальные ассоциации. Как и при бактериальном риносинусите, острый средний отит нередко вызывают *Streptococcus pneumoniae* и *Haemophilus influenzae*, *Moraxella catarrhalis* [5], определенную роль играет *Streptococcus pyogenes* [7].

Острый эпиглоттит – воспаление лимфоидной ткани надгортанника. Возбудителем заболевания чаще бывает *Haemophilus influenzae* типа B, реже – *Streptococcus pneumoniae, Staphylococcus aureus* и ряд других возбудителей [8].

Спектр микроорганизмов, являющихся причиной бактериальных инфекций нижних дыхательных путей, может быть достаточно широким. У детей первых месяцев жизни определяют стрептококки, хламидии, протей, клебсиеллу, кишечную палочку и др., у детей дошкольного возраста – *Streptococcus pneumoniae* и *Haemophilus influenzae*, а у детей старше 5 лет, наряду со S*treptococcus pneumoniae* и *Haemophilus influenzae* – атипичные микроорганизмы (*Mycoplasma pneumoniae, Chlamydia pneumoniae*) [4, 9]. При ХНЗЛ по мере прогрессирования заболевания повышается роль таких возбудителей, как *Enterobacter* и *Pseudomonas aeruginosa* [6].

Цель исследования – проанализировать и сопоставить результаты бактериологического обследования детей с заболеваниями верхних дыхательных путей в периоды 2009–2011 и 2013–2014 гг. соответственно, обращая внимание на выделение наиболее часто встречающихся возбудителей заболеваний и определение чувствительности выделенной микрофлоры к антибактериальным препаратам.

Материал и методы. Проведен сравнительный анализ бактериологического обследования мазков из зева и носа на флору и чувствительность к антибиотикам, взятых у 4780 детей с заболеваниями верхних дыхательных путей, обращавшихся за амбулаторным лечением в периоды с 2009 по 2011 и 2013 по 2014 г. Основная масса детей обследована с 2009 по 2014 г. на базе 3-й городской детской поликлиники г. Минска. В 2010 г. были проанализированы данные

обследования пациентов на базе 11-й, а также 8-й городской детских поликлиник г. Минска.

Забор мазков проводился у детей с различными заболеваниями верхних дыхательных путей: гипертрофией небных миндалин различной степени, острым, хроническим тонзиллитом и его обострением, аденоидитами, у часто и длительно болеющих (ЧДБ), пациентов с длительными субфебрилитетами неустановленной этиологии и т. д.

Возбудители выявлялись бактериологическим методом с определением их чувствительности к антибактериальным препаратам в Минском городском центре гигиены и эпидемиологии.

Результаты и обсуждение. За период с 2009 по 2011 г. у 1611 пациентов (51,56 %) из 3124 обнаружены различные возбудители заболеваний, среди которых – представители Грам+, Грам- микрофлоры, а также грибы рода *Candida* (n = 241), причем у отдельных лиц выявлены ассоциации из нескольких патогенов. У большинства детей доминировали Грам+ возбудители (n = 1332, 82,7 %).

Среди представителей Грам+ флоры наиболее часто встречающимися возбудителями по результатам мазков из зева и носа на флору и чувствительность к антибиотикам в период с 2009 по 2011 г. были *Staphylococcus aureus* (n = 1057, 79,4 % от Грам+ возбудителей), *Streptococcus pyogenes* (n = 140, 10,5 %), *Streptococcus pneumoniae* (n = 106, 7,9 %) **(рис. 1 на цв. вклейке)**.

У небольшого числа пациентов выявлены другие возбудители (n = 29, 2,2 %), например *Staphylococcus epidermidis, Enterococcus faecalis* и т.д. Указанные возбудители встречались как изолированно, так и в микробных ассоциациях.

Представители Грам- флоры в этот же период времени выделены соответственно у 168 пациентов. Среди представителей Грам- флоры чаще встречались *Morahella catarrhalis* (n = 41, 24,4 % от Грам- возбудителей), *Haemophillus influenzae* (n = 30, 17,9 %), *Klebsiella pneumoniae* (n = 36, 21,4 % детей), *Psevdomonas aeruginosae* (n = 32, 19 %), у отдельных пациентов (n = 29, 17,3 %) – другие возбудители, например *Escherichia coli, Enterobacter, Proteus vulgaris* и т.п. **(рис. 2 на цв. вклейке)**.

В работе обращено внимание на изменение спектра микроорганизмов, вызывающих заболевания верхних дыхательных путей у детей в 2013–2014 гг. Так, по данным исследования за 2013–2014 гг., у 1009 пациентов (60,9 %) из 1656 обнаружены различные микроорганизмы – возбудители заболеваний, а также ассоциации из нескольких патогенов. Наиболее часто встречающимися возбудителями, выделенными как изолированно, так и в микробных ассоциациях, среди представителей Грам+ флоры (n = 805, 79,8 %) были *Staphylococcus aureus* (n = 664, 82,5 % из всех представителей Грам+ флоры), *Streptococcus pneumoniae* (n = 105, 13 %) и *Streptococcus pyogenes* (n = 36, 4,5 %) **(рис. 3 на цв. вклейке)**.

Из Грам- флоры (n = 74) чаще выделялись *Pseudomonas aeruginosa* (n = 28, 37,8 % от всех представителей Грам-флоры), *Klebsiella pneumoniae* (n = 20, 27 % детей), *Morahella catarrhalis* (n = 11, 14,9 %), *Haemophillus influenzae* (n = 11, 14,9 %), другие Грам-возбудители (5,4 %) **(рис. 4 на цв. вклейке)**.

В ряде случаев выделены грибы, преимущественно рода *Candida albicans* (n = 225), которые выделялись как изолированно, так и в сочетании с другими микроорганизмами (30 % случаев).

Таким образом, можно утверждать, что ведущей причиной заболеваний верхних дыхательных путей оставались представители Грам+ флоры, однако изменилась частота выделения отдельных патогенов: наиболее частыми возбудителями в 2013–2014 гг. были *Staphylococcus aureus* и *Streptococcus pneumoniae* ($p < 0{,}001$), а *Streptococcus pyogenes* выявлялся реже ($p < 0{,}001$). Грам- возбудители регистрировались у детей нечасто, при этом увеличилось количество пациентов, у которых выявили *Pseudomonas aeruginosa* ($p < 0{,}01$).

В работе проанализированы чувствительность микроорганизмов к противомикробным лекарственным средствам и изменения этой чувствительности за определенные промежутки времени.

При анализе чувствительности наиболее часто встречавшегося в период с 2009 по 2011 г. патогена *Staphylococcus aureus* к противомикробным лекарственным средствам установлено, что *Staphylococcus aureus* (n = 336) был резистентен: к пенициллину – в 71,6 % случаев, оксациллину – в 60,5 %; цефалексину – в 49,6 %, эритромицину – в 48,7 %. К ампициллину *Staphylococcus aureus* был чувствителен в 55 % случаев. В то же время чувствительность данного микроорганизма к цефиксиму составила 83,3 %, азитромицину – 86,5 %, клиндамицину – 96,7 %, ципрофлоксацину – 97,5 %, левофлоксацину – 99,2 %, ко-тримоксазолу – 95,1 %, гентамицину – 94,8 % **(рис. 5 на цв. вклейке)**.

За весь период наблюдения с 2009 по 2014 г. золотистый стафилококк нередко определялся в ассоциации с другими микроорганизмами (29 % пациентов), чаще всего с грибами рода *Candida albicans*, а также с пневмококком. У отдельных пациентов определялись микробные ассоциации в составе более двух микроорганизмов, например: *Staphylococcus aureus, Streptococcus pyogenes, Moraxella catarrhalis* и *Streptococcus pneumoniae* (у пациента 13 лет с рецидивирующим ринофарингитом) или *Staphylococcus aureus* со *Streptococcus pneumoniae, Candida* и *Escherichia coli* (у ребенка, получавшего метотрексат, по поводу лечения ювенильного ревматоидного артрита).

При анализе чувствительности в период с 2013 по 2014 г. к противомикробным лекарственным средствам оказалось, что *Staphylococcus aureus* (n = 330) чувствителен к пенициллину в 68,5 %, оксациллину в 86,4 %, эритромицину в 76,8 % случаев. К ампициллину *Staphylococcus aureus* был чувствителен в 40 % случаев. В то же время чувствительность данного микроорганизма к ванкомицину составила 96 %, левофлоксацину – 99,6 %, ко-тримоксазолу – 98 % и гентамицину – 99 % **(рис. 6 на цв. вклейке)**.

Таким образом, можно утверждать, что с 2009 по 2014 г. увеличилась чувствительность *Staphylococ-*

cus aureus к пенициллину с 28,4 до 68,5 % ($p < 0,001$), оксациллину и снизилась к ампициллину (с 55 до 40 % ($p < 0,001$)). Также наблюдался рост чувствительности указанного микроорганизма к эритромицину (с 48,7 до 76,8 %, $p < 0,001$). Сохраняется высокая чувствительность *Staphylococcus aureus* к гликопептидам, фторхинолонам, аминогликозидам и ко-тримоксазолу.

К сожалению, в результатах антибиотикограммы, в том числе за 2014 г., не всегда было указание на чувствительность микроорганизма к защищенным аминопенициллинам, современным макролидам, цефалоспоринам второго поколения, а это крайне важно для практического врача, поскольку золотистый стафилококк – наиболее часто определяемый возбудитель заболеваний верхних дыхательных путей в настоящее время.

Не чувствительный к оксациллину стафилококк (MRSA) в 2013–2014 гг. выявлен у 8 % детей ($n = 33$), при этом не чувствительный к ванкомицину – у 4 % ($n = 17$) (процент рассчитан среди всех пациентов, у которых был обнаружен *Staphylococcus aureus*). *Staphylococcus aureus* (MRSA) в равной мере определялся у детей различного пола и возраста. При направлении на исследование у 13 пациентов (39,9 %) было указание на их принадлежность к группе часто и длительно болеющих, у 10 (30,3 %) – на обострение хронического тонзиллита. У 21 % детей выявлены комбинации *Staphylococcus aureus* (MRSA) с другими возбудителями (*Streptococcus pyogenes, Streptococcus pneumoniae, Pseudomonas aeruginosa* с грибами рода *Candida*).

В проведенном исследовании в 2009–2011 гг. ($n = 106$, 7,9 % от всех пациентов с выделенной Грам+ флорой) *Streptococcus pneumoniae* был чувствителен к эритромицину в 55,5 % случаев, оксациллину – в 88,9 %, цефалексину – в 66,7 %, котримоксазолу – в 100 %, пенициллину – в 95,6 %, левофлоксацину – в 97,7 %, ампициллину – в 76,7 %, цефуроксиму – в 90,4 %, нитрофурантоину – в 100 %, доксициклину – в 95,2%, азитромицину – в 76,9 % **(рис. 7 на цв. вклейке)**.

В 2013–2014 гг. чаще, чем в предыдущие годы, определялся *Streptococcus pneumoniae*. Он выявлен у 112 пациентов (13 % от всех пациентов с выделенной Грам+ флорой). По данным анализа мазков из зева и носа на флору и чувствительность к противомикробным лекарственным средствам, микроорганизм был высокочувствителен к пенициллину (96,2 %), хлорамфениколу (98,8 %), левофлоксацину (100 %), рифампицину (100 %), доксициклину (100 %), клиндамицину (83,3 %), ко-тримоксазолу (80,3 %) и эритромицину (74,2 %). К сожалению, не всегда была указана чувствительность к аминопенициллинам, цефалоспоринам второго поколения, современным макролидам **(рис. 8 на цв. вклейке)**.

Streptococcus pneumoniae определялся у детей различных возрастных групп, но наиболее часто среди пациентов от 3 до 5 лет (59,7 %). Одинаково часто болели мальчики и девочки. При направлении на исследование у 43,5 % было указание на принадлежность пациентов к группе ЧДБ. У 50 % детей выявлены комбинации *Streptococcus pneumoniae* с другими возбудителями, наиболее часто – со *Staphylococcus aureus* (61,2 % из всех комбинаций *Streptococcus pneumoniae*), а также с грибами рода *Candida* (38,7 %).

Таким образом, пневмококк чаще вызывает заболевания верхних дыхательных путей у детей до 5 лет, которые могут длительно персистировать, формируя частые рецидивы, но при этом сохраняют высокую чувствительность к природным пенициллинам, тетрациклинам, хлорамфениколу, респираторным фторхинолонам. Большинство из указанных лекарственных средств не могут быть рекомендованы для широкого применения, а использование фторхинолонов в детской практике строго ограничено.

В проведенном исследовании в период с 2009 по 2011 г. *Streptococcus pyogenes* выявлен у 140 пациентов. Возбудитель был чувствителен к ампициллину в 64,52 % случаев, левофлоксацину – в 88,23 %, цефуроксиму – в 97,14 %, нитрофурантоину – в 100 %, доксициклину – в 85,7 % **(рис. 9 на цв. вклейке)**. Согласно результатам исследования, резистентность к азитромицину выявлена у 25,3 % детей.

С 2013 по 2014 г. *Streptococcus pyogenes* выявлен у 36 пациентов, преимущественно у детей от 5 до 12 лет. При направлении на исследование у 43,8 % пациентов было указание на принадлежность к группе ЧДБ. *Streptococcus pyogenes* был чувствителен к ампициллину в 92,7 % случаев, ингибитор-защищенному ампициллину – в 100 %, левофлоксацину – в 88,23 %, цефуроксиму – в 97,14 %, хлорамфениколу – в 100 %, доксициклину – в 100 %, эритромицину – в 89,3 % **(рис. 10 на цв. вклейке)**.

Таким образом, *Streptococcus pyogenes* традиционно был высокочувствителен к ингибитор-защищенному ампициллину (100 %), цефалоспоринам второго поколения (97,1 %), респираторным фторхинолонам (88,23 %), хлорамфениколу (100 %), тетрациклинам (100 %), возросла чувствительность патогена к эритромицину – с 51,5 % в 2009–2011 гг. до 89,3 % в 2013–2014 гг. ($p < 0,001$).

В период с 2009 по 2011 г. в исследовании *Pseudomonas aeruginosa* встречался у 32 детей (19 % от Грам- флоры). Возбудитель *Pseudomonas aeruginosa* чувствителен к имипинему у 100 % пациентов, ципрофлоксацину – в 75 % случаев, карбенициллину – в 66,37 %. Резистентен к цефтазидиму у 69,3 % пациентов и в 75 % случаях к пиперациллину.

По данным наблюдения в 2013–2014 гг., *Pseudomonas aeruginosa* была выделена у 28 пациентов – в равной степени у мальчиков и девочек, но преимущественно в возрасте от 2 до 5 лет (57,6 %) **(рис. 11 на цв. вклейке)**.

В 30,7 % случаев выявлено сочетание *Pseudomonas aeruginosa* со *Staphylococcus aureus*. При направлении на исследование преобладали ЧДБ (30,7 %), а также пациенты с обострением хронического тонзиллита (19,2 %). Внебольничные штаммы *Pseudomonas aeruginosa in vitro* в исследовании были чувствительны в 100 % случаях к гентамицину, карбенициллину, колистину, меропенему и имипинему.

Высокочувствительны к фторхинолонам, пиперациллину и цефтазидину.

По результатам исследования в период с 2009 по 2011 г. *Klebsiella pneumoniae* выделена у немногочисленных пациентов (n = 36). Она была чувствительна к левофлоксацину у 100 % детей, гентамицину – в 100% случаях, цефтриаксону – в 91,67 %, амикацину – в 80 % и нитрофурантоину – в 56,8 %.

В 2013–2014 гг. *Klebsiella pneumoniae* выявлялась у 20 пациентов – в равной мере у мальчиков и девочек, но преимущественно у детей от 12 до 17 лет (75 %) **(рис. 12 на цв. вклейке)**.

В 50 % случаев выявлено сочетание *Klebsiella pneumoniae* со *Staphylococcus aureus*. При направлении на исследование преобладали пациенты с обострением хронического тонзиллита (40 %), а также с затяжным течением ОРИ (20 %) и ЧДБ (20 %). *Klebsiella pneumoniae* была чувствительна в 100 % случаях к левофлоксацину, гентамицину, амикацину, цефтазидину и имипинему. Высокочувствительным микроорганизм был к ципрофлоксацину (93 %), цефтриаксону (88 %), ко-тримоксазолу (95 %), тобрамицину (95 %) и ампициллину/сульбактаму (88 %).

В 2013–2014 гг. *Moraxella catarrhalis* выявлялась у 13 пациентов (мальчиков и девочек), преимущественно до 5 лет (76,9 %). В 61,5 % случаев обнаружено сочетание *Moraxella catarrhalis* со *Staphylococcus aureus*. При направлении на исследование преобладали пациенты с затяжным течением ОРИ (38,5 %) и ЧДБ (30,8 %). *Moraxella catarrhalis* была чувствительна в 100 % случаях к левофлоксацину, амикацину и доксициклину. Менее чувствителен микроорганизм к цефтазидиму (66,7 %), цефтриаксону (38,6 %) и цефуроксиму (33,3 %). В исследовании *in vitro Moraxella catarrhalis* была в 100 % случаев резистентна к ампициллину/сульбактаму.

В 2013–2014 гг. *Haemophilus influenzae* обнаруживалась у 12 пациентов, в равной мере у мальчиков и девочек, но преимущественно у детей до 5 лет (75 %). В 38,5 % случаев было выявлено сочетание *Haemophilus influenzae* со *Staphylococcus aureus*. При направлении на исследование преобладали пациенты с острым и обострением хронического тонзиллита (46,2 %). *Haemophilus influenzae* была чувствительна в 100 % случаях к ампициллину/сульбактаму, цефтриаксону, ко-тримоксазолу и ципрофлоксацину. Высокочувствителен микроорганизм к цефуроксиму (87,5 %), хлорамфениколу (87,5 %) и тетрациклину (80 %).

Заключение. Самой многочисленной группой микроорганизмов, вызывающих воспалительные заболевания слизистой оболочки верхних дыхательных путей по результатам мазков из зева и носа на флору и чувствительность к антибактериальным лекарственным средствам, являлись представители Грам+ флоры (2009–2011 гг. – 82,7 %, 2013–2014 гг. – 79,8%), в основном *Staphylococcus aureus*. Однако изменилась частота выделения отдельных патогенов. Так, в 2013–2014 гг. *Streptococcus pyogenes* ($p < 0,001$) определяли реже, но возросла частота выявления *Streptococcus pneumoniae* ($p < 0,001$). Грам– возбудители в 2009–2014 гг. встречались у детей редко (7,3%), но при этом в 2013–2014 гг. увеличилось количество пациентов, у которых обнаружена *Pseudomonas aeruginosa* ($p < 0,01$). В 2009–2014 гг. более чем у четверти лиц были определены грибы рода *Candida albicans.*

Можно утверждать, что в период с 2009 по 2014 г. произошло увеличение чувствительности *Staphylococcus aureus* к пенициллину ($p < 0,001$), эритромицину ($p < 0,001$) и снижение к ампициллину ($p < 0,001$). У трети пациентов (29 %) золотистый стафилококк определялся в ассоциации с другими микроорганизмами. В 2013–2014 гг. у 8 % детей выявлен *Staphylococcus aureus* (MRSA), преимущественно в группе ЧДБ (39,9 %), а также среди детей с частыми обострениями хронического тонзиллита (30,3 %).

Streptococcus pneumoniae чаще обнаруживался у детей до 5 лет, для которых характерны частые повторные заболевания или затяжное течение заболеваний верхних дыхательных путей, при этом у 50 % пациентов *Streptococcus pneumoniae* выявлялся в комбинации с другими возбудителями.

Streptococcus pyogenes был выявлен преимущественно у детей от 5 до 12 лет. В 2013–2014 гг. обнаружена возросшая чувствительность патогена к эритромицину ($p < 0,001$).

К сожалению, в результатах антибиотикограмм не всегда были указания на чувствительность микроорганизмов к защищенным аминопенициллинам, современным макролидам и цефалоспоринам второго поколения, что является крайне важным для практического врача в целях проведения грамотной тактики по эрадикации наиболее часто встречающихся представителей Грам+ флоры.

Среди реже встречающихся Грам– возбудителей *Pseudomonas aeruginosa* была выделена у пациентов различного пола и возраста, но преимущественно у ЧДБ детей от 2 до 5 лет (57,6 %). Внебольничные штаммы *Pseudomonas aeruginosa in vitro* в исследовании были высокочувствительны к аминогликозидам, антисинегнойным пенициллинам и цефалоспоринам, фторхинолонам, полимиксинам, карбопенемам.

Klebsiella pneumoniae выявлялась у детей от 12 до 17 лет (75 %) с обострением хронического тонзиллита (40 %). Возбудитель был высокочувствителен к аминогликозидам, цефалоспоринам третьего поколения, фторхинолонам, ко-тримоксазолу, ингибитор – защищенным аминопенициллинам.

Moraxella catarrhalis выявлялась преимущественно у детей до 5 лет с затяжным течением ОРИ (76,9 %), чаще – в сочетании со *Staphylococcus aureus,* и была высокочувствительна к респираторным фторхинолонам, аминогликозидам третьего поколения, доксициклину, менее чувствительна – к цефалоспоринам второго и третьего поколения и резистентна к ампициллину/сульбактаму.

Haemophilus influenzae чаще выявлялась у детей до 5 лет (75 %) и была высокочувствительна к ингибитор-защищенным аминопенициллинам, цефалоспоринам второго и третьего поколения, хлорамфениколу, тетрациклину, ко-тримоксазолу, фторхинолонам.

В качестве эмпирической терапии бактериальных заболеваний верхних дыхательных путей, требующих назначения системной антибиотикотерапии, на амбулаторном этапе предпочтение необходимо отдавать «защищенным» аминопенициллинам, цефалоспоринам второго поколения.

Принимая во внимание, что полирезистентные возбудители (*Klebsiella pneumoniae, Pseudo-monas aeruginosa* и др.) у детей, не имеющих очагов хронической инфекции, на амбулаторном этапе редко встречаются, назначение цефалоспоринов третьего поколения парентеральных и пероральных форм должно быть существенно ограничено.

У детей с доказанной аллергической реакцией к пенициллинам и цефалоспоринам лекарственными средствами выбора (но не эмпирической терапии первого ряда) являются макролиды. Следует учитывать довольно быстрое развитие резистентности к этим лекарственным средствам, в связи с чем курс монотерапии не должен превышать 5–7 дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геппе Н.А., Кондюрина Е.Г., Дронов И.А. и др. Антибактериальная терапия при респираторных инфекциях у детей в амбулаторных условиях: проблемы и пути решения // Рус. мед. журн. 2014; 14: 1060.

2. Дронов И.А. Антибактериальная терапия при острых заболеваниях верхних дыхательных путей у детей // Эффективная фармакотерапия. Педиатрия (спецвыпуск). 2012: 61–64.

3. Дронов И.А. Применение амоксициллина/клавуланата в педиатрической практике: актуальные вопросы // Рус. мед. журн. 2015; 18: 1091–1095.

4. Жукова О.В., Конышкина Т.М., Костарева Т.Ю. и др. Распространенность атипичной микрофлоры среди пациентов с бронхообструктивными заболеваниями // Рус. мед. журн. 2015; 4: 242.

5. Заплатников А.Л., Гирина А.А., Короид Н.В. и др. Рациональный выбор стартовой антибактериальной терапии инфекций органов дыхания у детей // Клин. и неотлож. педиатрия. 2015; 1: 25–29.

6. Зубков М.Н. Алгоритм терапии острых и хронических инфекций верхних и нижних дыхательных путей // Рус. мед. журн. 2009; 2: 123.

7. Карнеева О.В., Поляков Д.П. Диагностическая и лечебная тактика при остром среднем отите в соответствии с современными рекомендательными документами // Рус. мед. журн. 2015; 23: 1373–1376.

8. Лопатин А.С. Антибактериальная терапия при острых инфекциях ЛОР органов // Рус. мед. журн. 2004; 2: 94.

9. Максимов М.Л., Каннер Е.В. Подходы к фармакотерапии внебольничной пневмонии. Обзор современных рекомендаций // Рус. мед. журн. 2015; 4: 194.

10. Овчинников А.Ю., Панякина М.А. Положительный опыт комплексного консервативного лечения острого и хронического гайморита в стадии обострения // Эффект. фармакотерапия: пульмонология и оториноларингология. 2010; 2: 84–92.

Поступила 12.03.2016

ПРЯМЫЕ И НЕПРЯМЫЕ АНТИКОАГУЛЯНТЫ: ОСОБЕННОСТИ ТЕРАПИИ И КОНТРОЛЯ ЛЕЧЕНИЯ

Е.Н. Остапенко
Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Описаны плазменные факторы свертывания крови, механизмы действия прямых и непрямых антикоагулянтов, в том числе новых оральных антикоагулянтов. Рассмотрены показания к их применению, тактика при различных клинических ситуациях, особенности контроля лечения.

Ключевые слова: нефракционированный гепарин, низкомолекулярные гепарины, фондапаринукс, варфарин, ривароксабан, дабигатран.

Прямые и непрямые антикоагулянты широко применяются в современной медицине как в стационарных, так и в амбулаторных условиях. Пациент после консультации или лечения на уровне специализированной помощи нередко получает рекомендации по длительной антикоагулянтной терапии. Это требует знаний врача общей практики в данной области для правильного применения антикоагулянтных лекарственных средств (ЛС), контроля лечения, своевременного выявления и коррекции побочных эффектов.

Базовые сведения о системе свертывания крови. Основы современной теории свертывания крови были заложены профессором Тартуского университета А.А. Шмидтом (1861–1895), а дополнены и уточнены P. Morawitz (1905).

Свертывание крови – многоэтапный каскадный ферментный процесс, в котором последовательно активируются проферменты и действуют силы аутокатализа, функционирующие как сверху вниз, так и по механизму обратной связи. Образование волокон фибрина, составляющего основу любого сгустка крови, связано с ферментным отщеплением от молекул фибриногена небольших фрагментов (фибринопептидов), после чего остающиеся основные части этих молекул (фибрин-мономеры) соединяются друг с другом в длинные цепи – фибринполимеры. Фермент крови, вызывающий отщепление фибринопептидов и превращение фибриногена в фибрин, называется «тромбин». Готового тромбина в плазме нет, но в ней имеется его неактивный предшественник – протромбин, или фактор II свертывания крови, который в присутствии ионов кальция и под влиянием тромбокиназы превращается в тромбин.

Плазменные факторы свертывания крови (международная номенклатура). *Фактор I – фибриноген.* Синтезируется в печени и клетках ретикулоэндотелиальной системы (в костном мозге, селезенке, лимфатических узлах). Содержание в плазме – 2–4 г/л, период полураспада – 72–120 ч. Минимальный уровень, необходимый для гемостаза, составляет 0,8 г/л. Под влиянием тромбина фибриноген превращается в фибрин, который образует сетчатую основу тромба.

Фактор II – протромбин. Синтезируется в печени при участии витамина К. Содержание в плазме – около 0,1 г/л, период полураспада 48–96 ч. Уровень протромбина, или его функциональная полноценность, снижается при эндогенной или экзогенной недостаточности витамина К. Скорость свертывания крови нарушается лишь при концентрации протромбина ниже 40 % от нормы. В естественных условиях при свертывании крови под действием тромбопластина и ионов кальция, а также при участии факторов V и Xa (активированного X фактора), объединяемых общим термином «протромбиназа», протромбин превращается в тромбин. Во время реакции образуется ряд дериватов протромбина, аутопротромбинов и, наконец, различных типов тромбина (тромбина С, тромбина Е), которые обладают прокоагулянтной, антикоагулянтнойт и фибринолитической активностью. Образующийся тромбин С – основной продукт реакции – способствует свертыванию фибриногена.

Фактор III – тканевый тромбопластин. Термостабильный липопротеид, имеется в различных органах – в легких, мозгу, почках, сердце, печени, скелетных мышцах. В тканях содержится в неактивном состоянии в виде предшественника – протромбопластина. При взаимодействии с плазменными факторами (VII, IV) способен активировать фактор X, участвует во внешнем пути формирования протромбиназы – комплекса факторов, превращающих протромбин в тромбин.

Фактор IV – ионы кальция. Содержание в плазме составляет 2,3–2,75 ммоль/л. В процессе свертывания не расходуется. Ионы кальция участвуют во всех трех фазах свертывания крови: в активации протромбиназы (I фаза), превращении протромбина в тромбин (II фаза) и фибриногена в фибрин (III фаза).

Фактор V – проакцелерин. Образуется в печени, но, в отличие от других печеночных факторов протромбинового комплекса (II, VII, и X), не зависит от витамина К и легко разрушается. Необходим для образования внутренней (кровяной) протромбиназы (активирует фактор X) и превращения протромбина в тромбин.

Фактор VI – акцелерин, или сывороточный АС-глобулин (исключен из номенклатуры факторов свертывания).

Фактор VII – проконвертин – конвертин. Синтезируется в печени при участии витамина К. Содержание в плазме – около 0,005 г/л, период полураспада – 4–6 ч. Конвертин играет основную роль в образовании тканевой протромбиназы и превращении протромбина в тромбин.

Фактор VIII – антигемофильный глобулин А. Участвует во «внутреннем» пути формирования протромбиназы, усиливая активирующее воздействие фактора IXa (активированного фактора IX) на фактор X. Фактор VIII циркулирует в крови, будучи связанным с фактором Виллебранда.

Фактор IX – фактор Кристмаса, антигемофильный глобулин В. Образуется в печени при содействии витамина К. Участвует во «внутреннем» пути формирования протромбиназы, активируя в комплексе с фактором VIII, ионами кальция и фактором 3 тромбоцитов фактор X.

Фактор X – фактор Стюарта-Прауэра, протромбиназа. Вырабатывается в печени в неактивном состоянии, витамин К-зависим. Участвует в образовании протромбиназы. В схеме свертывания крови активный фактор X (Xa) является центральным фактором протромбиназы, превращающей протромбин в тромбин. В активную форму фактор X трансформируется под действием факторов VII и III (внешний, тканевый, путь образования протромбиназы) или фактора IXa вместе с VIIIa и фосфолипидом при содействии ионов кальция (внутренний, кровяной, путь образования протромбиназы).

Фактор XI – фактор Розенталя, плазменный предшественник тромбопластина, антигемофильный фактор С. Синтезируется в печени. Активная форма этого фактора (XIa) образуется при участии факторов XIIa, Флетчера и Фитцджеральда. Форма XIa активирует фактор IX, который превращается в фактор IXa.

Фактор XII – фактор контакта, фактор Хагемана. Синтезируется в печени. Участвует во «внутреннем» пути формирования протромбиназы, активируя фактор XI.

Фактор XIII – фибринстабилизирующий фактор, фибриназа, плазменная трансглутаминаза. Определяется в сосудистой стенке, тромбоцитах, эритроцитах, почках, легких, мышцах, плаценте. В плазме находится в виде профермента, соединенного с фибриногеном. Участвует в формировании плотного сгустка. Оказывает также влияние на адгезивность и агрегацию кровяных пластинок.

Фактор Виллебранда – антигеморрагический сосудистый фактор. Синтезируется эндотелием сосудов и мегакариоцитами, содержится в плазме и тромбоцитах.

Антикоагулянты прямого действия (ингибиторы тромбина). Антикоагулянтами прямого действия называют антитромботические ЛС, оказывающие непосредственное влияние на активность циркулирующих в крови факторов свертывания, в противоположность антикоагулянтам непрямого действия, которые тормозят синтез протромбина и некоторых других факторов свертывания в печени. Общим свойством применяемых в настоящее время прямых антикоагулянтов является их способность тормозить ферментативную активность тромбина, который играет ключевую роль в тромбообразовании. Поэтому по основному механизму антитромботического действия все прямые антикоагулянты можно рассматривать как ингибиторы тромбина.

Различают две основные группы антикоагулянтов прямого действия:

А. *Зависимые от антитромбина III ингибиторы тромбина:*

нефракционированный гепарин (НФГ);

низкомолекулярные (фракционированные) гепарины (НМГ): дальтепарин, надропарин, эноксапарин и др.

Б. *Независимые от антитромбина III ингибиторы тромбина:*

гирудин (нативный) и рекомбинантный; олигопептиды: PPACK (D-Phenylalanine-1-propyl-l-arginyl-chloromethyl ketone), аргатробан, иногатран, новостан, тромстоп, эфегатран (в Республике Беларусь не зарегистрированы).

В настоящее время из антитромботических ЛС чаще используются обычный (нефракционированый) гепарин (НФГ) и низкомолекулярные (фракционированные) гепарины (эноксапарин, фраксипарин и дальтепарин).

Нефракционированный гепарин. Открыт американским студентом-медиком J. McLean в 1916 г. Представляет собой гликозаминогликан, состоящий из нескольких цепей сульфатированных мукополисахаридов различной длины и молекулярной массы.

Вырабатывается в основном тучными клетками (мастоцитами), расположенными во всех тканях организма. Наибольшая его концентрация выявляется в легких, кишечнике и печени. Для клинического применения гепарин получают из слизистой оболочки свиньи и легких крупного рогатого скота. В связи с тем, что коммерческие препараты НФГ различаются по происхождению, степени очистки и содержанию воды, дозы их выражаются не в миллиграммах, а в международных единицах (ЕД).

Механизм антикоагулянтного действия НФГ хорошо изучен и заключается в торможении активности тромбина, который катализирует превращение фибриногена в фибрин. В 1939 г. K. Brinkhous и соавт. показали, что антитромбиновая активность НФГ зависит от наличия плазменного белка, прежде носившего название «кофактор гепарина», а теперь «антитромбин III». Антитромбин III является альфа-2-глобулином с молекулярной массой 65 000 Д, синтезируется в печени и в избыточном количестве имеется в плазме крови. При связывании НФГ с антитромбином III в молекуле последнего происходят конформационные изменения, которые позво-

ляют ему быстрее соединяться с активным центром тромбина. Таким образом, НФГ тормозит тромбообразование, способствуя инактивации тромбина его физиологическим ингибитором антитромбином III. В присутствии НФГ инактивация тромбина антитромбином III ускоряется примерно в 1000 раз.

Кроме инактивации тромбина и других сериновых протеаз, НФГ оказывает гиполипидемическое воздействие, тормозит пролиферацию и миграцию эндотелиальных и гладкомышечных клеток сосудистой стенки. Гиполипидемическое действие связано с его способностью активировать липопротеидлипазу – фермент, который гидролизует триглицериды, входящие в состав хиломикронов и липопротеидов очень низкой плотности. Подавляя пролиферацию и миграцию гладкомышечных клеток, НФГ потенциально может замедлять прогрессирование атеросклеротических поражений, т. е. при длительном применении оказывать антиатерогенное воздействие.

Влияние НФГ на агрегацию тромбоцитов неоднозначно. С одной стороны, инактивируя тромбин, он может уменьшать или предупреждать агрегацию тромбоцитов, с другой – способен усиливать агрегацию тромбоцитов, вызванную другими индукторами (помимо тромбина).

НФГ рекомендуется вводить внутривенно под контролем активируемого частично тромбопластинового времени (АЧТВ), которое необходимо увеличить не менее чем в 1,5–2 раза по сравнению с исходными значениями. При назначении НФГ следует отдавать предпочтение внутривенному непрерывному способу его введения, что позволяет поддерживать оптимальные значения АЧТВ на протяжении суток. Для точной дозировки НФГ удобнее использовать инфузомат. Вначале 5000 ЕД НФГ вводят внутривенно болюсно, затем начинают непрерывную инфузию со средней скоростью 1000–1300 ЕД/ч. Скорость инфузии изменяют в зависимости от значений АЧТВ, которое определяют до введения НФГ, а в дальнейшем через 6 и 12 ч после болюсного его введения в течение первых суток, потом не менее 1 раза в сутки.

Осложнения гепаринотерапии. Самое частое осложнение – кровотечение. Частота кровотечений при лечении НФГ колеблется в широких пределах в зависимости от дозы препарата, способа его введения и некоторых других факторов. Риск возникновения кровотечений повышен у пожилых и пациентов с почечной или печеночной недостаточностью, при комбинации его с ацетилсалициловой кислотой (АСК) или тромболитическими препаратами.

Другое серьезное осложнение – тромбоцитопения, которая обычно развивается между 3–15-м днями от начала лечения. Частота тромбоцитопении составляет в среднем 2,4 % при использовании больших доз НФГ и 0,3 % при назначении его с профилактической целью. Примерно у 0,4 % пациентов индуцированная НФГ тромбоцитопения сопровождается развитием артериальных или венозных тромбозов.

Для снижения риска развития кровотечений и тромбоцитопении во время гепаринотерапии в средних или высоких дозах необходимо не только учитывать противопоказания к назначению НФГ, но и осуществлять контроль АЧТВ и количества тромбоцитов в процессе лечения.

Противопоказания к назначению НФГ:

острое внутреннее кровотечение;

недавнее (в течение 10 дней) серьезное кровотечение из желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) или мочеполовых путей;

геморрагический или ишемический (если нельзя исключить его перехода в геморрагический) инсульт; геморрагический инсульт в анамнезе;

недавняя (в течение 2 мес) травма или операции на головном либо спинном мозге;

недавняя (в течение 10 дней) обширная операция, травма с возможным повреждением внутренних органов или биопсия внутренних органов;

геморрагический диатез;

неконтролируемая артериальная гипертензия (АД выше 180/120 мм рт. ст.);

индуцированная гепарином тромбоцитопения в анамнезе;

подозрение на расслаивающую аневризму аорты или острый панкреатит;

острый перикардит, инфекционный эндокардит, диабетическая геморрагическая ретинопатия.

Контроль лечения. В первые дни гепаринотерапии рекомендуется ежедневно определять число эритроцитов и тромбоцитов в крови, а каждые 3 дня – число эритроцитов в моче и наличие крови в кале. Ежедневно следует осматривать кожные покровы и слизистые оболочки носа и полости рта, а также мочу и кал, чтобы не пропустить кровотечения. Гепаринотерапию немедленно прекращают при обнаружении кровотечения или снижении числа тромбоцитов более чем в 2 раза по сравнению с исходным уровнем или ниже 100 000 в 1 $мм^3$.

При возникновении серьезного кровотечения во время лечения НФГ в качестве его антидота используют протамина сульфат. Протамина сульфат в дозе 1 мг может нейтрализовать эффект 100 ЕД НФГ. Обычно протамина сульфат вводится внутривенно медленно в дозе не более 50 мг. Следует помнить, что протамин сульфат может вызывать анафилактическую реакцию, а его избыток – антикоагулянтный эффект.

Внимание следует обращать и на такую побочную реакцию НФГ, как повышение активности трансаминаз, которая наблюдается у 60–80 % пациентов. Активность аланиновой аминотрансферазы повышается в значительно большей степени по сравнению с аспарагиновой – ее уровни могут увеличиться в 15 раз по сравнению с верхней границей нормы. Повышение активности аминотрансфераз обычно происходит на 5–10-й день гепаринотерапии. Уровни этих ферментов у 20 % пациентов нор-

мализуются во время лечения, но у большинства из них – только после отмены ЛС. Имеются сообщения о возможном повышении активности лактатдегидрогеназы, γ-глютамилтранспептидазы (ГГТП) и щелочной фосфатазы.

Повышение активности ферментов во время гепаринотерапии может создавать определенные трудности в диагностике тромбоэмболии легочной артерии (ТЭЛА), острого ИМ (или его рецидива), гепатита и/или гемолитической анемии.

Резистентность к НФГ наблюдается у пациентов со сниженным уровнем антитромбина III. Дефицит антитромбина III может быть наследственным и приобретенным. Основными причинами приобретенного дефицита антитромбина III являются терапия высокими дозами НФГ, гепатит, цирроз печени, нефротический синдром, беременность, прием пероральных контрацептивов, синдром диссеминированного внутрисосудистого свертывания, острый тромбоз глубоких вен, острое воспаление и др.

Внутривенная инфузия высоких доз нитроглицерина также может вызвать развитие резистентности к НФГ, что следует учитывать при лечении пациентов с ИБС.

При лечении НФГ важное клиническое значение имеет *феномен отмены*, или *«реактивации»*, впервые описанный P. Theroux и соавт. (1991) у пациентов с нестабильной стенокардией. Авторы обратили внимание на значительное увеличение риска обострений ишемической болезни сердца (ИБС), возможность развития инфаркта миокарда (ИМ) и смерти после прекращения гепаринотерапии. Поэтому для предупреждения феномена «реактивации» у пациентов с ИБС после окончания курса гепаринотерапии рекомендуется продолжить прием АСК в дозе 75–80 мг в сутки.

Низкомолекулярные гепарины. В 70-е гг. было обнаружено, что при деполимеризации НФГ закономерно снижается его способность удлинять АЧТВ, при этом способность инактивировать фактор Ха сохраняется. Дальнейшие исследования показали, что молекулы гепарина, содержащие меньше 18 сахаридных остатков (молекулярная масса меньше 5400 Д), не влияют на инактивацию тромбина антитромбином III, но сохраняют способность катализировать инактивацию фактора Ха. Иными словами, низкомолекулярные фракции гепарина (НМГ) обладают способностью нейтрализовать лишь фактор Ха, не изменяя при этом активности тромбина (фактора IIa).

Преимущества НМГ. При одинаковой антитромботической активности НМГ обладают целым рядом преимуществ перед высокомолекулярными его фракциями:

1) им присуща более продолжительная антитромботическая активность, чем НФГ: в то время как период полувыведения (T1/2) НФГ составляет 50–60 мин, T1/2 НМГ при внутривенном введении колеблется от 1,5 до 4,5 ч; значительная продолжительность антитромботического действия НМГ позволяет назначать их 1 или 2 раза в сутки;

2) биодоступность большинства НМГ после глубокой подкожной инъекции составляет около 90 %, в то время как у НФГ – всего 15–20 %, поэтому в отличие от НФГ можно назначать НМГ подкожно не только с профилактической, но и с лечебной целью;

3) механизмы и пути выведения НФГ и НМГ различны, и клиренс НМГ является более медленным и равномерным, чем НФГ, что объясняют тем, что НМГ менее сульфатированы и поэтому хуже связываются с мембранами эндотелиальных клеток и плазменными белками. Элиминация НМГ из организма происходит через почки. При почечной недостаточности T1/2 НМГ значительно удлиняется. НМГ в значительно меньшей степени, чем НФГ, связываются с плазменными белками, которые способны нейтрализовать их антитромботическую активность. Низким сродством НМГ к гепарин-нейтрализующим плазменным белкам объясняют их высокую биодоступность при назначении в низких дозах и большую предсказуемость антикоагулянтного ответа на высокие дозы.

Все указанные особенности фармакокинетики и фармакодинамики НМГ обусловливают их несомненное преимущество перед обычным НФГ.

Кроме того, назначение НМГ *реже сопровождается появлением признаков тромбоцитопении* по сравнению с НФГ, так как способность вызывать агрегацию тромбоцитов более выражена у НМГ. В то же время НМГ не следует назначать пациентам с индуцированной НФГ тромбоцитопенией из-за высокой частоты перекрестных реакций с гепарин-зависимыми антителами.

Фондапаринукс – первый синтетический селективный ингибитор активированного X-фактора, одобренный к клиническому применению. Избирательно связываясь с антитромбином III, потенциирует нейтрализацию фактора Ха антитромбином III примерно в 300 раз. Нейтрализация фактора Ха прерывает каскад коагуляции, ингибирует генерацию тромбина, а следовательно, и тромбообразование. *Фондапаринукс не инактивирует уже образовавшийся тромбин и не влияет на тромбоциты.* Вследствие высокой биодоступности и значительного периода полувыведения (17 ч) фондапаринукс достаточно назначать один раз в день. Фондапаринукс не влияет на результаты обычных коагуляционных тестов, таких как тромбиновое, протромбиновое время, МНО, активированное время свертывания. В высоких концентрациях данное ЛС способно слабо влиять на значения АЧТВ. При его применении не описано ни одного случая гепарининдуцируемой тромбоцитопении. Около 70 % фондапаринукса выводится в неизмененном виде через почки, выведение фондапаринукса уменьшается при нарушении функции почек, что может увеличивать риск развития кровотечений.

Антикоагулянты непрямого действия (оральные антикоагулянты). Оральные антикоагулян-

Таблица 1

Фармакокинетика оральных антикоагулянтов – антивитаминов К

Лекарственные средства	Время полужизни, ч	Время для оптимальной гипокоагуляции, сут	Форма выпуска	Поддерживающая доза, мг
Варфарин	30–80	3–5	Табл. 2,5; 5; 10 мг	2,5–10
Маркумар	72– 120	8–15	Табл. 3 мг	0,75–6
Синкумар	10	2	Табл. 2 мг	1–8

ты (ОАК) не оказывают прямого воздействия на уже образовавшийся тромб. *Цель лечения ОАК* состоит в том, чтобы предотвратить возникновение тромбов или дальнейшее увеличение их размеров, а также препятствовать вторичным тромбоэмболическим осложнениям, которые могут закончиться серьезными, нередко фатальными, осложнениями. В зависимости от химической структуры молекулы ОАК различают производные монокумарина и дикумарина, циклокумарины и индандионы. Наиболее широкое применение в мире получили производные монокумарина: варфарин, маркумар и синкумар, что обусловлено их оптимальной продолжительностью действия и хорошей переносимостью (табл. 1).

Под влиянием варфарина и других ОАК происходит снижение уровня прокоагулянтов – факторов II, VII, IX, X, а также нарушение специфических превращений их основного предшественника – протеина, индуцируемого отсутствием витамина К. Поэтому варфарин и его аналоги получили название антивитаминов К.

Серьезным недостатком антивитаминов К является медленное наступление их эффекта. Максимальное гипокоагуляционное их действие наступает через 4–5 сут после начала лечения. Попытки ускорить наступление гипокоагуляционного действия в начале терапии за счет применения ударных доз нередко приводят к развитию кровотечений. Частота кровотечений при использовании антивитаминов К достигает 12–20 %.

При применении антивитаминов К страдает активность сразу нескольких факторов свертывания крови, и это делает терапию трудноуправляемой. Кроме того, ОАК индуцируют повышение сосудистой проницаемости, что приводит к появлению повышенной кровоточивости.

Контроль эффекта антивитаминов К многоступенчатый и сложный. Для контроля гипокоагуляции при приеме ОАК был предложен показатель международного нормализованного отношения (МНО). Оценка результатов протромбинового теста с помощью МНО позволяет контролировать эффективность и безопасность применения оральных антикоагулянтов.

В соответствии со значениями МНО различают 3 уровня интенсивности гипокоагуляции: высокий (от 2,5 до 3,5), средний (от 2,0 до 3,0) и низкий (от 1,6 до 2,0).

Клинически значимые изменения в свертывании крови после приема первой дозы ОАК определяются не ранее чем через 8–12 ч, максимальный эффект проявляется спустя 72–96 ч, а продолжительность действия однократно принятой дозы может составлять от 2 до 5 сут.

Терапию ОАК рекомендуется начинать с поддерживающих доз: 2,5–5 мг для варфарина, 0,75–3 мг для маркумара и 1–4 мг для синкумара. Более низкие стартовые дозы показаны пациентам старше 60 лет, при нарушении функции печени и почек, артериальной гипертензии, застойной сердечной недостаточности, а также при сопутствующей терапии ЛС, усиливающими действие ОАК. Перед назначением ОАК необходимо определить общий анализ крови, включая подсчет тромбоцитов, протромбиновое время, АЧТВ, общий анализ мочи, оценить функциональное состояние печени и почек, так как главным отрицательным их действием является гепатотоксичность.

Антивитамины К эффективны главным образом при лечении венозных тромбозов и для профилактики тромбоэмболий у пациентов с тромбозом глубоких вен голеней, пороками митрального клапана и фибрилляцией предсердий. При лечении пациентов с протезированными клапанами сердца, шунтами, стентированными сосудами, синдромом диссеминированного внутрисосудистого свертывания крови, артериальной эмболией, инфарктом миокарда их эффективность значительно ниже.

Варфарин следует принимать один раз в день в фиксированное время после еды. Контроль МНО проводится через 8–10 ч после приема ЛС. На протяжении первой недели МНО следует определять ежедневно, затем 1 раз в неделю (табл. 2 и 3).

Если пациенту показан более высокий уровень гипокоагуляции – МНО = 3,0 (2,5–3,5), следует соблюдать алгоритм, представленный в табл. 4.

При достижении необходимого уровня МНО алгоритм дальнейшего наблюдения должен быть следующим: первое определение МНО – через 5–10 дней, второе – через 2 недели, третье – через 3 недели, а затем через 4 недели на протяжении всего периода приема варфарина.

На стабильность антикоагулянтного действия ОАК оказывает влияние множество факторов: особенности питания, физическая активность, функциональное состояние печени и почек, сопутствующие болезни и их лечение. Потенцирует действие ОАК

Таблица 2

Алгоритм стартового лечения ОАК на примере варфарина (Б.А. Кудряшова, 2002)

Дни	МНО (в 9:00–11:00)	Дозы варфарина, мг (прием в 17:00–19:00)
1-й	Исходное МНО	5,0
2-й	< 1,5 1,5–1,9 2,0–2,5 > 2,5	5,0 2,5 1,0–2,5 0,0
3-й	< 1,5 1,5–1,9 2,0–3,0 > 3,0	5,0–10,0 2,5–5,0 0,0–2,5 0,0
4-й	< 1,5 1,5–1,9 2,0–3,0 > 3,0	10,0 5,0–7,5 0,0–5,0 0,0
5-й	< 1,5 1,5–1,9 2,0–3,0 > 3,0	10,0 7,5–10,0 0,0–5,0 0,0
6-й	< 1,5 1,5–1,9 2,0–3,0 > 3,0	7,5–12,5 5,0–10,0 0,0–7,5 0,0

Таблица 3

Алгоритм изменения дозы варфарина при среднем уровне гипокоагуляции МНО = 2,5 (2,0–3,0) (Б.А. Кудряшова, 2002)

МНО	Изменение недельной дозы	Контроль МНО через
< 1,5	увеличить на 10–20 %	4–8 дней
1,5–1,9	увеличить на 5–10 %	7–14 дней
2,0–3,0	без изменений	см. ниже алгоритм наблюдения
3,1–3,9	снизить на 5–10 %	7–14 дней
4,0–4,9	пропустить 1 день и снизить на 10 %	4–7 дней
5,0–6,0	пропустить 1–2 дня и снизить на 5–15 %	1–5 дней

Таблица 4

Алгоритм назначения варфарина при высоком уровне гипокоагуляции МНО = 3,0 (2,5–3,5) (Б.А. Кудряшова, 2002)

МНО	Изменение недельной дозы	Контроль МНО через
< 1,5	увеличить на 10–20 %	4–8 дней
1,5–2,4	увеличить на 5–10 %	7–14 дней
2,5–3,5	без изменений	см. ниже алгоритм наблюдения
3,6–4,5	снизить на 5–10 %	7–14 дней
4,5–6,0	пропустить 1–2 дня и снизить на 5–15 %	2–8 дней

Таблица 5

Взаимодействие лекарственных средств с ОАК

Усиливают активность ОАК	Снижают активность ОАК
Аллопуринол, амиодарон, анаболические стероиды, ацетаминофен, АСК, диазоксид, клофибрат, налидиксовая кислота, омепразол, пиразолон, ранитидин, симвастатин, стрептокиназа, сульфониламиды, тамоксифен, тиреоидные гормоны, тиклодипин, толбутамид, урокиназа, хинидин, хлоралгидрат, цефокситин, циметидин	Антациды, антигистаминные ЛС, барбитураты, галоперидол, гризеофульвин, мепробамат, оральные контрацептивы, сукральфат, холестирамин, циклоспорин

алкоголь, недостаточное поступление витамина К с пищей, обструкция желчевыводящих путей и связанная с ней недостаточная абсорбция витамина К в кишечнике, антибиотикотерпия, гипертиреоз. Ослабляют их терапевтические эффекты вегетарианское питание, гипотиреоз, генетическая резистентность, ЛС, являющиеся индукторами ферментов цитохрома Р450 в печени (табл. 5 и 6).

Варфарин в подобранной по МНО дозе на протяжении десятилетий был основой профилактики венозных тромбоэмболических осложнений.

Новые оральные антикоагулянты (НОАК). Несколько лет назад появились НОАК: дабигатран, ривароксабан, апиксабан. НОАК по эффективности и безопасности не уступают варфарину в профилактике ишемического инсульта и системных эмболий у пациентов с фибрилляцией предсердий и во вторичной профилактике венозных тромбоэмболических осложнений у пациентов с тромбозом глубоких вен и/или тромбоэмболией легочной артерии.

НОАК, в отличие от варфарина, назначают в фиксированных дозах, которые изменяют только при определенных клинических показаниях: у пациентов пожилого возраста или при наличии признаков нарушения функции почек. К достоинствам НОАК следует также отнести отсутствие необходимости постоянного контроля МНО и низкий риск взаимодействия с другими препаратами.

Для НОАК характерны различные механизмы действия.

Дабигатран – прямой обратимый ингибитор IIa фактора (тромбина), ривароксабан и апиксабан – прямые обратимые ингибиторы Xa фактора. Дабигатран является пролекарством, в печени превращается в активный метаболит, который и ингибирует IIa фактор. Дабигатран – прямой кон-

Таблица 6

Содержание витамина К в некоторых пищевых продуктах

Пищевые продукты	Содержание витамина К, мкг/100 г
Говяжья печень	93
Сливочное масло	30
Сыр	35
Яйцо	11
Молоко	1
Соевое масло	193
Брокколи	175
Капуста	125
Салат	129
Шпинат	415
Кофе	38
Зеленый чай	712

Примечание. Суточная потребность в витамине К составляет 0,03–1,5 мкг/кг/сут (до 105 мкг/сут).

курентный ингибитор как свободного, так и находящегося в составе тромба тромбина. Он также подавляет индуцируемую тромбином агрегацию тромбоцитов. Назначают дабигатран по 150 мг 2 раза в сутки (если клиренс креатинина ≥ 30 мл/мин) и по 75 мг 2 раза в сутки (если индекс креатинина 15–30 мл/мин).

Ривароксабан – селективный пероральный ингибитор Ха фактора свертывания крови. Назначают ривароксабан по 20 мг 1 раз в сутки или по 15 мг 1 раз в сутки при наличии у пациента почечной недостаточности.

Отличаются НОАК по биодоступности, которая для дабигатрана составляет 6 %, ривароксабана – 80–100 %.

Максимальные концентрации НОАК в плазме крови достигаются быстро и примерно в одно и то же время, что приводит к быстрому развитию антикоагулянтного действия. Период выведения НОАК составляет от 7 до 14 ч. У дабигатрана он несколько длиннее, чем у ривароксабана и апиксабана. Выводится дабигатран преимущественно почками в неизмененном виде, в то время как почечный путь у ривароксабана составляет лишь 30–35 %. Поэтому в случае почечной недостаточности дозы дабигатрана требуют тщательной коррекции.

Дабигатран не рекомендуется назначать пациентам с механическими клапанами сердца, на поздних стадиях хронической болезни почек, а также пациентам, находящимся на гемодиализе.

Применение антикоагулянтных ЛС при остром коронарном синдроме (ОКС). ***ОКС без подъема сегмента ST.*** Выбор антикоагулянтного ЛС для пациентов с ОКС без подъема сегмента ST основывается на трех возможных стратегиях: неотложной инвазивной, ранней инвазивной и консервативной.

При *неотложной инвазивной стратегии* у пациентов высокого риска сердечно-сосудистых осложнений (с рефрактерной стенокардией, развивающимся мелкоочаговым ИМ, рецидивирующей стенокардией, наличием депрессий сегмента ST или отрицательных зубцов Т на ЭКГ, признаками сердечной недостаточности, кардиогенного шока, жизнеугрожающими аритмиями) или когда предполагается проведение коронароангиографии (КАГ) и чрескожных коронарных вмешательств (ЧКВ) в течение первых двух часов, предпочтительнее использовать НМГ или НФГ (не фондапаринукс).

В *неургентных ситуациях, когда речь идет о выборе между ранней инвазивной и консервативной стратегией*, рекомендуется назначение фондапаринукса как препарата, обладающего лучшим профилем эффективности/безопасности.

Для уменьшения риска возможного кровотечения ЧКВ следует проводить не ранее чем через 24 ч после введения последней дозы фондапаринукса.

После проведения ЧКВ рекомендовано продолжить введение того антикоагулянтного ЛС, которое было выбрано изначально (это может быть НФГ или НМГ). Для предупреждения возможного развития тромбоза катетера в ходе выполнения ЧКВ в случае начатой терапии фондапаринуксом до ЧКВ дополнительно следует ввести болюсно НФГ из расчета 50–100 ЕД/кг массы пациента.

При консервативной стратегии продолжительность назначения антикоагулянтного ЛС, в том числе фондапаринукса, должна составлять не менее 5 дней. Учитывая данные о связи нарушений функции почек с частотой кровотечений у пациентов с ОКС, рекомендовано перед назначением антикоагулянтной терапии определить клиренс креатинина. Особое внимание следует обращать на пограничные значения креатинина, так как они часто ассоциируются со значимыми снижениями клиренса, особенно у пожилых пациентов, женщин, а также у лиц с небольшой массой тела. Поэтому при СКФ < 30 мл/мин предпочтение следует отдавать НФГ под контролем АЧТВ.

Применение антикоагулянтных ЛС при тромбозе глубоких вен и тромбоэмболии легочной артерии. У пациентов с ***остро возникшим тромбозом глубоких вен и тромбоэмболией легочной артерии (ТГВ/ТЭЛА)*** продолжительность применения НФГ, НМГ и фондапаринукса должна составлять не менее 5 сут и продолжаться до тех пор, пока не будет подобрана адекватная доза антагонистов витамина К с целевым уровнем МНО ≥ 2,0 или назначены НОАК.

Доза фондапаринукса подбирается из расчета веса пациента (≤ 50 кг – 5 мг, от 50 до 100 кг – 7,5 мг, >100 кг – 10 мг) и вводится 1 раз в сутки.

Для профилактики ТГВ/ТЭЛА доза фондапаринукса должна составлять 2,5 мг в сутки подкожно на протяжении 5–9 дней.

Применение антикоагулянтных ЛС при фибрилляции и трепетании предсердий. Профилактика кардиоэмболических инсультов. В ***целях первичной и вторичной профилактики инфаркта мозга*** необходимо провести стратификацию риска инфаркта мозга.

Очень высокий риск. К этой группе относят пациентов с любым из следующих состояний: сердечно-сосудистые заболевания, подтвержденные данными коронарной ангиографии, стрессовой эхокардиографии, ультразвуковым исследованием сонных артерий; перенесенные в прошлом ИМ, ОКС, реваскуляризация коронарных артерий (ЧКВ или аортокоронарное шунтирование); ишемический инсульт (инфаркт мозга) в анамнезе; наличие признаков атеросклеротического поражения периферических сосудов; сахарный диабет 2 или 1 типа с повреждением органов-мишеней; хроническая болезнь почек умеренной или выраженной степени тяжести (скорость клубочковой фильтрации < 60 мл/мин/1,73 м^2); риск летальной сердечно-сосудистой патологии по шкале SCORE > 10 % .

Высокий риск. В эту группу относят пациентов с заметно повышенным уровнем одного из факторов риска, например с наследственной дислипидемией или артериальной гипертензией, а также пациентов с риском по шкале SCORE > 5 % и < 10 %.

Умеренный риск. Определяется в тех случаях, если по шкале SCORE риск развития летальной сердечно-сосудистой патологии в ближайшие 10 лет составляет > 1 % и < 5 %. На умеренный уровень риска оказывают влияние такие факторы, как наследственный анамнез, преждевременное развитие сердечно-сосудистых заболеваний, абдоминальный тип ожирения, низкий уровень физической активности, сниженный уровень холестерина липопротеинов высокой плотности, повышенные уровни триглицеридов, липопротеина(а), аполипопротеина В, фибриногена, гомоцистеина и низкое социально-экономическое положение пациента.

Низкий риск. К категории низкого риска относят пациентов с оценкой по шкале SCORE < 1 %.

Для пациентов высокого риска показан постоянный прием ОАК. Оптимальным уровнем МНО при использовании антивитаминов К признается его диапазон от 2,0 до 3,0, а для лиц старше 75 лет – от 1,6 до 2,5. При промежуточном (умеренном) риске КЭИ рекомендован прием варфарина или АСК 75–325 мг/сут. Предпочтение следует отдавать варфарину, так как АСК у этих пациентов снижает риск инсультов только на 33 %. При низком риске КЭИ показан прием только АСК. Этим пациентам антитромбоцитарные препараты можно не назначать вообще.

При выборе тактики лечения пациентов с фибрилляцией или трепетанием предсердий необходимо также учитывать ***давность аритмии (до 48 ч или свыше)***. Пациентам с фибрилляцией предсердий (ФП) или трепетанием предсердий при отсутствии факторов риска до 48 ч перед кардиоверсией необходимо назначить внутривенно НФГ или подкожно НМГ без последующей антикоагулянтной терапии после кардиоверсии. В случаях фибрилляции или трепетания предсердий до 48 ч, но высоком риске КЭИ, необходимо введение НФГ или НМГ с последующим долговременным приемом ОАК под контролем МНО (2,0–3,0). Пациентам с ФП, нуждающимся в немедленной кардиоверсии, параллельно с проведением электрической кардиоверсии назначают НФГ 5000 ЕД внутривенно болюсно, а затем в виде капельной инфузии до АЧТВ 50–70 с или используют НМГ. При давности ФП 48 ч и более или неизвестной антикоагулянтной терапии (варфарин) рекомендуется проводить не менее 3 недель при стабильном уровне МНО 2,0–3,0 до и не менее 4 недель после кардиоверсии, независимо от используемой методики восстановления синусового ритма (электрическая или фармакологическая кардиоверсия).

При наличии ***тромбов в полостях сердца*** рекомендован прием варфарина или НОАГ не менее 3 недель с повторным проведением чреспищеводной ЭхоКГ. При отсутствии тромбов в полостях сердца можно ставить вопрос о кардиоверсии с последующим приемом варфарина или НОАГ не менее 4 недель после восстановления ритма или пожизненно при наличии у пациента других факторов риска инсульта.

Если тромбы в полостях сердца сохраняются, следует применить альтернативную стратегию: оставить ФП и осуществлять контроль частоты сокращения желудочков с помощью сердечных гликозидов и/или β-адреноблокаторов, возможно использование верапамила. Всем пациентам при наличии тромбов в полостях сердца показан длительный прием варфарина под контролем МНО (2–3) или НОАК.

Обновленное Консолидированное руководство по ведению пациентов с ФП (2014) Американской ассоциации сердца, Американского колледжа кардиологии и Общества сердечного ритма включило в стандарт лечения пациентов с ФП неклапанной природы в целях профилактики у них возможных кардиоэмболических осложнений антикоагулянты нового поколения. Эксперты предлагают на выбор один из НОАК: дабигатран, ривароксабан или апиксабан, если МНО у них на фоне приема варфарина не может стабильно удерживаться на уровне 2,0–3,0 или нет возможности регулярно контролировать МНО.

Кроме того, для оценки риска возможных кардиоэмболических осложнений необходимо учитывать ***размеры левого предсердия и сердца в целом, а также этиологические факторы аритмии***. Кардиоверсию не проводят при наличии у пациента синдрома слабости синусового узла, при размерах левого предсердия 50 мм и более, в случаях кардио-

Таблица 7

Показания для применения оральных антикоагулянтов и целевые значения МНО

Показания	Значения МНО
Лечение венозных тромбоэмболий Лечение ТЭЛА Профилактика венозных тромбоэмболий Профилактика системных тромбоэмболий при мерцательной аритмии, пороках сердца	2,5 (2,0–3,0)
Профилактика системных тромбоэмболий при механических протезах клапанов сердца: двустворчатые клапаны в аортальной позиции двустворчатые или одностворчатые клапаны в митральной позиции: и ФП и дополнительных факторах риска	 2,5 (2,0–3,0) 3,0 (2,5–3,5) 3,0 (2,5–3,5) 3,0 (2,5–3,5) + АСК
Профилактика системных тромбоэмболий при биопротезах клапанов сердца, остром переднем Q-ИМ Вторичная профилактика ИМ при наличии противопоказаний к АСК Критическая ишемия нижних конечностей	2,5 (2,0–3,0)
Профилактика тромбозов при антифосфолипидном синдроме	3,0 (2,5–3,5)
Профилактика тромбозов центрального венозного катетера	Мини-дозы без контроля МНО
Профилактика тромбозов на фоне химиотерапии IV стадии рака молочной железы Первичная профилактика ИМ у лиц высокого риска сердечно-сосудистых инцидентов при наличии противопоказаний к АСК	1,6 (1,3–1,9)

мегалии и указаний на тромбоэмболические осложнения в анамнезе, а также при активном миокардите и тиреотоксикозе.

Для пациентов с ***трепетанием предсердий*** антикоагулянтная терапия назначается по схеме, аналогичной рекомендациям в случаях ФП.

Монотерапия препаратами АСК не имеет доказательной основы в плане профилактики инфарктов мозга даже для пациентов с низким риском сердечно-сосудистых осложнений.

Сводные сведения о показаниях и назначению ОАК и целевых значениях МНО представлены в табл. 7.

Заключение. Использование антикоагулянтов в современной медицине стало рутинной практикой, в том числе на уровне первичной медицинской помощи. Сделать применение антикоагулянтов по возможности максимально безопасным и продлить жизнь пациенту поможет неукоснительное следование установленным правилам лечения и контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркаган З.С. Геморрагические заболевания и синдромы. М.: Медицина, 1988. 518 с.

2. Грицюк А.И., Амосова Е.Н., Грицюк И.А. Практическая гемостазиология. Киев: Здоровье, 1994. 256 с.

3. Исследование системы крови в клинической практике / под ред. Г.И. Козинца и В.А. Макарова. М.: Триада-Х, 1997. 480 с.

4. Справочник по клиническим лабораторным методам исследования / под ред. Е.А. Кост. М.: Медицина, 1975. 360 с.

5. Лабораторные методы исследования в клинике: справ. / под ред. проф. В.В. Меньшикова. М.: Медицина, 1987. 368 с.

6. Шиффман Ф.Дж. Патофизиология крови: пер. с англ. М. – СПб.: БИНОМ: Невский Диалект, 2000. 448 с.

7. Antman E.M., Hand M., Anbe D.T. et. al. 2007 Focused Update of ACC/AHA 2004 guidelines for the management of patients with ST-elevation myocardial infarction: a report of the American College of Cardiology/American Heart Association Task Force on Practice Guidelines // Circulation. 2008; 117: 296–329.

8. Antman E.M., Cohen M., Radley D. et al. Assessment of the treatment effect of enoxaparin for unstable angina/non-Q-wave myocardial infarction. TIMI 11B-ESSENCE meta-analysis // Circulation. 1999; 100: 1602–1608.

9. Buller H.R., Davidson B.L., Decousus H. et al. Fondaparinux or enoxaparin for the initial treatment of symptomatic deep vein thrombosis: a randomized trial // Ann. Intern. Med. 2004; 140: 867–873.

10. Buller H.R., Davidson B.L., Decousus H. et al. Subcutaneous fondaparinux versus intravenous unfractionated heparin in the initial treatment of pulmonary embolism // N. Engl. J. Med. 2003; 349: 1695–1702.

11. Coussement P.K., Bassand J.P., Convens C. et. al. A synthetic factor Xa inhibitor as an adjunct to fibrinolysis in acute myocardial infarction: the PENTALYSE study // Eur. Heart J. 2001; 22: 1716–1724.

12. ESC Guidelines for the management of acute coronary syndromes in patients presenting without persistent ST segment elevation. The Task Force for the management of acute coronary syndromes in patients presenting without persistent ST segment elevation of the European Society of Cardiology // Eur. Heart J. 2011; 32: 2999–3054.

13. Guidelines for the diagnosis and treatment of non-ST-segment elevation acute coronary syndromes // Eur. Heart J. 2007; 28: 1598–1660.

14. Held C., Asenblad N., Bassand J.P. et al. Ticagrelor versus clopidogrel in patients with acute coronary syndromes undergoing coronary artery bypass surgery, results from the PLATO // J. Am. Coll. Cardiol. 2011; 57: 672–684.

15. Kearon C., Kahn S.R., Angelli G. Antithrombotic Therapy for Venous Thromboembolic Disease: American College of Chest Physicians Evidence-Based Clinical Guidelines (8th ed.) // Chest. 2008; 133: 454–545.

16. Klein W., Buchwald A., Hillis S.E. et. al. Comparison of low-molecular-weight heparin with unfractionated heparin acutely and with placebo for 6 weeks in the management of unstable coronary artery disease. FRagmin in unstable Coronary artery disease study (FRIC) // Circulation. 1997; 95: 61–68.

17. Mehta S.R., Steg P.G., Granger C.B. et. al. ASPIRE Investigators. Randomized, blinded trial comparing fondaparinux with unfractionated heparin in patients undergoing contemporary percutaneous coronary intervention // Circulation. 2005; 111: 1390–1397.

18. Simoons M.L., Bobbink I.W., Bolland J. et al. A dose-finding study of fondaparinux in patients with non ST-segment elevation acute coronary syndromes (PENTUA) study // J. Am. Coll. Cardiol. 2004; 43: 2183–2190.

19. Turpie A.G.G. Oral, direct factor Xa inhibitors in development for the prevention and treatment of thromboembolic diseases // Aheroscler. Thromb. Vasc. Biol. 2007; 27: 1238–1247.

20. Uster V., Fallon J.T., Badimon J.J. et al. The unstable atherosclerotic plaque clinical significance and therapeutic intervention // Thromb. Hemostas. 1997; 78: 247–255.

21. Yusuf S., Mehta S.R., Chrolavicius S. et. al. Efficacy and safety of fondaparinux compared to enoxaparin in 20078 patients with acute coronary syndromes without ST-segment elevation. The OASIS-5 Investigators // N. Engl. J. Med. 2006; 354: 1464–1476.

22. Yusuf S., Mehta S.R., Chrolavicius S. et. al. OASIS-6 Trial Group. Effects of fondaparinux on mortality and reinfarction in patients with acute ST-segment elevation myocardial infarction // JAMA. 2006; 295: 1519–1530.

Поступила 05.09.2016

Многократное нанесение крема Капсагамма Долор вызывает уменьшение болевой чувствительности и соответственно **УСТОЙЧИВЫЙ АНАЛЬГЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ** на протяжении часов и недель

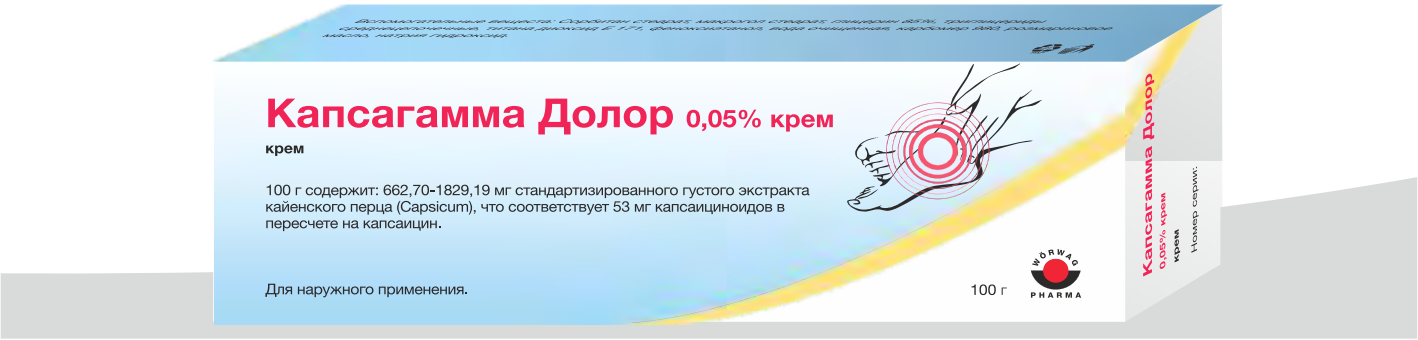
МЕСТНАЯ ТЕРАПИЯ НЕВРОПАТИЧЕСКОЙ БОЛИ

Капсагамма Долор 0,05% крем

Стандартизованный густой экстракт кайенского перца (Capsicum)
53 мг Капсаицина в 100 г крема

Капсагамма Долор

- **Эффективно блокирует боль в области голеней и стоп при полиневропатии (в составе комбинированной терапии)**
- **Лекарственное средство растительного происхождения**
- **Разрешенная длительность лечения без консультации врача до 8 недель**



Лекарственное средство. Перед применением необходимо проконсультироваться с врачом. Имеются противопоказания. Возможно развитие побочных эффектов. Противопоказано при беременности и лактации.

Представительство компании «Вёрваг Фарма ГмбХ и Ко. КГ» (Германия) в Республике Беларусь:
220004, г. Минск, ул. Раковская, д. 12, офис 201, тел./факс: (017) 203-59-42, (017) 203-07-51
РУ МЗ РБ Капсагамма Долор № 10306/15 от 22.01.2015г. до 22.01 2020 г.

WÖRWAG PHARMA

Информация носит рекламный характер

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИКИ И ФАРМАКОТЕРАПИИ НЕЙРОПАТИЧЕСКОЙ БОЛИ

В.В. Пономарев, М.М. Селицкий, Е.В. Редуто
Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Представлен литературный обзор, посвященный различным аспектам нейропатической боли. Обобщены заболевания центральной и периферической нервной системы, сопровождающиеся нейропатической болью. Рассмотрены особенности патогенеза, клинических проявлений и диагностики. Предложены методы дифференцированной медикаментозной терапии.

Ключевые слова: нейропатическая боль, диагностика, лечение, Капсагамма Долор® 0,05 % крем.

Боль – это мультисистемная реакция организма, протекающая в рамках физиологических или патологических (как один из симптомов заболевания) процессов и направленная на восстановление гомеостаза или реализацию патологической доминанты [5]. Боль является одной из наиболее частых причин обращения за медицинской помощью, при этом самой главной из них, ухудшающих качество жизни пациентов. В связи с этим своевременная диагностика и адекватное лечение болезней, сопровождающихся болевым синдромом, представляет собой социальную проблему. Единой классификации боли нет и быть не может в связи с ее выраженным полиморфизмом. ***Для практикующих врачей важно знать, что по механизмам развития выделяют пять видов боли: 1) ноцицептивная; 2) нейропатическая; 3) идиопатическая; 4) психогенная; 5) смешанная [2, 7, 8].*** Каждый вид боли обусловлен различными причинами, но при этом, что очень важно, имеет свои клинические особенности. Поэтому подобная систематизация боли, помимо академического интереса, предлагает специалистам дифференцированный выбор различной терапии.

Общая характеристика нейропатической боли. Нейропатическая боль возникает при повреждении или дисфункции соматосенсорной нервной системы на различных ее уровнях. Этот вид боли, в отличие от ноцицептивной, не является сигналом о повреждении тканей и по этой причине не несет защитной функции [4]. Согласно результатам современных эпидемиологических исследований, проведенных в ряде европейских стран, установлено, что пациенты с нейропатической болью составляют 3,88 % среди всех обратившихся за медицинской помощью, при этом временная и стойкая нетрудоспособность у них по данной причине установлена в 52 % случаев [8]. В Беларуси аналогичные статистические данные отсутствуют в первую очередь за счет незнания практикующими врачами особенностей диагностики данного вида боли.

Этиологические причины формирования нейропатической боли, в зависимости от уровня поражения нервной системы, делятся на две группы – периферические и центральные. Для обеих групп, помимо собственно боли, характерны различные чувствительные расстройства. Различают позитивные (спонтанные и вызванные) и негативные сенсорные симптомы, которые при нейропатической боли встречаются в различных комбинациях и могут меняться на разных стадиях одной болезни [3, 7].

К спонтанным позитивным симптомам относят спонтанную боль, парестезии и дизестезии. Спонтанная боль – самый частый признак нейропатической боли. Ее характерными особенностями являются преобладание вегетативных компонентов (жгучих, пекущих), часто пароксизмальный, стреляющий характер и поверхностная локализация. Парестезии пациенты обычно описывают «как чувство бегания мурашек», которые не приносят пациентам болезненных ощущений. Напротив, дизестезия – это неприятное или извращенное восприятие чувствительности, неадекватное раздражителю, когда теплое воспринимается как холодное, прикосновение как боль и др. Позитивные сенсорные симптомы боли – гиперестезия, гипералгезия, гиперпатия и аллодиния. Гипералгезия – повышение болевой чувствительности. Возможные варианты этого симптома – статическая гипералгезия, когда слабое механическое нажатие вызывает нестерпимую боль, и динамическая (холодовая или тепловая), когда прикосновение холодного либо теплого предмета сопровождается появлением боли. Гиперестезия – повышенный ответ на тактильный стимул, но при этом характер и место нанесенного раздражения пациент определяет адекватно. Гиперпатия – состояние, при котором боль возникает через некоторое время после нанесения раздражения и сохраняется в течение длительного времени после его прекращения. Аллодиния – появление боли на неболевой стимул. В таких ситуациях пациенты указывают на болевые ощущения при малейшем прикосновении, ношении одежды, дуновении ветра. Основным негативным чувствительным симптомом нейропатической боли является болезненная анестезия – понижение чувствительности в сочетании со спонтанно возникающей болью [1–8]. Кроме того, для пациентов с нейропатической болью характерны сопутствующие (коморбидные) состояния в виде тревоги, депрессии, нарушения сна и др. В зависимости от уровня поражения соматосен-

сорных путей нейропатическую боль делят на периферическую и центральную.

Периферическая нейропатическая боль. Периферическая нейропатическая боль сопровождает широкий спектр неврологических болезней. К ним относятся практически все виды аксональных и большая часть демиелинизирующих полиневропатий; фантомные боли; тригеминальные и постгерпетические невралгии; плексопатии или невралгическая амиотрофия; компрессия либо инфильтрация нерва опухолью; дискогенная радикулопатия и др.

Полиневропатии (G61–63) объединяют гетерогенную группу болезней, основное клиническое проявление которых – преимущественное поражение периферических нервов и спинномозговых корешков. По патоморфологическому признаку все полиневропатии разделяют на два основных класса: аксональные (преобладает поражение осевого цилиндра) и демиелинизирующие (в большей мере страдает миелиновая оболочка). К аксональным полиневропатиям, сопровождающимся нейропатической болью, относят диабетическую, алкогольную, токсическую, алиментарную и прочие полиневропатии. Среди демиелинизирующих полиневропатий нейропатическая боль чаще встречается при острой и хронической воспалительной демиелинизирующей полиневропатии. Патогенез при этой патологии связывают с сосудистыми нарушениями в *vasa nervorum*, уменьшением аксонального транспорта и фактора роста нервов, гипоксией и выработкой перекрестно-реактивных антител к миелину. Начало полиневропатий может быть как острым, так и хроническим. В одинаковой мере страдают женщины и мужчины в широком возрастном диапазоне, в том числе дети и подростки [7].

Клинические проявления при этой патологии включают сочетание 4 групп симптомов: вялые парезы конечностей, чувствительные, вегетативные и трофические нарушения со стороны кожи, волос, ногтей. В нейропатический болевой синдром при полиневропатиях входят все перечисленные позитивные и негативные симптомы, а также ряд особенностей: преобладание сенсорных нарушений дистального типа в конечностях (преимущественно в кистях и стопах); симметричный характер (типа «перчаток» и «носков»); более грубое поражение ног; нередко восходящий характер процесса, когда первыми поражаются ноги, а затем руки. Для демиелинизирующих полиневропатий (острых или хронических) типична своеобразная динамика нарушений чувствительности. Первыми обычно появляются парестезии в ногах, особенно в ночное время, которые сменяются у 40–60 % пациентов стреляющими, пульсирующими или жгучими болями в области позвоночника и (или) конечностей. По мере развития парезов боль сменяется гипестезией, реже – анестезией. В восстановительном периоде наблюдается обратная динамика сенсорных расстройств. Чувствительные нарушения практически всегда сопровождаются снижением сухожильно-периостальных рефлексов, похудением мышц конечностей и трофическими нарушениями. Для диабетической полиневропатии характерными являются преобладание вегетативных и сенсорных расстройств, развивается даже остеоартропатия. При паранеопластической полиневропатии, по нашим данным, болевой нейропатический синдром в конечностях отмечается у подавляющего числа пациентов (93 %). При хронической воспалительной демиелинизирующей полиневропатии, напротив, болевой синдром встречается значительно реже (у 16,3 % лиц). Нами выявлены корреляции между интенсивностью болевого синдрома, длительностью заболевания и степенью двигательных нарушений. Доказано, что чем длительнее анамнез этой патологии и более выражены двигательные расстройства, тем болевой синдром становится менее выраженным, что, вероятно, связано с вторичным процессом аксонопатиии.

Фантомные боли (G54.6) развиваются у пациентов, перенесших операцию по ампутации конечностей вследствие травмы, облитерирующего эндартериита, тромбоза сосудов, гангрены, сахарного диабета и др. Частота фантомных болей достаточно высока и составляет от 53 до 85 % от всех пациентов в течение первого года после ампутации. Спустя 2 года после операции процент пациентов с этим видом боли уменьшается только на 13 %. Фантомный болевой синдром характеризуется упорной и мучительной болью в отсутствующей конечности. При этом в соответствующей контрлатеральной соматосенсорной зоне коры головного мозга отмечается повышенная амплитуда вызванных ответов, указывающая на гиперактивность нейронов.

Невралгия тройничного нерва (НТН) подразделяется на классическую (G50.0) и вторичную (симптоматическую – G53), являющуюся осложнением других заболеваний. Классическая НТН – самая частая причина среди всех видов невралгий. Распространенность НТН составляет 15–30 случаев на 100 тыс. населения, преобладая у женщин (соотношение Ж:М = 3:1). Типичный дебют заболевания приходится на возраст старше 40 лет [2–4]. Патогенез НТН складывается из периферического «нейропатического» компонента в виде сосудистой компрессии или очаговой демиелинизации чувствительных волокон и центрального компонента генерализации болевого раздражителя в ноцицептивной системе. Первичный структурный дефект чувствительного корешка *n. trigeminis* приводит к возникновению эфатической передачи (передача импульса с одного волокна на другое в месте их контакта) и патологической эктопической импульсации. Эти нарушения ведут к формированию в ядрах тройничного нерва первичного генератора возбуждения, представляющего собой популяцию гиперактивных нейронов, продуцирующих усиленный поток импульсов. Первичный очаг возбуждения в свою очередь способствует появлению вторичных генераторов возбуждения в сегментарных (стволовых) и супрасегментарных структурах мозга. Наличие первичного очага патологического возбуждения и системы генерализации сближает

патофизиологию поражений тройничного нерва и генерализованного эпилептического припадка, объясняет терапевтическую эффективность противосудорожных препаратов.

Клиническая картина при НТН отличается пароксизмальной болью в лице днем, типичными провоцирующими факторами, наличием классических триггерных точек, рефлекторным мышечным спазмом лица. В момент пароксизмов боли пациенты «замирают», что отличает НТН от кластерной головной боли, при которой, напротив, отмечается двигательное беспокойство. Для НТН характерно поражение II (максилярной) и III (мандибулярной) ветвей. Вовлечение офтальмической (I) ветви наблюдается крайне редко.

Вторичное (симптоматическое) поражение тройничного нерва встречается реже (в 10–20 % случаев) и связано с вовлечением *n. trigeminis* в мостомозжечковом углу вследствие опухоли или аневризмы; при механической травме лица с переломом лицевого скелета; рассеянном склерозе и др. Данная патология может иметь постгерпетический характер по причине преимущественного поражения I ветви *n. trigeminis* вирусом опоясывающего герпеса (постгерпетическая невралгия G53.0) и развивается в 50 % случаев у пациентов старше 60 лет и 75 % – старше 75 лет [2]. К основным факторам риска заболевания, кроме возраста, относят женский пол, наличие боли в период продрома, выраженность кожных высыпаний и тяжесть боли в остром периоде. В отличие от НТН, при этой патологии лицевая боль носит постоянный характер, не имеет триггерных точек и сопровождается множеством соматосенсорных расстройств. Постгерпетическая невралгия опасна зрительными осложнениями, которые могут привести к слепоте.

Невралгическая амиотрофия (синдром Персонейджа-Тернера, G54.5) впервые описана английскими врачами M. Parsonage и J. Turner в 1948 г. До настоящего времени нозологическая принадлежность заболевания окончательно не установлена. В литературе чаще рассматривается как локальная форма острой демиелинизирующей полиневропатии или плечевая плексопатия неясного генеза. Клинические проявления характеризуются острой болью в надплечье и плечевом суставе с последующим развитием атрофического пареза преимущественно проксимальных отделов руки на фоне уменьшения интенсивности болевого синдрома. Для синдрома Персонейджа-Тернера характерна односторонняя локализация процесса с полной или парциальной клинической картиной и часто хорошим восстановлением после назначения глюкокортикостероидов.

Центральная нейропатическая боль. Центральная нейропатическая боль иногда возникает на фоне ряда заболеваний ЦНС, таких как инфаркт мозга или внутримозговая гематома в области таламуса; при рассеянном склерозе; миелопатиях; тяжелой черепно-мозговой или спинальной травме; врожденных спинномозговых грыжах, сирингомиелии и др.

Термин ***«центральная постинсультная боль»*** (G69.2–69.3) впервые предложил Ж. Дежерин и Русси в 1906 г. Ее причинами являются инфаркты, гематомы или артериовенозные мальформации таламуса. По статистике, у 50 % пациентов центральная постинсультная боль возникает спустя месяц, 37 % – до 2 лет, 11 % – спустя 2 года после перенесенного инсульта [7]. Для этой патологии характерна жгучая боль в одной половине тела, которая также может быть локализована только в одной конечности. Данный тип боли отличается гиперчувствительностью пораженных конечностей к теплу и холоду. Центральная нейропатическая боль часто наблюдается в рамках таламического синдрома и в этих случаях включает поверхностную и глубокую гемианестезию, сенситивную атаксию, гемипарез и гемихореоатетоз. При КТ головного мозга при данной патологии обычно выявляют очаг пониженной либо повышенной плотности (при гематоме) в области таламуса с одной стороны.

Рассеянный склероз (G35) сопровождается болевым нейропатическим синдромом в 18–64 % случаев болезни. При этом заболевании выделяют два типа боли: 1) острая пароксизмальная боль (в том числе вторичная невралгия тройничного нерва); 2) хроническая боль с дизестезией в области позвоночника и парестезиями и гиперестезией в дистальных отделах нижних конечностей. В большинстве эпидемиологических исследований установлено преобладание нейропатической боли у пациентов с рассеянным склерозом при начале заболевания после 40 лет; дебюте боли спустя 1–5 лет с момента появления основных симптомов; преимущественная локализация в нижних конечностях [7].

Диагностика нейропатической боли. Диагностика нейропатической боли в клинической практике в основном базируется на жалобах пациента и анамнезе заболевания. Учитываются характер, выраженность и продолжительность чувствительных нарушений. Практикующие врачи должны знать, что описание пациентами своей боли как «жгучей», «пекущей», «стреляющей» и другой указывает на ее нейропатический характер. Согласно международным критериям, выраженность боли по визуальной аналоговой шкале свыше 3 баллов и ее продолжительность свыше 3 месяцев ставят под сомнение этот диагноз. Обследование пациентов с подозрением на нейропатическую боль должно обязательно включать оценку различных видов чувствительности: тактильной, болевой, температурной, вибрационной. Для этой цели используют иголку, кисточку, камертон (C_{256}), набор из холодных и теплых пробирок. Для объективизации нейропатической боли предложены различные шкалы (шкала NPS, Лидская шкала оценки нейропатической боли) и опросники (NPQ, DN4), однако их существенным недостатком является субъективный характер при заполнении. Инструментальные методы обследования, такие как микронейромиография, соматосенсорные вызванные потенциалы, функциональная магнитно-резонансная томография головного мозга пока применяют только в научных исследованиях.

Фармакотерапия нейропатической боли. Идентификация типа боли и понимание ее патофизиологических механизмов являются основополагающими для определения подходов терапии и выбора лекарственных средств (ЛС). В современной литературе данный подход называется «механизм-обусловленная терапия боли» и основан на том, что фармакологические препараты обладают различными свойствами воздействия на боль [3]. ***Принципиально важно, что все нестероидные противовоспалительные ЛС при любом пути введения, которые традиционно широко (порой неоправданно часто) назначаются пациентам с различными болевыми синдромами, при нейропатической боли заведомо будут неэффективны.***

Основными группами ЛС для уменьшения нейропатической боли, которые практикующие врачи могут рассматривать как ЛС выбора, являются антиконвульсанты, антидепрессанты и местнодействующие средства. Следует учитывать тот факт, что любой из них может считаться эффективным только в случае, если боль снижается не менее 30 % от исходной [1, 3, 4, 6].

Антиконвульсанты. Среди всех антиконвульсантов для терапии нейропатической боли чаще назначают габапентин (Габагамма®), прегабалин или карбамазепин. Считается, что их эффективность обусловлена блокадой Ca- или Na-каналов на пресинаптической мембране аксона, что приводит к снижению ее возбудимости и блокируется проведение импульса по слабомиелинизированным волокнам. Антиконвульсанты III поколения (габапентин и прегабалин) всасываются через желудочно-кишечный тракт, активируя систему аминокислотного транспорта. Это определяет их биодоступность, однако при конкурентной транспортировке (например, одновременном назначении антацидов) возможно снижение концентрации препарата. Побочными эффектами этих ЛС редко являются развитие периферических отеков и увеличение массы тела пациентов. Их фармакокинетика линейна при терапевтических дозах (до 1500 мг/сут), однако эффективную дозу необходимо титровать в течение нескольких дней, ежедневно повышая суточную на 300 мг. Данные ЛС не метаболизируются ферментами CYP450, поэтому хорошо сочетаются с другими ЛС в комбинированной терапии. К преимуществам прегабалина и габапентина следует также отнести улучшение сна и настроения на фоне редукции боли и удобную форму выпуска. Особенность ЛС Габагамма® – наличие 3 дозировок: 100, 300 и 400 мг, что позволяет подобрать индивидуальную схему терапии для пациентов разного возраста, включая детей и пожилых людей, а также лиц с избыточной массой тела. Карбамазепин (антиконвульсант I поколения) также хорошо себя зарекомендовал для уменьшения выраженности нейропатической боли, однако, в отличие от габапентина и прегабалина, имеет гораздо больший спектр побочных явлений, среди которых преобладают головокружение, тошнота, шаткость при ходьбе и сонливость [6].

Антидепрессанты. Механизм действия антидепрессантов связан с их способностью уменьшать обратный захват серотонина и норадреналина, тем самым активируя антиноцицептивную систему. Трициклические антидепрессанты (например, амитриптиллин) являются препаратами выбора при нейропатической боли коморбидной с тревогой и (или) депрессией либо диссомнией. Однако в связи с выраженными побочными эффектами следует избегать назначения этих ЛС пожилым пациентам с нарушениями сердечного ритма, атриовентрикулярными блокадами, опасностью развития ортостатической гипотензии, что приводит к внезапным падениям.

Группа ингибиторов обратного захвата серотонина также обладает выраженным эффектом в отношении нейропатической боли, при этом имеет значительно меньший спектр и количество побочных эффектов, но, к сожалению, оказывает кумулятивное воздействие, приводя к улучшению состояния пациентов только к третьей неделе терапии [6].

Местнодействующие средства. Эта группа не однородна по составу и механизмам действия, так как содержит различные ЛС в форме мазей и гелей, которые обладают обезболивающим эффектом. Обычно их наносят на кожу пораженного дерматома, а затем втирают.

Преимущества этих средств – отсутствие выраженных побочных эффектов и серьезных осложнений, так как при локальном применении они практически не попадают в системный кровоток, а также возможность оказания помощи на различных этапах, в первую очередь домашнем. Из местных аллергических реакций у 1 % пациентов при их использовании наблюдаются бледность либо гиперемия кожи в зоне нанесения медикамента, которые могут сопровождаться зудом.

В нашей стране относительно недавно появилась возможность использовать в качестве симптоматического лечения нейропатической боли ЛС Капсагамма Долор® 0,05 % крем путем его втирания в болезненные участки кожи. Капсагамма Долор® 0,05 % крем является ЛС растительного происхождения и состоит из стандартизированного густого экстракта *Capsici fructus acer* (кайенский перец). Капсаицин, основной ингредиент кайенского перца, является агонистом ваниллоидных рецепторов немиелиновых тонких афферентных ноцицептивных С-волокон, а также миелиновых волокон А-δ. Анальгетическое действие крема связано с тем, что капсаицин активирует ваниллоидные рецепторы, влияя на обмен нейромедиатора вещества Р и вызывая селективную активацию полимодальных ноцицептивных нейронов. Это вызывает возбуждение ноцицептивных афферентных клеток, что истощает запасы первично-сенсорного нейротрансмиттера – субстанции Р. Этим обусловлено появление сразу же после нанесения крема ощущений жжения и боли. Вслед за активацией ноцицептивных афферентных клеток наступает длительная фаза десенсибилизации, сопровождаемая уменьшением

высвобождения субстанции Р. Данный механизм обеспечивает уменьшение болевой импульсации в сенсорных афферентных волокнах. Многократное нанесение полоски крема длиной 2 см на пораженный участок кожи с последующим втиранием вызывает уменьшение болевой чувствительности и, соответственно, устойчивый анальгетический эффект на протяжении нескольких часов или дней (в зависимости от частоты нанесения крема). Крем нельзя наносить на поврежденную кожу (открытые раны, язвы, экзема и другие кожные инфекции), на слизистые оболочки, особенно глаз. Следует избегать одновременного применения тепла в месте нанесения. Капсагамма Долор® 0,05 % крем может применяться длительно – до 8 недель.

Таким образом, нейропатическая боль может сопровождать большое число различных неврологических заболеваний. Этот вид боли имеет характерные клинические особенности, которые должен знать любой практикующий врач. Диагноз нейропатической боли основывается только на внимательном осмотре пациентов в целях выявления специфических сенсорных симптомов. После установления диагноза в качестве симптоматической терапии могут назначаться антиконвульсанты, антидепрессанты, местнодействующие средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринов А.Н., Махинов К.А. Патогенетическая терапия нейропатической боли при диабетической полиневропатии // Неврол. журн. 2015; 2: 4–13.

2. Боль: рук. для врачей / под. ред. Н.Н. Яхно. М.: МЕДпресс-информ, 2009. 304 с.

3. Болевые синдромы в неврологической практике / под. ред. В.Л. Голубева. М.: МЕДпресс-информ, 2010.

4. Данилов А.Б., Данилов Ал.Б. Управление болью. Биопсихосоциальный подход. М.: АММ ПРЕСС, 2014. 592 с.

5. Живолупов С.А., Самарцев И.Н. Малоинвазивная терапия в неврологии. М.: МЕДпресс-информ, 2016. 118 с.

6. Левин О.С. Основные лекарственные средства, применяемые в неврологии. МЕДпресс-информ, 2016. 326 с.

7. Пономарев В.В. Болевой синдром в неврологической практике: пособие. Минск, 2011. 35 с.

8. Neurological differential diagnosis / ed. R. Bhidayasiri, M.F. Waters, C. Gisa. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 542 p.

Поступила 09.01.2017

ГИПНИЧЕСКИЕ ПАРОКСИЗМЫ У ДЕТЕЙ

З.А. Чуйко, Н.Н. Протько

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Изложены варианты гипнических пароксизмов у детей (ночные ужасы, кошмары, ночные миоклонии, стереотипные движения во сне), их возможные причины, провоцирующие факторы, прогноз, профилактика и лечение. Представлены отличительные признаки гипнотических пароксизмов, требующих немедленного направления ребенка на госпитализацию в неврологическую клинику для углубленного обследования в целях исключения эпилепсии и назначения специфической терапии.

Ключевые слова: инсомнии, гипнические пароксизмы у детей, эпилепсия.

Гипнические пароксизмы – приступы у детей, связанные со сном, но не порожденные сном [3, 5]. Они представлены разнообразными пароксизмальными формами инсомний: ночными ужасами (страхами), кошмарами, миоклониями, стереотипными движениями во сне [2, 4].

Ночные ужасы (страхи) – довольно частая форма пароксизмальных состояний во сне, встречающаяся у 3–9 % детей преимущественно раннего и дошкольного возраста [3, 7].

Внешние проявления ночных страхов типичны: нормально уснувший ребенок внезапно просыпается, садится в постели, плачет, дрожит, выкрикивает отдельные слова с выражением страха и ужаса на лице. Он иногда зовет родителей, хотя и не узнает их. При попытке взять ребенка на руки он отмахивается, может резко сгибать или разгибать ноги, что иногда окружающими ошибочно воспринимается как судороги. Такое состояние сопровождается выраженными вегетативными нарушениями в виде учащения пульса и дыхания, гиперемии лица, гипергидроза, расширения зрачков. Приступ длится 5–15 мин, иногда меньше, ребенок постепенно успокаивается, засыпает и утром о случившемся не помнит. Иногда остается смутное воспоминание, что ночью что-то было, но деталей ребенок вспомнить не может.

Ночные страхи как вариант интрасомнических расстройств возникают на фоне острых или хронических психотравмирующих ситуаций. Детским неврологам хорошо известны ночные страхи, которыми бурно дебютирует невроз маленького пациента (обычно 2–3 лет) как проявление негативной реакции на рождение второго ребенка в семье

(ревность, агрессия к новорожденному, нарушение дневного сна). Что же касается хронических психотравмирующих ситуаций, то это чаще всего фактор эмоциональной депривации в связи с семейными конфликтами и разводом родителей, незаслуженное и неадекватное наказание.

Ночные страхи могут быть спровоцированы соматическими и инфекционными заболеваниями, но, как правило, в этих случаях они возникают на неблагоприятном преморбидном фоне из-за имевшей место легкой пре- и перинатальной патологии головного мозга. Тогда их относят не к невротическим, а к неврозоподобным расстройствам.

Крайне редко ночные страхи могут иметь отношение к эпилепсии. Угрожаемыми по этой болезни являются ночные страхи, характеризующиеся следующими особенностями: однотипностью, элементарностью (простотой) внешних проявлений, редкой повторяемостью, наличием наследственной отягощенности эпилепсией [1, 7]. Такие пациенты должны быть направлены на консультацию к неврологу.

Чем чаще повторяются ночные страхи (в том числе каждую ночь), тем меньше оснований считать их проявлением эпилепсии. Такие приступы больше беспокоят родителей, чем детей, которые утром чувствуют себя вполне нормально.

В лечении ночных страхов у детей используются седативные лекарственные средства: валерианы, тенотен, глицин, фенибут, препараты магния и витамина B_6.

Кошмары внешне напоминают ночные страхи: ребенок просыпается после устрашающего сновидения, может дрожать, плакать. Однако он находится в сознании, рассказывает, что ему приснилось. Выглядит испуганным. Ребенка можно быстро успокоить. Он вновь засыпает и утром четко помнит о случившемся.

У современных детей ночные кошмары нередко являются «зеркальным отражением» дневных или вечерних переживаний, «почва» для которых – неадекватная компьютерная нагрузка, увлечение возбуждающими играми, особенно на мобильном телефоне.

Профилактика кошмаров – устранение провоцирующих факторов.

Ночные миоклонии характеризуются вздрагиваниями отдельных частей тела либо всего тела при засыпании или во время поверхностной стадии сна. Вздрагивания при засыпании хорошо известны многим взрослым, когда в дремотном состоянии, в самом начале сна, резко вздрагивает все тело. Наступает временное пробуждение, а затем – продолжительный сон. Утром остаются воспоминания. Подобные состояния могут возникнуть после физического или умственного переутомления.

Ночные миоклонии в детском возрасте встречаются значительно чаще, чем у взрослых, являясь, как правило, физиологическими, особенно у возбудимых детей. Если подергивания во сне у ребенка, вначале единичные, со временем учащаются и усиливаются, то окончательное заключение о норме или патологии можно сделать на основании оценки состояния ребенка утром после пробуждения. Если он бодрый и активный, то повода для волнения нет. Если же отмечается вялость, усталость, раздражительность – необходимо неврологическое обследование.

«Сонные» миоклонии следует отличать от миоклонических припадков как проявления злокачественной эпилепсии ребенка раннего, как правило, грудного возраста [2, 6]. Наиболее «яркая» клиническая форма таких припадков – мгновенные (1–2 с) миоклонии туловища, что проявляется его резким сгибанием с разведением рук (инфантильные спазмы, сгибательные спазмы, «салаамовы» припадки). Приступы возникают при засыпании или в момент пробуждения, характеризуются серийностью, следуя друг за другом «залпами» (по 5–20 припадков в серии с короткими интервалами). С присоединением припадков психомоторное развитие ребенка останавливается, даже отмечается регресс приобретенных ранее навыков.

Отличие миоклонических припадков от доброкачественных миоклоний: четкая приуроченность к возрасту (обычно первый год жизни); возникновение только в определенные периоды сна; характерные клинические проявления; серийность.

Таких пациентов следует немедленно направлять на госпитализацию в неврологическую клинику для углубленного обследования и как можно более быстрого назначения специфической терапии.

Стереотипные движения во сне. ***Качания.*** Ребенок в положении на спине при засыпании или перед пробуждением плавно раскачивает головой из стороны в сторону, поворачивает туловище и руки. Резко выраженные качания приводят к быстрым бросковым движениям в сторону. Протекают обычно в виде серий по 5–10 мин.

«Биения» во сне. Наступают в глубоких фазах сна в положении на животе: ребенок приподнимается на вытянутых руках, а затем падает, ударяясь головой о подушку. Пароксизмы серийные, могут повторяться несколько раз за ночь.

Движения по типу «челнока». Ребенок становится на четвереньки во время сна на животе и раскачивается в переднезаднем направлении, упираясь головой в подушку.

Стереотипные движения во сне у детей не сопровождаются нарушением самочувствия после пробуждения и не влияют на психомоторное развитие. Они не требуют лечения, тем более что их генез неизвестен. С возрастом пароксизмы постепенно регрессируют. Перехода в эпилептические припадки не бывает.

Учитывая возможность травмирования ребенка в момент бросковых качаний и биений, необходимо создать безопасные условия для сна.

Заключение. Гипнические пароксизмы у детей являются, как правило, доброкачественными, не представляют угрозы психомоторному развитию и не трансформируются в эпилепсию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гузева В.И. Эпилепсия и неэпилептические пароксизмальные состояния у детей. М.: Мед. информ. агентство, 2007. 568 с.

2. Протько Н.Н., Чуйко З.А., Соловьева Л.Г. и др. Инсомнии в общеврачебной практике: учеб.-метод. пособие. Минск: БелМАПО, 2016. 40 с.

3. Шанько Г.Г. Болезни нервной системы у детей: медицинская книга для родителей: в 3 т. Минск: Харвест, 1996. Т. 1. Эпилепсия и припадки у детей. 288 с.

4. Шанько Г.Г. Эпилепсия у детей (классификация, диагностика, лечение): рук. для врачей. Минск: Харвест, 1997. 128 с.

5. Шанько Г.Г., Барановская Н.Г., Шанько В.Ф. Если у ребенка эпилепсия… Для родителей и воспитателей. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 96 с.

6. Шанько Г.Г., Чуйко З.А. Инфантильные спазмы // Здравоохранение Беларуси. 1995; 3: 18–20.

7. Энциклопедия детского невролога / под ред. Г.Г. Шанько. Минск: Бел. энцыкл., 1993. 552 с.

Поступила 06.07.2016

ЧЕСОТКА

Е.А. Левончук

Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

Изложены сведения об эпидемиологии чесотки, жизненном цикле чесоточного клеща (*Sarcoptes scabiei*), клинических проявлениях заболевания и его разновидностях, диагностике, лечении и профилактике.

Ключевые слова: чесотка, чесоточный клещ (*Sarcoptes scabiei*), эпидемиология, лечение, профилактика.

Зудом страдает 8–12 % населения, а среди дерматологических пациентов эту жалобу предъявляют 42 % [2, 12, 28]. ***Любой пациент, обращающийся с генерализованным зудом, в том случае, если чешется кто-то из членов семьи, должен рассматриваться как больной чесоткой до тех пор, пока не доказано обратное [2].*** Поэтому проблема чесотки весьма актуальна и в наши дни.

Эпидемиология. Чесотка является самым распространенным паразитарным заболеванием кожи. По имеющимся оценкам, более 300 млн человек по всему миру заражены чесоточным клещом [13, 18, 27, 28]. Чесотка встречается среди всех социально-экономических классов с преимущественным поражением женщин и детей [3, 14]. Доказаны сезонные колебания заболеваемости: больше случаев диагностируется в зимнее время. Передача клеща происходит обычно при тесном непосредственном контакте, хотя чесоточный клещ может прожить вне человеческой кожи до трех дней, а следовательно, в некоторых случаях инфицирование возможно опосредованно через предметы обихода [4, 7, 13, 20].

Эпидемиология чесотки определяется облигатно-антропонозным характером заболевания, постоянным типом паразитизма возбудителя и резким преобладанием прямого пути передачи инвазии. В соответствии с группировками людей в обществе и их инвазионной контактностью могут возникать очаги чесотки нескольких типов: семейные и в коллективах различной структуры. Семейный очаг является ведущим в эпидемиологии чесотки. Инвазионная контактность определяется возможностью реализовать передачу возбудителя в ночное время при тесном телесном контакте, чаще в постели.

Организованные коллективы в эпидемиологии чесотки подразделяются на две группы: инвазионно-контактные и неинвазионно-контактные. К 1-й относятся коллективы, объединенные общими спальнями: интернаты, детдомы, общежития, соматические стационары. Заболеваемость в таких коллективах в два раза ниже, чем в семьях. 2-ю группу составляют неинвазионно-контактные коллективы, члены которой не живут вместе и объединяются в дневное время. Это группы в детских дошкольных учреждениях, классы в общеобразовательных школах, средних и высших учебных заведениях, трудовых коллективах. Эпидемиологическую опасность, как правило, такие коллективы не представляют [7, 13, 22].

Жизненный цикл чесоточного клеща *(Sarcoptes scabiei)* длится 30 дней и делится на две части: кратковременную накожную и длительную внутрикожную. Самка клеща прогрызает ход в роговом слое за 20 мин и откладывает около трех яиц в день **(рис. 1 на цв. вклейке)**.

Личинки появляются из яиц через четыре дня и мигрируют на поверхность кожи, где созревают до взрослых особей. Через две недели самки и самцы клещей спариваются, после чего беременная самка вновь прогрызает ход в роговой слой. Самцы, которые немного меньше самки, падают с кожи и погибают [7, 8, 17] .

Клещи, вызывающие саркоптоз (чесотку) у животных, существенным образом отличаются от чесоточных клещей, имеющих подстерегающий (пастбищный) тип паразитизма. Они нападают на хозяина-прокормителя и покидают его после кровососания, не делая внутрикожных ходов и не откладывая яиц. Таким образом, чесотка от животных (псевдосапркоптоз) не требует специфиче-

ского лечения, необходимо только установить и излечить инфицированное животное. В свою очередь, чесоточный клещ человека не внедряется в кожу животных и не вызывает у них заболевание [13, 29].

В течение жизненного цикла клещи дважды выходят на поверхность кожи – на личиночной и взрослой стадиях. Это имеет существенное значение для клиники и эпидемиологии. Только самки и личинки являются инвазивными стадиями и участвуют в заражении. При заражении самками инкубационный период практически отсутствует, так как, внедрившись в кожу, они сразу начинают прокладывать ход и класть яйца, т. е. налицо основной клинический симптом чесотки. При заражении личинками он соответствует срокам метаморфоза и составляет около двух недель [4, 7, 11, 22].

Расселение чесоточных клещей осуществляется накожными стадиями жизненного цикла – молодыми самками и личинками. Заражение происходит преимущественно при тесном телесном контакте, обычно при совместном пребывании в постели, и, как правило, одновременно самками и личинками. Последние, благодаря многочисленности, малым размерам и большой подвижности, наиболее инвазивны. Они могут внедряться на любом участке кожного покрова, обычно в волосяные фолликулы, которые отыскивают за несколько минут. Самки внедряются лишь на определенных участках кожного покрова – это кисти, запястья, локти, половые органы мужчин. Распределение самок клещей, а соответственно и чесоточных ходов по кожному покрову, определяется несколькими факторами: строением кожи, гигротермическим режимом и скоростью регенерации эпидермиса [2, 7, 13, 18].

Клинические проявления. Преимущественная локализация чесоточных ходов наблюдается на участках кожи с самой большой толщиной рогового слоя – это кисти, запястья и стопы. Установлено, что участки кожи, где располагаются чесоточные ходы, имеют пониженную температуру. Ходы также приурочены к местам, где волосяной покров отсутствует или минимален [4, 11, 17].

Кисти, являющиеся местом излюбленной локализации самок чесоточного клеща, представляют собой «зеркало чесотки», именно здесь, в чесоточных ходах, образуется основная масса личинок, которые руками пассивно разносятся по всему телу [2, 9, 13, 20].

Помимо чесоточных ходов, клинические проявления неосложненной чесотки характеризуются возникновением парных папул, везикул, расчесов и кровянистых корочек. Неполовозрелые стадии развития чесоточного клеща (личинки, нимфы), а также их линеечные шкурки обнаруживаются только в 1/3 папул и везикул. Это является прямым доказательством того, что только часть из них обусловлена непосредственным присутствием возбудителя, остальные возникают как результат аллергической реакции организма на клеща и продукты его жизнедеятельности [4, 9, 13, 26].

Выделяют несколько клинических разновидностей чесотки: типичная, без ходов, норвежская, чесотка чистоплотных или «инкогнито», осложненная чесотка, скабиозная лимфоплазия, псевдосаркоптоз [12, 13, 18].

Типичная чесотка преобладает. Она развивается при заражении оплодотворенными самками. У пациентов имеются различные варианты чесоточных ходов и фолликулярные папулы, парные папуло-везикулы, невоспалительные везикулы, а также расчесы и кровянистые корочки как результат деятельности человека при мучительном зуде. Высыпания локализуются на типичных для чесотки местах **(рис. 2 на цв. вклейке)**.

Чесотка без ходов встречается редко и возникает при заражении личинками, которым для превращения во взрослых самок и прокладывания ходов необходимо две недели. Этим промежутком времени и определяется продолжительность чесотки без ходов. Клиническая картина характеризуется наличием единичных фолликулярных папул и невоспалительных везикул **(рис. 3 на цв. вклейке)**.

Норвежская (корковая, крустозная) чесотка – крайне редкая разновидность заболевания. Основная причина ее возникновения – устранение зуда как защитной реакции организма человека на беспрепятственное размножение чесоточных клещей. Она наблюдается на фоне иммунодефицитов и иммуносупрессивных состояний, при длительном приеме гормональных и цитостатических препаратов, при нарушении периферической чувствительности, конституциональных аномалиях ороговения. Основными симптомами заболевания являются массивные корки, чесоточные ходы, полиморфные высыпания (папулы, везикулы, пустулы) и эритродермия. Норвежская чесотка очень контагиозна, вокруг пациента нередко возникают локальные эпидемии **(рис. 4 на цв. вклейке)**.

Чесотка «чистоплотных» выявляется исключительно у лиц, часто моющихся в быту или по роду своей производственной деятельности. При этом большая часть популяции чесоточного клеща удаляется с тела больного. Клиника заболевания соответствует типичной чесотке при минимальной выраженности проявлений: чесоточные ходы единичны, беловатого цвета, фолликулярные папулы преобладают на передней поверхности тела **(рис. 5 на цв. вклейке)**.

Осложнения нередко маскируют истинную клиническую картину чесотки, приводя зачастую к диагностическим ошибкам. Наиболее распространенные осложнения – пиодермия и дерматит, реже встречается микробная экзема и крапивница. Пиодермия развивается как результат внедрения микробной флоры через повреждения кожи, возникающие при расчесывании. Импетигинозные высыпания преобладают на кистях, запястьях, стопах, т. е. на местах излюбленной локализации чесотки. Аллергический дерматит при чесотке в большинстве случаев обусловлен сенсибилизацией организма к клещу, но иногда может быть результатом терапии противочесоточными препаратами **(рис. 6 на цв. вклейке)**.

Скабиозная лимфоплазия кожи не является осложнением или узелковой разновидностью чесотки, а представляет особый вариант чесоточного хода, локализующийся преимущественно на коже туловища и половых органов мужчин. Наиболее вероятно, что причина ее возникновения – особая предрасположенность кожи отвечать на воздействие раздражителя реактивной гиперплазией лимфоидной ткани [6, 10, 15, 16, 29] **(рис. 7 на цв. вклейке)**.

Псевдосаркоптозом называют заболевание, возникшее у человека при заражении чесоточными клещами от животных – собак, кошек, лошадей, кроликов и т. д. Для заболевания характерен очень короткий инкубационный период, отсутствие чесоточных ходов, так как клещи не размножаются на несвойственном хозяине, они наносят укусы, вызывая сильный зуд. Высыпания представлены уртикарными и пруригинозными папулами, папуло-везикулами, локализующимися на открытых участках кожного покрова. От человека к человеку заболевание не передается. При устранении источника может наступить самоизлечение [13, 29] **(рис. 8 на цв. вклейке)**.

Диагностика чесотки осуществляется на основании клинических и эпидемиологических данных: субъективные ощущения – выраженный зуд в вечернее и ночное время; характерная клиническая картина – преимущественная локализация высыпаний на сгибательных поверхностях конечностей, кистях, половых органах, наличие чесоточных ходов и парных высыпаний; указание на зудящие заболевания у членов семьи или в близком окружении.

Существует несколько методов лабораторной диагностики чесотки, но в нашей стране наиболее часто используется метод соскоба патологического материала из подозрительных высыпаний, обработанных молочной кислотой или щелочью. Успех лабораторной диагностики чесотки во многом зависит от умения врача или лаборанта обнаружить чесоточные ходы. Для их идентификации используют прокрашивание подозрительных элементов спиртовыми растворами йода, анилиновых красителей [8, 19]. Однако ***отсутствие лабораторного подтверждения чесотки не является основанием для исключения заболевания***.

В последние годы все чаще для диагностики чесотки применяется метод дерматоскопии, который позволяет идентифицировать самку клеща непосредственно в чесоточном ходе [20].

Лечение направлено на уничтожение возбудителя с помощью антиакарицидных лекарственных средств (ЛС) [1, 5, 23, 24, 25]. В Беларуси используют серную мазь, бензилбензоат, перметриновую мазь, аэрозоль Спрегаль, изредка – гипосульфид натрия с соляной кислотой (метод Демьяновича).

Серная мазь как самое дешевое ЛС применяется достаточно часто (для лечения взрослых концентрация 33 %, детей – 10 %). Мазь втирают в весь кожный покров ежедневно на ночь 5–7 дней. На 6-й или 8-й день пациент моется, меняет нательное и постельное белье. Недостатки мази: длительность курса, неприятный запах, частое развитие дерматитов, загрязнение белья.

Бензилбензоат является одним из наиболее эффективных противочесоточных ЛС. Суспензию или мазь (детям 10 %, взрослым 20 %) втирают один раз в день на ночь в 1-й и 4-й день курса. Мытье и смену нательного и постельного белья рекомендуют на 5-й день.

Перметрин в виде 5 % мази или крема втирают в кожу однократно на 8–12 ч. При очень распространенном поражении целесообразно повторить лечение через неделю. Для грудных детей крем рекомендуется разводить до 2,5 %.

Аэрозоль Спрегаль – одно из современных ЛС для лечения чесотки (комбинированное ЛС: в состав входит эсдепалетрин, оказывающий повреждающее воздействие на нервную систему, яд для насекомых, и усиливающий его действие пиперонила бутоксид). Препаратом опрыскивают всю поверхность кожи, кроме лица и волосистой части головы, на 12 ч однократно.

Существуют ***общие принципы лечения пациентов с чесоткой*** независимо от выбранного противочесоточного ЛС [9, 13]:

1) лечение пациентов и профилактическое лечение контактных лиц, выявленных в одном очаге, должно проводиться одновременно во избежание реинвазии;

2) втирание противочесоточных ЛС у детей до трех лет проводится в весь кожный покров, у остальных исключение составляют лицо и волосистая часть головы;

3) втирание любого ЛС осуществляется руками, а не салфеткой (за исключением аэрозоля Спрегаль на лицо у детей);

4) лечение необходимо проводить в вечернее время из-за ночной активности возбудителя;

5) лечение осложнений осуществляется одновременно с лечением чесотки;

6) все ЛС, за исключением бензилбензоата, можно использовать и для лечения беременных женщин;

7) постскабиозный зуд не является показанием для дополнительного курса специфической терапии, он обычно расценивается как реакция организма на убитого клеща и быстро устраняется кремами с глюкокортикостероидами и антигистаминными ЛС;

8) длительно персистирующая скабиозная лимфоплазия не требует дополнительной противоскабиозной терапии, показаны антигистаминные ЛС, стероидные мази под окклюзионную повязку, диатермокоагуляция.

Контроль излеченности чесотки осуществляется по окончании курса лечения и через две недели. Критерии излеченности чесотки – устранение зуда и исчезновение клинических проявлений заболевания. При осложненной чесотке, постскабиозном зуде и лимфоплазии этот срок увеличивается индивидуально для каждого пациента.

Опыт показывает, что при чесотке не бывает рецидивов. Причинами возобновления заболевания чаще являются реинвазия от непролеченных

контактных лиц или несоблюдение схем терапии пациентами и правил дезинфекции.

Профилактика чесотки обусловлена особенностями возбудителя и эпидемиологией заболевания. Профилактические мероприятия направлены на выявление больных чесоткой, установление очагов чесотки и работу по их ликвидации. Определяются группы людей, подлежащих обязательному профилактическому лечению. Это все члены семьи и лица, живущие с больным в одном помещении. Члены организованных коллективов осматриваются медицинским работником на местах. При обнаружении чесотки у школьников и детей, посещающих детские сады, они должны быть отстранены от посещения детского учреждения на время проведения полноценного лечения. Персистирующая скабиозная лимфоплазия не является противопоказанием допуска детей в организованные коллективы. Вопрос о профилактической терапии лиц, бывших в контакте с больным чесоткой в организованном коллективе, решается индивидуально с учетом эпидемиологической ситуации. К указанному лечению привлекаются те из них, которые имели тесный телесный контакт в постели, а также целые группы, классы, где зарегистрировано несколько случаев заболевания чесоткой.

Один из разделов профилактической работы – правильная регистрация пациентов с чесоткой: на каждого заполняется амбулаторная карта (форма 025/У или 065-1/-07) и извещение (форма 089/У).

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбанова В.И. Опыт лечения больных чесоткой // Вестн. дерматол. 1999; 2: 39–42.

2. Вольф К., Гольдмит Л.А., Кац С.И. и др. Дерматология Фицпатрика в клинической практике: в 3 т. / пер. с англ.; под ред. А.А. Кубановой. М.: Изд-во Панфилова: БИНОМ, 2012. Т. 3. С. 2211–2218.

3. Кочергин Н.Г. Чесотка. Качество жизни // Медицина. 2005; 1: 73–78.

4. Кубанова А.А., Соколова Т.В., Ланге А.Б. Чесотка: метод. рекомендации для врачей. М., 1992. 20 с.

5. Кузнецов В.В., Голоусенко И.Ю., Шарейко М.М. и др. Сравнительная оценка эффективности некоторых противоскабиозных препаратов // Вестн. дерматол. и венерол. 1998; 6: 42–43.

6. Кунгуров Н.В., Сырнева Т.А., Корюкина Е.Б. Атипичные и редкие формы чесотки // Вестн. дерматол. и венерол. 2009; 1: 75–81.

7. Ланге А.Б., Соколова Т. В. Паразитизм чесоточного зудня Sarcoptes scabiei // Паразитология. 1992; 4: 281–295.

8. Ланге А.Б.., Федоровская Р.Ф., Соколова Т.В. Лабораторная диагностика чесотки // Лаб. дело. 1985; 8: 492–494.

9. Панкратов В.Г., Навроцкий А.Л., Панкратов О.В. и др. Паразитарные дерматозы. Сообщение 1. Чесотка // Мед. новости. 2008; 15: 7–11.

10. Погскасов Н.С., Иванов О.Л., Сергеев Ю.В. Постскабиозная лимфоплазия кожи // Вестн. дерматол. и венерол. 1979; 7: 36–40.

11. Сергеев Ю.В. Современные клинико-иммунологические особенности чесотки и новые подходы к ее диагностике и терапии // Иммунопатология. 2000; 4: 102–107.

12. Скрипкин Ю.К. Кожные и венерические болезни: рук. М.: Медицина, 1995. С. 456–483.

13. Соколова Т.В. Новое в этиологии, эпидемиологии, клинике, диагностике, лечении и профилактике чесотки (лекция) // Рос. журн. кожн. венерич. бол. 2001; 1: 27–39.

14. Соколова Т.В., Кубанова А.А., Ланге А.Б. Новое в эпидемиологии и профилактике чесотки // Вестн. дерматол. и венерол. 1992; 10: 27–35.

15. Соколова Т.В. Чесотка. Современное состояние проблемы // Клин. геронтол. 2007; 13 (12): 49–59.

16. Соколова Т.В., Гладько В.В., Рязанцев И.В. Sarcoptes scabiei и доброкачественная лимфоплазия кожи // Рос. журн. кожн. венерич. бол. 2004; 5: 9–12.

17. Beltraminelli H., Widmer A.F., Jordan X. et al. Scabies, boring skin and psyche. A situation report // Dermatology. 2000; 6: 56–61.

18. Burgess I. Sarcoptes scabiei and scabies // Adv. Parasitol. 1994; 33: 235–292.

19. Chosidow O. Scabies // N. Engl. J. Med. 2006; 354: 1718–1727.

20. Dupuy A., Dehen L., Bourrat E. et al. Accuracy of standard dermoscopy for diagnosing scabies // J. Am. Acad. Dermatol. 2007; 56: 53–62.

21. Heukelbach J., Feldmeier H. Scabies // Lancet. 2006; 375: 1767–1774.

22. Johnston G., Sladden M. Scabies: diagnosis and treatment // BMJ. 2005; 331: 619–622.

23. McCarthy J.S., Kemp D.J., Walton S.F. et al. Scabies: more than just an irritation // Med. J. 2005; 81: 7–11.

24. Mumcuoglu K.Y., Gilead L.T. Recommendations for the treatment of scabies in Israel // IMAJ. 2006; 8: 196–199.

25. Mumcuoglu K.Y., Gilead L. Treatment of scabies infestations // Parasite. 2008; 15: 248–251.

26. Orkin M., Maibach H.I. Scabies treatment: current considerations // Curr. Probl. Dermatol. 1996; 24: 151–156.

27. Sunderkötter C., Mayser P., Fölster-Holst R. et al. Scabies // Dtsch. Dermatol. Ges. 2007; 5: 424–430.

28. Tjioe M., Vissers W.H. Scabies outbreaks in nursing homes for the elderly: recognition, treatment options and control of reinfestation // Drugs Aging. 2008; 25: 299–306.

29. Vorou R., Remoudaki H.D., Maltezou H.C. Nosocomial scabies // J. Hosp. Infect. 2007; 6 (1): 9–14.

30. Wolf R., Avigad J., Brenner S. et al. Scabies: the diagnosis of atypical cases // Cutis. 1995; 55: 370–371.

Поступила 07.10.2016

ГАСТРОЭЗОФАГЕАЛЬНАЯ РЕФЛЮКСНАЯ БОЛЕЗНЬ

Е.К. Мастыкова
Витебский государственный медицинский университет

Изложены клинические проявления, диагностика и лечение гастроэзофагеальной рефлюксной болезни.

Ключевые слова: гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь, диагностика, лечение.

С неприятным ощущением жжения за грудиной, распространяющимся кверху от эпигастральной области, знакомо большое количество людей. Эпизодическое возникновение изжоги отмечают до 60 % населения [1, 2].

Однако изжога может встречаться не эпизодически, а повторяться с определенной частотой, вызывая дискомфорт и снижая качество жизни людей. Основная причина изжоги – ***гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь*** (ГЭРБ). Частота встречаемости ГЭРБ в разных регионах мира варьирует от 5 до 20 % [1, 2]. На Международном конгрессе гастроэнтерологов в Монреале (2005) предложено следующее определение заболевания: ГЭРБ – это состояние, развивающееся, когда рефлюкс содержимого желудка вызывает появление «беспокоящих» пациента симптомов и/или развитие осложнений [1].

Клинические проявления. ***Типичными симптомами ГЭРБ*** являются изжога и регургитация (срыгивание, кислая отрыжка). Согласно рекомендациям Монреальского консенсуса, в клинической практике при наличии у пациента «беспокоящих» его типичных симптомов рефлюкса установление диагноза ГЭРБ возможно без уточнения длительности и частоты этих симптомов. При проведении популяционных исследований «беспокоящими» пациента симптомами принято считать легкие симптомы изжоги и/или регургитации, возникающие 2 и более дня в неделю, а также симптомы средней тяжести и тяжелые, возникающие чаще 1 дня в неделю [1]. Проведение инструментальных методов исследования (эзофагогастродуоденоскопия (ЭГДС), рентгеноконтрастное исследование с сульфатом бария, манометрия и суточная pH-метрия пищевода) для постановки диагноза ГЭРБ при отсутствии дополнительных показаний не требуется [3].

Отдельно выделяют ***боль в грудной клетке*** как симптом ГЭРБ. Однако при наличии данного симптома необходимо исключить возможные кардиальные причины этого состояния. *При исключении кардиальных причин боли в грудной клетке для подтверждения диагноза ГЭРБ возможно проведение теста с ингибитором протонной помпы (ИПП):* применяется любой ИПП дважды в день в течение 7 дней (чаще используется ИПП в стандартной дозе). По данным метаанализа (2005), эмпирическое назначение ИПП пациентам с некардиальной болью в грудной клетке эффективно снижает симптоматику, а также может быть использовано для подтверждения диагноза ГЭРБ. При неэффективности теста возможно проведение ЭГДС или пищеводной pH-метрии [3].

Тест с ИПП может использоваться и для подтверждения диагноза ГЭРБ при наличии типичных рефлюксных симптомов. Тест обладает высокой специфичностью (95,5–98,8 %) и считается положительным при уменьшении симптомов на 75 % и более. Однако исследователи отмечают низкую специфичность теста (около 36 %) [4].

У пациентов с ГЭРБ могут встречаться также атипичные симптомы (хронический кашель, ларингит, астма), что расценивают как ***внепищеводные проявления ГЭРБ***. По данным проведенных исследований, ГЭРБ является третьей по частоте причиной хронического кашля у некурящих пациентов (уступая синдрому постназального затека и бронхиальной астме). При отсутствии симптомов «тревоги» пациентам с внепищеводными проявлениями ГЭРБ могут эмпирически назначаться ИПП (рекомендуется назначение ИПП в стандартной дозе 1 или 2 раза в день на срок от 1 до 3 месяцев) [1, 5].

Диагноз. ***ЭГДС у пациентов с типичными симптомами рефлюкса*** рекомендуется проводить при наличии симптомов «тревоги»: дисфагия, одинофагия, снижение массы тела, анемия, а также признаков желудочно-кишечного кровотечения [3, 5]. Появление у пациента с ГЭРБ вышеперечисленных симптомов может свидетельствовать о развитии осложнений (эрозивный эзофагит, стриктура или аденокарцинома пищевода). Также рекомендовано проведение ЭГДС пациентам с ГЭРБ, имеющим высокий риск развития еще одного осложнения ГЭРБ, – пищевода Барретта [1, 3].

Пищевод Барретта представляет собой цилиндроклеточную метаплазию многослойного плоского эпителия в дистальном отделе пищевода и является основным фактором риска развития аденокарциномы пищевода. К факторам риска развития пищевода Барретта относят: возраст старше 50 лет, длительность ГЭРБ более 5–10 лет, ожирение, мужской пол [3].

Наличие пищевода Барретта предполагается во время проведения ЭГДС, когда имеет место подъем цилиндрического эпителия в пищевод выше зоны кардиоэзофагеального перехода. Обязательно взятие биопсии из измененного участка для морфологического уточнения состояния слизистой оболочки пищевода.

Таким образом, своевременное проведение ЭГДС (при необходимости с биопсией слизистой оболочки нижней трети пищевода) пациенту с ГЭРБ позволит врачу сделать правильный выбор относительно тактики лечения.

Выполнение пациентам с типичными симптомами ГЭРБ ***рентгеноконтрастного исследования пищевода с сульфатом бария*** нецелесообразно для постановки диагноза. Это возможно только при подозрении на развитие осложнений ГЭРБ (например, стриктуры пищевода) или наличие грыжи пищеводного отверстия диафрагмы [3].

Пищеводная манометрия также не используется для постановки диагноза ГЭРБ, она целесообразна для преоперационной оценки сократительной активности пищевода [3].

Суточная pH-метрия пищевода рекомендована пациентам с ГЭРБ без эзофагита только перед проведением им эндоскопических и хирургических методов лечения в том случае, если пациенты рефрактерны к назначению ИПП. Также целесообразно ее выполнение, если диагноз ГЭРБ вызывает сомнение (отсутствует типичный рефлюксный синдром, неэффективно эмпирическое назначение ИПП пациентам с внепищеводными проявлениями ГЭРБ) [3].

Лечение ГЭРБ. ***Изменение образа жизни*** – часть терапии ГЭРБ. Пациентам необходимо рекомендовать снижение избыточной массы тела. Многочисленные исследования подтвердили снижение частоты появления симптомов, связанных с гастроэзофагеальным рефлюксом, на 40 % и более у пациентов, которым удалось снизить свой индекс массы тела. В исследованиях продемонстрирована также эффективность подъема головного конца кровати для пациентов с ГЭРБ [3].

Относительно диетических ограничений существуют противоречивые результаты. Рекомендуется избегать употребления жирной пищи перед сном (последний прием пищи за 2–3 ч до сна). Однако ограничение потребления шоколада, кофеин-содержащих продуктов, острой пищи и цитрусовых не продемонстрировало значительного эффекта в отношении уменьшения симптомов ГЭРБ. Следовательно, пациенту можно рекомендовать элиминацию только отдельного продукта, который, вероятно, провоцирует симптомы ГЭРБ у данного пациента [3].

Фармакотерапия. Чаще всего люди пытаются купировать изжогу самостоятельно, принимая пищевую соду или *антациды*, выпускаемые фармацевтической промышленностью. Уже более 2000 лет назад древнегреческие врачи использовали антациды для лечения изжоги. Применялся подручный материал – измельченные морские раковины и кораллы. Достигаемый эффект легко объясняется карбонатом кальция, который входит в состав некоторых современных антацидных лекарственных средств. Антациды эффективно купируют изжогу, но обладают непродолжительным действием (от 20 до 90 мин) и недостаточно снижают pH в пищеводе для заживления эрозий слизистой оболочки. Антациды могут использоваться в комбинации с антисекреторными лекарственными средствами при лечении ГЭРБ.

Ингибиторы протонной помпы являются наиболее эффективными лекарственными средствами для лечения пациентов с ГЭРБ [3]. В настоящее время при *ГЭРБ без эзофагита (неэрозивная форма ГЭРБ)* чаще всего используется краткосрочная терапия стандартными дозами ИПП 1 раз в сутки в течение 4 недель, при неэффективности – доза увеличивается в 2 раза [3].

При наличии *эрозивного эзофагита* требуется более продолжительное назначение ИПП. В случае эзофагита степени А и В (по Лос-Анджелесской классификации эзофагитов) ИПП назначается в течение 4 недель в двойной дозе (стандартная доза 2 раза в день или двойная доза утром), а затем еще в течение 4 недель в стандартной дозе. В случае эзофагита степени С и D ИПП назначается в двойной дозе в течение 8–12 недель [3].

Исследования, изучающие эффективность назначения ИПП 1 раз в сутки в течение 8 недель пациентам с эрозивным эзофагитом, подтвердили заживление эрозий у 83–96 % [14]. Причем не было обнаружено значительных различий по эффективности между разными ИПП, принимаемыми в стандартных дозах (омепразол 20 мг, лансопразол 30 мг, эзомепразол 40 мг, пантопразол 40 мг). Однако в крупном исследовании, которое включало более 3000 пациентов, отмечалось лучшее заживление эрозий при назначении эзомепразола в дозе 40 мг по сравнению с лансопразолом 30 мг и омепразолом 20 мг [6].

После непродолжительного курса пациентам может быть назначена *длительная поддерживающая терапия ИПП* в целях профилактики появления эрозий слизистой оболочки пищевода, а также при наличии клинических симптомов (изжоги/регургитации) или осложнений (пищевод Барретта) [3].

Согласно данным проведенных исследований, у пациентов с редкими симптомами ГЭРБ может быть эффективно использована *терапия ИПП «по требованию»* [7]. *Терапия короткими курсами* также может быть применена у пациентов с нечастыми симптомами ГЭРБ и при эрозивном эзофагите степени А и В (по Лос-Анджелесской классификации эзофагитов). *Непрерывный прием ИПП* может быть рекомендован лицам с частыми симптомами, при рефлюкс-эзофагите степени С и D, также пациентам с пищеводом Барретта (при наличии кишечного типа метаплазии) [3]. Пациентам с пищеводом Барретта (при наличии только желудочного типа метаплазии) для профилактики развития эрозивного эзофагита может быть рекомендован прием ИПП в режиме «выходного дня» (прием ИПП в стандартной дозе в пятницу, субботу, воскресенье 1 раз в день), что является обоснованным с позиции «стоимость – эффективность».

Исследования продемонстрировали эффективность поддерживающей терапии ГЭРБ в уменьшении частоты и выраженности симптомов заболевания, что сопровождалось близким к нормальному

качеством жизни пациентов в течение длительного промежутка времени [7].

Несмотря на то, что ИПП отпускаются в аптеках Республики Беларусь без рецепта врача, известно, что при длительном приеме они могут приводить к развитию серьезных побочных эффектов. Так, метаанализ, включающий 42 исследования, показал возможную взаимосвязь между приемом ИПП и возникновением диареи, связанной с *Clostridium difficile* [8]. Кроме того, изучается взаимосвязь приема ИПП и увеличения риска развития переломов, а также пневмоний [9].

Прокинетики (метоклопрамид, домперидон) иногда используют совместно с ИПП у пациентов с ГЭРБ. Однако в инструкциях по медицинскому применению данных лекарственных средств ГЭРБ не входит в перечень показаний. При приеме метоклопрамида возможно развитие побочных эффектов со стороны ЦНС (сонливость, головокружение, экстрапирамидные нарушения и др.). Домперидон в настоящее время рекомендован только для облегчения симптомов тошноты и рвоты. Установлено, что домперидон вызывает удлинение интервала QT на ЭКГ и повышает риск развития серьезных угрожающих жизни сердечно-сосудистых осложнений [10].

Таким образом, в большинстве случаев для диагностики ГЭРБ не требуется специальных методов исследования, кроме сбора анамнеза. Решение о режиме приема ИПП должно приниматься исходя из клинических проявлений, наличия осложнений ГЭРБ (эрозивный эзофагит, пищевод Барретта) и учитывая соотношение «риск – польза» для каждого конкретного пациента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vakil N., van Zanten S.V., Kahrilas P. et al.; Global Consensus Group. The Montreal definition and classification of gastroesophageal reflux disease: A global evidence-based consensus // Am. J. Gastroenterol. 2006; 101: 1900–1920.

2. Dent J., El-Serag H.B., Wallander M.A. et al. Epidemiology of gastroesophageal reflux disease: a systematic review // Gut. 2005; 54: 710–717.

3. Katz P., Gerson L., Vela M. Guidelines for the diagnosis and management of gastroesophageal reflux disease // Am. J. Gastroenterol. 2013; 108: 308–328.

4. Pace F., Pace M. The proton pump inhibitor test and the diagnosis of gastroesophageal reflux disease // Expert. Rev. Gastroenterol. Hepatol. 2010; 4: 423–427.

5. Badillo R., Francis D. Diagnosis and treatment of gastroesophageal reflux diseas // World J. Gastrointest. Pharmacol. Ther. 2014; 5: 105–112.

6. Castell D.O., Richter J.E., Robinson M. et al. Esomeprazole (40 mg) compared with lansoprazole (30 mg) in the treatment of erosive esophagitis // Am. J. Gastroenterol. 2002; 97: 575–583.

7. Reimer C., Bytzer P. Clinical trial: long-term use of proton pump inhibitors in primary care patients - a cross sectional analysis of 901 patients // Aliment. Pharmacol. Ther. 2009; 30: 725–732.

8. Kwok C.S., Arthur A.K., Anibueze C.I. et al. Risk of Clostridium difficile infection with acid suppressing drugs and antibiotics: meta-analysis // Am. J. Gastroenterol. 2012; 107: 1011–1019.

9. Pappas M., Jolly S., Vijan S. Defining appropriate use of proton-pump inhibitors among medical inpatients [Electronic resource] // J. Gen. Intern. Med. 2015. URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/26553337.

10. PRAC recommends restricting use of domperidone benefits still considered to outweigh risks when given short-term and in low doses to treat nausea or vomiting EMA/129231/2014 [Electronic resource]. URL: http://www.ema.europa.eu/docs/en_GB/document_library/Press_release/2014/03/WC500162558.pdf.

Поступила 07.03.2016

Приложение 2
к Клиническому протоколу
«Диагностика и лечение
пациентов с заболеваниями
органов пищеварения»
(постановление Министерства
здравоохранения
Республики Беларусь
21.07.2016 № 90)

24. Гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь

24.1. Согласно МКБ-10 гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь классифицируется как:

К21.0 Гастроэзофагеальный рефлюкс с эзофагитом

Рефлюкс-эзофагит

К21.9 Гастроэзофагеальный рефлюкс без эзофагита

Гастроэзофагеальный рефлюкс БДУ

24.2. Используются следующие определения гастроэзофагеальной рефлюксной болезни:

гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь (далее – ГЭРБ) – состояние, при котором рефлюкс желудочного содержимого вызывает беспокоящие пациента симптомы и (или) осложнения. К таким осложнениям относятся: рефлюкс-эзофагит, язвенные кровотечения, пенетрации, постъязвенные стриктуры, пищевод Барретта, аденокарцинома пищевода;

пищевод Барретта – наличие очагов метаплазии – замещение многослойного плоского эпителия цилиндрическим эпителием желудочного или кишечного типа. С повышенным риском развития аденокарциномы пищевода ассоциирована кишечная метаплазия.

24.3. Клиническими критериями ГЭРБ являются:

типичные симптомы: изжога, кислая регургитация, боль в грудной клетке. Также могут присутствовать отрыжка, дисфагия, срыгивание;

атипичные проявления: икота, жжение и боли в языке, дисфония, зловонный запах изо рта, хронический кашель, спонтанное ночное апноэ, ночные приступы бронхоспазма, упорный хронический ларингит, боли в спине, повреждения зубов

Таблица 16

Обязательная	Дополнительная
Длина тела, масса тела, ИМТ ОАК ОАМ БИК: глюкоза, ХС, билирубин, АсАТ, АлАТ ЭКГ ЭГДС, при подозрении на пищевод Барретта – с биопсией слизистой оболочки дистального отдела пищевода	Рентгенография пищевода и желудка с контрастированием, при необходимости – исследование на трохоскопе (при дисфагии, подозрении на грыжу ПОД) УЗИ ОБП (при симптомах диспепсии) Суточная внутрипищеводная pH-метрия (при отсутствии эффекта от стандартной терапии, отсутствии типичных симптомов) Эндоскопия пищевода с увеличением (при пищеводе Барретта или подозрении на него), хромоэндоскопия Терапевтический тест с ИПП (проводится согласно разделу 12 приложения) (при загрудинной боли или других проявлениях, связь которых с рефлюксом требуется уточнить) Консультация врача-кардиолога, проба с физической нагрузкой (велоэргометрия, тредмил), холтеровское мониторирование ЭКГ (при болях в грудной полости) Консультация врача-оториноларинголога (при наличии соответствующих атипичных проявлений) Консультация врача-пульмонолога (при хроническом кашле, признаках бронхоспазма) Консультация врача-онколога (при пищеводе Барретта с дисплазией)

(эрозирование за счет срыгивания кислого желудочного содержимого).

24.4. Диагностика при ГЭРБ проводится согласно табл. 16.

24.5. Диагностическими критериями ГЭРБ являются:

наличие изжоги или кислой регургитации в течение 6 и более месяцев с частотой 2 раза в неделю и более, и (или)

наличие признаков рефлюкс-эзофагита (диагностируется эндоскопически по наличию повреждений (эрозии, язвы) слизистой оболочки дистального отдела пищевода, и (или)

наличие критериев пищевода Барретта, и (или)

наличие загрудинной боли, или внепищеводных проявлений, если доказана их связь с рефлюксом (по данным теста с ИПП или суточной pH-метрии).

24.6. Диагностическими критериями пищевода Барретта являются:

наличие при гистологическом исследовании цилиндрического эпителия в биоптатах слизистой оболочки пищевода, взятых на 1 см и выше от пищеводно-желудочного соединения (то есть от проксимального края желудочных складок либо дистального края палисадных сосудов);

при наличии эндоскопической картины, подозрительной на метаплазию в пищеводе, выносится заключение «Подозрение на пищевод Барретта» и выполняется биопсия;

после гистологического исследования при подтверждении наличия цилиндрического эпителия на 1 см и выше от пищеводно-желудочного соединения (то есть от проксимального края желудочных складок либо дистального края палисадных сосудов), ставится диагноз: пищевод Барретта с желудочной метаплазией (при выявлении эпителия желудочного типа) или пищевод Барретта с кишечной метаплазией (при выявлении эпителия кишечного типа);

при выявлении дисплазии на фоне воспаления (эндоскопические или гистологические признаки эзофагита) ее наличие рассматривается как неопределенное до купирования признаков воспаления. Назначается прием ИПП в двойной дозе на 2 месяца, после чего биопсия с оценкой наличия и степени дисплазии выполняется повторно.

24.7. Для оценки степени тяжести ГЭРБ используются следующие критерии:

24.7.1. клинические критерии:

легкая – изжога менее 2 раз в неделю;

средняя – изжога 2 раза в неделю и более, но не ежедневно;

тяжелая – изжога ежедневно;

24.7.2. эндоскопические критерии:

24.7.2.1. степень тяжести эзофагита оценивается в соответствии с Лос-Анджелесской классификацией;

24.7.2.2. степень тяжести пищевода Барретта оценивается по его распространенности в соответствии с Пражской градационной системой C&M, при этом в диагнозе указывается индекс C_XM_Y (например, C2M4), где C – длина участка с циркулярным поражением (X – расстояние в сантиметрах от желудочно-пищеводного перехода до Z-линии); M – максимальная длина «языка» метаплазии (Y – расстояние в сантиметрах от желудочно-пищеводного перехода до верхушки наиболее длинного участка метаплазии);

24.7.3. гистологические критерии:

в случае пищевода Барретта оценивается наличие дисплазии и ее степень.

24.8. Выделяют следующие осложнения ГЭРБ: язва; стеноз; кровотечение; пенетрация; аденокарцинома.

24.9. Для классификации ГЭРБ используют следующие категории:

24.9.1. классификация клинических форм ГЭРБ:

неэрозивная ГЭРБ; эрозивная ГЭРБ; пищевод Барретта;

24.9.2. эндоскопическая классификация эзофагита (Лос-Анджелесская классификация эзофагита, 1994):

степень А – одно или несколько повреждений слизистой оболочки пищевода, располагающихся на верхушках складок, каждое из которых длиной не более 5 мм;

степень В – одно или несколько повреждений слизистой оболочки пищевода длиной 5 мм и более, располагающихся на верхушках складок и не распространяющихся между ними;

степень С – одно или несколько повреждений слизистой оболочки пищевода длиной более 5 мм, распространяющихся между складками, но занимающих менее 75 % окружности пищевода;

степень D – повреждения слизистой оболочки пищевода, охватывающие 75 % и более по его окружности;

24.9.3. классификация пищевода Барретта:

24.9.3.1. по типу метаплазии:

пищевод Барретта с желудочной метаплазией;

пищевод Барретта с кишечной метаплазией;

24.9.3.2. по протяженности:

короткий сегмент (длина участка метаплазии менее 3 см);

длинный сегмент (длина участка метаплазии 3 см и более).

24.10. Формулировка диагноза ГЭРБ включает[1]:

нозологию, клиническую форму заболевания;

степень тяжести (в случае эзофагита – указание его степени и даты последнего эндоскопического обнаружения эрозивно-язвенного поражения);

клиническую фазу заболевания (обострение, ремиссия);

осложнения (при пищеводе Барретта – градация по C&M, вид метаплазии, степень дисплазии).

24.11. Цели лечения ГЭРБ следующие:

купирование клинических проявлений;

репарация эрозивно-язвенных поражений слизистой оболочки пищевода;

предотвращение прогрессирования метаплазии и появления дисплазии при пищеводе Барретта;

предотвращение рецидивов (обострений) и осложнений.

24.12. Показаниями для госпитализации пациентов с ГЭРБ являются:

эзофагит степени С, D без осложнений или пищевод Барретта (госпитализация пациента в терапевтическое, гастроэнтерологическое отделения РОЗ, ГОЗ, ООЗ);

эзофагит с осложнением (кровотечение, пенетрация, стеноз) (госпитализация пациента в хирургическое отделение РОЗ, ГОЗ, ООЗ);

ГЭРБ с резистентным к лечению течением и необходимостью уточнения диагноза (госпитализация пациента в гастроэнтерологическое отделение ГОЗ или ООЗ).

24.13. При ГЭРБ проводится лечение:

24.13.1. комплекс рекомендаций по немедикаментозной терапии (питание, образ жизни);

24.13.2. медикаментозная терапия:

24.13.2.1. ГЭРБ без эзофагита:

индукционная терапия: при редких (не чаще 2 раз в неделю) симптомах – антациды или H_2-блокаторы (ранитидин 150 мг, фамотидин 20–40 мг) в режиме «по требованию»; при частых симптомах – ИПП в стандартной дозе (стандартная доза определяется согласно разделу 11 приложения) 1 раз в сутки утром за 30–60 мин до еды 4 недели. При недостаточном эффекте доза увеличивается в 2 раза (двойная доза). Дополнительно при необходимости назначаются антациды в режиме «по требованию». При неэрозивной ГЭРБ с внепищеводными проявлениями (хронический кашель, бронхоспазм, осиплость голоса) – ИПП в двойной дозе 12 недель;

поддерживающая терапия: терапия «по требованию» – при появлении клинической симптоматики однократный прием антацида, или H_2-блокатора, или ИПП в стандартной дозе (одного из перечисленных) либо непрерывная поддерживающая терапия в виде ежедневного приема половинной дозы ИПП;

24.13.2.2. ГЭРБ с эзофагитом степени А-В:

индукционная терапия: ИПП в двойной дозе (стандартная доза 2 раза в день или двойная доза утром) – 4 недели, затем в стандартной дозе еще 4 недели. При отсутствии эффекта доза увеличивается в 2 раза. Дополнительно при необходимости – антациды в режиме «по требованию» или прокинетики в стандартных дозах;

поддерживающая терапия: ИПП в стандартной дозе в режиме «по требованию», при неэффективности (рецидивы эзофагита) – непрерывная терапия половинной или стандартной дозой ИПП. Минимальная длительность непрерывной терапии – 6 месяцев. При необходимости постоянного многолетнего применения ИПП следует перед началом профилактического лечения оценить наличие инфекции *Hp*, и если она имеется – провести эрадикационную терапию;

24.13.2.3. ГЭРБ с эзофагитом степени С-D:

индукционная терапия: ИПП в двойной дозе (стандартная доза 2 раза в день или двойная доза утром) – 8–12 недель. При недостаточном эффекте доза увеличивается в 2 раза. При необходимости дополнительно – антациды в режиме «по требованию» или прокинетики в средних терапевтических дозах;

поддерживающая терапия: непрерывный прием ИПП в стандартной или половинной от стандартной дозе (назначается доза, обеспечивающая отсутствие изжоги). Минимальная длительность непрерывной терапии – 6 месяцев. Перед началом профилактического лечения следует оценить наличие инфекции *Hp*, и если она имеется – провести эрадикационную терапию;

[1] Примеры:
1. Неэрозивная ГЭРБ средней степени тяжести, обострение.
2. Эрозивная ГЭРБ с эзофагитом степени А (12.03.2013). Аксиальная грыжа ПОД.
3. ГЭРБ: пищевод Барретта с желудочной метаплазией, С3М6, с клиническими проявлениями средней степени тяжести.
4. Эрозивная ГЭРБ с эофагитом степени D, осложненным кровотечением.

24.12.2.4. пищевод Барретта:

в случае отсутствия тяжелой дисплазии – ИПП в двойной дозе постоянно;

при определенной тяжелой дисплазии – рассмотрение вопроса о хирургическом лечении.

24.13. Контроль эффективности лечения ГЭРБ осуществляется следующим образом:

24.13.1. эффективность индукционной терапии неэрозивной ГЭРБ контролируется по исчезновению симптомов рефлюкса в сроки 2–4 недели, внепищеводных симптомов – в сроки 8–12 недель;

24.13.2. заживление эзофагита контролируется эндоскопически в сроки 4–12 недель (в зависимости от тяжести эзофагита). Допускается ведение пациента без эндоскопического контроля при эзофагите степени A-B и полном исчезновении симптомов рефлюкса на фоне лечения.

24.14. Пациенты с ГЭРБ с эзофагитом C-D или пищеводом Барретта относятся к группе динамического диспансерного наблюдения Д(III) и подлежат наблюдению врачом-гастроэнтерологом, срок наблюдения – пожизненно.

24.15. Объем и сроки обследования пациента при динамическом диспансерном наблюдении составляют:

24.15.1. при ГЭРБ с эзофагитом C-D:

ИМТ, общий анализ крови, биохимическое исследование крови (билирубин, АсАТ, АсАТ, глюкоза, холестерин), ЭКГ, ЭГДС – 1 раз в год;

24.15.2. при пищеводе Барретта:

ИМТ, общий анализ крови, общий анализ мочи, биохимическое исследование крови (билирубин, АсАТ, АлАТ, глюкоза, холестерин), ЭКГ проводится пациенту 1 раз в год;

ЭГДС с множественной биопсией пищевода – при желудочной метаплазии без дисплазии проводится пациенту 1 раз в 2–3 года; при кишечной метаплазии без дисплазии проводится пациенту 1 раз в год; при дисплазии низкой степени проводится пациенту 2 раза в год; при тяжелой дисплазии – 4 раза в год, если не выполнено хирургическое вмешательство.

24.16. Пациенты с пищеводом Барретта с кишечной метаплазией или дисплазией относятся к группе риска по раку пищевода.

24.17. Другие случаи ГЭРБ, кроме перечисленных в пункте 24.14 настоящего клинического протокола, относятся к группе Д(II).

24.18. Критериями эффективности лечения и диспансерного наблюдения при ГЭРБ являются отсутствие клинической и эндоскопической симптоматики, раннее выявление осложнений.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫЕ РАССТРОЙСТВА
РИМСКИЕ IV РЕКОМЕНДАЦИИ (2016)

G. Детские функциональные желудочно-кишечные расстройства: новорожденные/ дети грудного и раннего возраста

Классификация

G. Функциональное желудочно-кишечные расстройства у новорожденных и детей грудного и раннего возраста

G1. Младенческая регургитация

G2. Младенческий руминационный синдром

G3. Синдром циклической рвоты

G4. Младенческая колика

G5. Функциональная диарея

G6. Младенческая дисхезия

G7. Функциональный запор

В таблице представлена суммарная характеристика функциональных желудочно-кишечных расстройств (ФЖКР) у новорожденных и детей грудного и раннего возраста – эпидемиология, патофизиологические механизмы, тактика лечения и исходы.

G1. Младенческая регургитация

Определение. Рефлюкс относится к ретроградному непроизвольному движению желудочного содержимого из желудка и часто упоминается как гастроэзофагеальный рефлюкс. Когда рефлюкс достаточно обильный, чтобы быть визуализированным, это называется срыгиванием.

Срыгивание содержимого желудка в пищевод, рот или нос встречается и находится в пределах ожидаемого поведения у здоровых младенцев. Младенческое срыгивание является наиболее распространенным ФЖКР в первый год жизни.

Отличия младенческой регургитации от других состояний:

рвота – определяется рефлексом центральной нервной системы (ЦНС) с участием как автономных, так и скелетных мышц, при ней желудочное содержимое насильственно изгоняется через рот путем скоординированных движений тонкого кишечника, желудка, пищевода и диафрагмы;

руминация – ранее проглоченная пища возвращается в глотку и рот, прожевывается и проглатывается снова;

гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь (ГЭРБ) – регургитация желудочного содержимого вызывает осложнения или способствует повреждению тканей или воспалению (например, эзофагит, обструктивное апноэ, реактивные заболевания дыхательных путей, легочная аспирация, нарушения кормления и глотания, замедление физического развития).

Клиническая оценка. ***G1. Диагностические критерии младенческой регургитации***

Должны включать оба из следующих в остальном здоровых младенцев в возрасте от 3 недель до года:

1. Регургитация 2 или более раза в день в течение 3 или более недель

2. Отсутствие рвоты, кровавой рвоты, аспирации, апноэ, отставания физического развития, нарушения питания или глотания или аномального позерства

Хотя срыгивание может возникнуть в любом возрасте, пик – около 4 месяцев, далее снижается, начиная с 6 и еще более с 12–15 месяцев.

Анамнез и объективное исследование может выявить признаки других, связанных с рвотой, заболеваний, включая метаболические, инфекционные и неврологические. Признаки замедленного развития, гематомезис, кровь в стуле, анемия, отказ от пищи и трудности глотания должны побудить к исследованию для уточнения наличия ГЭРБ. В случаях раннего начала регургитации в неонатальном периоде, желчной рвоты, обезвоживания или других осложнений, сохранения срыгивания в течение первого года жизни следует исключить анатомические аномалии, например мальротацию или непроходимость выходного отдела желудка.

Лечение. Так как естественное течение детской регургитации – спонтанное разрешение, целью лечения является снятие у воспитателя опасений по поводу состояния новорожденного. Фармакотерапия не проводится.

Несколько рандомизированных клинических исследований (РКИ) показали отсутствие выгоды от использования ингибиторов протонной помпы (ИПП) у грудных детей при наличии срыгивания или подозрении на ГЭРБ. Кроме того, лечение ИПП может быть связано с неблагоприятными последствиями, в основном с респираторными и желудочно-кишечными инфекциями.

Консервативные меры включают позиционирование после еды, при искусственном вскармливании – кормление питательными антирефлюксными смесями с загустителями, более частое кормление с меньшим объемом.

Обсуждаются положительные и отрицательные стороны различных положений младенцев во время сна.

G2. Руминационный синдром

Определение. Руминация – привычные срыгивания содержимого желудка в рот путем самостимуляции. Руминация имеет следующие клинические проявления: синдром младенческой руминации, руминация у неврологически больных детей и взрослых, руминация у здоровых детей старшего возраста и взрослых (последние два варианта в данном разделе не обсуждаются).

Таблица

Частота, патофизиология и лечение функциональных гастроинтестинальных расстройств у новорожденных/детей грудного и раннего возраста

Расстройства	Возраст	Распространенность, %	Патофизиология	Лечение	Исходы
G1. Младенческая регургитация	3 недели – 12 месяцев (пик 4 месяца)	41–67	Малый объем пищевода, перекармливание, положение младенца	Просвещение, кормление малым объемом, позиционирование ребенка Антирефлюксные смеси (с загустителем)	Спонтанное разрешение
G2. Младенческий руминационный синдром	3–8 месяцев	1,9	Эмоциональная и сенсорная депривация	Поведенческое вмешательство, коррекция питания	Восстановление по мере воспитания
G3. Синдром циклической рвоты	Широкий диапазон	3,4	Активация рвотного рефлекса и гипоталамо-питуитарно-адреналовой системы	Предупреждение триггерных факторов, фармакотерапия, превентивная фармакотерапия, поддерживающие мероприятия	Обычно разрешается, когда ребенок становится старше, но может продолжаться или измениться в сторону абдоминальной мигрени или мигренозной головной боли
G4. Младенческая колика	Ранний младенческий до 5 месяцев	5–19	Результаты нормального процесса развития Нормальные колебания в развитии и темпераменте Различия родительского восприятия плача	Никаких доказательств того, что фармакологическое вмешательство полезно Недостаточно доказательств эффективности исключения белка коровьего молока, назначения пробиотиков или фитотерапии Эти подходы остаются проблематичными и спорными	Разрешение после 5 месяцев
G5. Функциональная диарея	6–60 месяцев	6–7	Диетические или моторные отклонения; повышенная секреция слизи?	Просвещение, диетические изменения	Обычно разрешается к 60 месяцам
G6. Младенческая дисхезия	От родов до 9 месяцев	2,4	Некоординированная динамика дефекации	Просвещение, диетические изменения	Обычно разрешается к 60 месяцам
G7. Функциональный запор	От родов до совершеннолетия	3–27	Результат болезненной дефекации, связанной с удержанием	Просвещение, поведенческие вмешательства, слабительные	Успешное долгосрочное лечение в 80 % после первого года и увеличение со временем

Клиническая оценка. ***G2. Диагностические критерии руминационного синдрома***

Должны включать все из следующих в течение не менее 2 последних месяцев:

1. Повторные сокращения мышц брюшного пресса, диафрагмы, языка

2. Легкая регургитация желудочного содержимого в рот, либо срыгивание, либо повторное пережевывание и повторное проглатывание

3. Три или более из следующих:

a) Возникновение между 3 и 8 месяцами

b) Отсутствует эффект лечения гастроэзофагеальной рефлюксной болезни и регургитации

c) Не сопровождается признаками дистресса

d) Не возникает во время сна или во время общения с окружающими

G3. Синдром циклической рвоты

Определение. Синдром циклической рвоты (СЦР) характеризуется постоянными, стереотипными эпизодами интенсивной тошноты и рвоты длительностью от часов до нескольких дней, которые разделены интервалами от недели до месяцев.

Клиническая оценка. ***G3. Диагностические критерии синдрома циклической рвоты***

Должны включать все из следующих:

1. Два или более периода упорной пароксизмальной рвоты с или без позывов продолжительностью от часов до дней в 6-месячный период

2. Эпизоды стереотипны у каждого пациента

3. Эпизоды разделяются периодами от недель до месяцев с возвращением базового состояния здоровья между эпизодами рвоты

Частота эпизодов колеблется от 1 до 70 в год (в среднем 12). Приступы происходят регулярно или эпизодически. Как правило, эпизоды начинаются в одно и то же время дня, чаще всего ночью или утром. Продолжительность эпизодов, как правило, одинаковая у каждого пациента. СЦР достигает высокой интенсивности в течение первого часа, после этого рвота имеет тенденцию к снижению, хотя тошнота продолжается до конца эпизода. Эпизоды обычно заканчиваются так же быстро, как начинаются, отмечается быстрое восстановление состояния при условии, что у пациента не развился дефицит жидкости и электролитов.

Признаки и симптомы, которые сопровождают циклическую рвоту, включают бледность, слабость, повышенное слюноотделение, боли в животе, непереносимость шума, света и/или запаха, головную боль, жидкий стул, лихорадку, тахикардию, гипертензию, кожные проявления и лейкоцитоз. У 80% определяются обстоятельства или события, которые приводят к проявлениям заболевания – повышенное эмоциональное состояние, инфекции, астма или физическое изнеможение. Матери пациентов с СЦР могут иметь мигрень.

СЦР не имеет специальных тестов для подтверждения диагноза. Важно проведение диагностических мероприятий для исключения заболеваний, которые имеют аналогичные проявления и могут быть ошибочно диагностированы как СЦР (неврологические, метаболические, эндокринологические, урологические).

Лечение. Цель лечения – снижение частоты и тяжести эпизодов.

У пациентов, у которых эпизоды частые, тяжелые и длительные, целью является профилактика. Условия, которые являются триггерами для эпизодов СЦР, могут быть выявлены, и их следует избегать. Профилактическое ежедневное лечение ципрогептадином или пизотифеном у детей моложе 5 лет является терапией первой линии, использовались также амитриптилин или пропранолол. Сообщалось также об эффекте в предотвращении атак СЦР эритромицина, который увеличивает желудочную эвакуацию, и фенобарбитала. Применение этих лекарственных средств (ЛС) было успешным в снижении частоты или купировании эпизодов у многих детей. Лоразепам полезен благодаря его анксиолитическому, седативному и противорвотному эффектам.

В раннем периоде эпизода полезно начинать оральные антисекреторные лекарственные средства для профилактики повреждения слизистой оболочки пищевода и зубной эмали. Внутривенные вливания жидкости, электролитов, применение антагонистов H_2-гистаминорецепторов или ИПП происходят в течение эпизода рвоты до ее окончания.

Осложнения, возникающие при СЦР: дегидратация и электролитный дефицит, кровавая рвота вследствие пролапса слизистой желудка, пептического эзофагита и/или синдрома Mallory-Weiss, дефицит внутриклеточного калия и магния, гипертензия, неадекватная секреция антидиуретического гормона.

G4. Младенческая колика

Определение. Младенческая колика была описана как поведенческий синдром у 1–4-месячных младенцев с длительным плачем, который трудно успокоить. Приступы младенческой колики начинаются и купируются внезапно, без видимых причин, и чаще происходят в конце дня, так что их необъяснимая природа является одной из главных причин для беспокойства воспитателей.

Клиническая оценка. ***G4. Диагностические критерии младенческой колики***

Для клинических целей должны включать все из следующих:

1. У ребенка в возрасте < 5 месяцев симптомы начинающиеся и прекращающиеся

2. Регулярные и продолжительные периоды детского плача, суеты или раздражительности, о которых сообщают осуществляющие уход, без видимой причины или которые не предотвращаются или не регулируются осуществляющими уход

3. Никаких доказательств задержки физического развития, лихорадки или болезни

«Беспокойство» относится к периодическому голосовому беспокойству и определяется как «[поведение] не совсем плач, но и не пробуждение». Дети часто колеблются между плачем и беспокойством, так что оба симптома трудно отличить на практике

Для клинических исследований в диагностике младенческой колики должны использоваться предыдущие диагностические критерии и также включать оба из следующих:

1. Воспитатель сообщает по телефону или непосредственно исследователю, или врачу, что младенец кричал или суетился 3 или более часа в день в течение 3 или более дней в 7-дневный период

2. Суммарно 24-часовый плач плюс суета в выбранной группе младенцев уточняется и должно быть 3 или более часа, когда измеряется по крайней мере один из проспективных периодов, 24-часовой дневник поведения

В среднем, плач достигает пика на 6-й неделе, а затем уменьшается на 12-й неделе и к 3–4-месячному возрасту проходит спонтанно (в случае детей, родившихся преждевременно, позже еще на 3–4 месяца).

Нет никаких доказательств того, что причиной плача является боль в животе или любой другой части тела младенца. Хотя плач может быть вызван болью из-за повышенной чувствительности к белку коровьего молока, по определению младенческая колика не является результатом органического заболевания. Тем не менее воспитатели часто предполагают, что причиной плача является боль в животе желудочно-кишечного происхождения.

Лечение. Более чем в 90 % случаев лечение заключается не в «лечении колик», а в помощи уха-

живающим лицам в прохождении сложного периода в развитии ребенка. Врач должен оценивать уязвимые места ухаживающего за ребенком, такие как депрессия и отсутствие социальной поддержки, и иметь постоянный доступ к семье. Оценка плача ребенка в момент обращения может помочь успокоить ухаживающего и получить важную диагностическую информацию. Полезно вести журнал плача и других поступков ребенка. Есть недавние доказательства из нескольких РКИ, что пробиотические добавки (например, *Lactobacillus reuteri* DSM 17938) могут уменьшить младенческий плач в сравнении с контролем. Однако в недавнем крупномасштабном слепом исследовании, а также в систематическом обзоре получены противоречивые данные.

На основании небольших исследований было рекомендовано для подтверждения возможных этиологических факторов длительного плача: 1) исключение коровьего молока из диеты кормящей матери, 2) у детей на искусственном вскармливании – перевод на формулы с белковыми гидролизатами. Исключение коровьего молока из рациона матери остается спорным, так как нет данных о том, как часто это успешно осуществляется. Несмотря на широкое применение методов лечения ГЭРБ для уменьшения младенческого крика нет никаких доказательств того, что ГЭРБ является причиной плача младенцев.

Авторы обращают внимание на то, что в отсутствие эффекта при младенческих коликах тревожность и фрустрация доводят ухаживающего до изнеможения, приводят к появлению отчужденных чувств, ухудшению способности к успокоению ребенка, риска shaken baby syndrome (SBS) – синдрома встряхнутого ребенка и других форм насилия. Младенческую колику в таком случае можно представить в качестве клинически чрезвычайной ситуации.

G5. Функциональная диарея

Определение. Функциональная диарея (ФД) определяется как ежедневный безболезненный несформированный стул 3 или более раза сутки в течение 4 или более недель с началом в младенчестве или в дошкольные годы. Ребенок не страдает от учащенного стула, и симптомы спонтанно проходят в школьном возрасте.

Клиническая оценка. ***G5. Диагностические критерии функциональной диареи***

Должна включать все из следующих:

1. Ежедневный безболезненный 4 или более раза обильный неоформленный стул

2. Симптомы, длящиеся более 4 недель

3. Симптомы начинаются в возрасте от 6 до 60 месяцев

4. Нет отставания в физическом развитии, если потребление калорий является адекватным

Уточняются нутритивные факторы, имеющие наибольшее значение в развитии ФД: перекармливание, чрезмерное введение фруктовых соков, углеводов (фруктозы). Тонкокишечный транзит, а также всасывание воды, электролитов, глюкозы при ФД не нарушается. При нормальном физическом развитии мальабсорбция является маловероятной.

G6. Младенческая дисхезия

Определение. Младенческая дисхезия описывается как напряжение в течение долгих минут при дефекации, крик, плач, лицо красного или фиолетового цвета от натуживания. Сохраняется в течение 10–20 минут, пока не будет отхождения мягкого или жидкого стула.

Клиническая оценка. ***G6. Диагностические критерии младенческой дисхезии***

Должны включать у ребенка в возрасте < 9 месяцев:

1. По крайней мере 10 минут напряжения и плача до успешного или неуспешного отхождения мягкого стула

2. Нет других проблем со здоровьем

Механизм дисхезии – нарушение координации между повышением внутрибрюшного давления и расслаблением мышц тазового дна, а плач обусловлен увеличением внутрибрюшного давления.

Важным является оценка состояния ребенка в отношении других возможных патологических состояний, требующих вмешательства.

Лечение. Обучение расслаблению тазового дна. Для стимуляции обучения дефекации младенцев рекомендуется избегать ректальной стимуляции. Слабительные средства не рекомендуются.

G7. Функциональный запор

Определение. Не представлено.

Функциональный запор (ФЗ) часто является результатом неоднократных попыток добровольного удержания кала, когда ребенок пытается избежать неприятных ощущений из-за опасений, связанных с прежним опорожнением кишечника. Удержание стула приводит к всасыванию воды и формированию твердого кала. Из-за изменения в диете в первые годы жизни острый эпизод запора может привести к прохождению сухого и жесткого стула, который может вызвать болезненные дефекации.

Клиническая оценка. Диагноз ФЗ основывается на анамнезе и физикальном обследовании; инструментальное обследование не обязательно и не желательно.

G7. Диагностические критерии функционального запора

Должны включать в течение 1 месяца по крайней мере 2 из следующих признаков у детей в возрасте до 4 лет:

1. Две или менее дефекации в неделю

2. В анамнезе чрезмерная задержка стула

3. В анамнезе опорожнение кишечника болезненное или с твердым стулом

4. В анамнезе стул большого диаметра

5. Наличие большого количества фекальных масс в прямой кишке

У детей, приученных к пользованию туалетом, могут использоваться следующие дополнительные критерии:

6. По крайней мере 1 эпизод в неделю недержания кала после приобретения навыков пользования туалетом

7. В анамнезе стул большого диаметра, который может препятствовать дефекации

Возникновение ФЗ часто происходит во время одной из трех ситуаций: 1) у детей с твердым стулом (часто совпадает с началом искусственного вскармливания); 2) у детей раннего возраста в период приобретения навыков туалета, так как они пытаются контролировать стул; 3) в школе при воздержании детей от дефекации в течение учебного дня.

У малышей начало запора может совпадать с обучением пользованию туалетом при давлении чрезмерного воспитания для управления кишечником и/или использовании неуместных методов, например пользование туалетом, когда ребенок не может поддерживаться ножками, может привести к удержанию кала.

Удерживающее поведение может привести к прохождения большого по диаметру стула, который может вызвать образование анальных трещин, особенно у детей в возрасте до двух лет. Болезненная эвакуация фекальных масс пугает ребенка и является частой причиной избегать дефекации.

У младенцев и детей ясельного возраста, у которых накапливаются ректально фекальные массы, может возникать недержание кала (НК); НК может быть ошибочно принято некоторыми родителями за диарею.

Медицинский осмотр включает оценку размеров ректальных фекальных масс, которые определяются по их высоте над уровнем таза с помощью бимануальной пальпации по обе стороны от прямой кишки; ректальное исследование проводится после установления контакта с пациентом и его семьей.

Дифференциальный диагноз запора в младенчестве включает анатомические обструкции, болезнь Hirschsprung's, спинальные проблемы, метаболические и нейрокишечные аномалии, редко – ахалазию внутреннего анального сфинктера. Ректальная аспирационная биопсия необходима в младенчестве с задержкой прохождения мекония на 24 часа при сопутствующих симптомах (рвота, отказ от пищи, абдоминальное растяжение, лихорадка, замедление физического развития, кровь в стуле) для исключения болезни Hirschsprung's.

Лечение. Авторы обращают внимание на роль раннего вмешательства при ФЗ у детей: чем короче период, в течение которого симптомы сохраняются, тем больше вероятность успешного лечения.

Образование воспитателя и ребенка – это первый шаг в лечении. Ребенок и семья изучаются врачом, который тщательно оценивает анамнез и результаты физикального обследования, затем объясняет сущность проблемы, отсутствие вызывающей беспокойство болезни, затем бережно и эффективно лечит. Врач устраняет мифы и страхи путем следующих объяснений:

1. ФЗ у ребенка – это одна из самых распространенных проблем в педиатрии

2. ФЗ – это не опасно, и он разрешится, когда ребенок вырастет

3. При ФЗ важно, чтобы ребенок доверял и надеялся, что дефекация не будет причинять боль

4. Для малышей обучение туалету не будет гладким, пока не устранится страх перед болезненной дефекацией; тактика принуждения может привести к обратным результатам

Ключом к получению эффекта при ФЗ является обеспечение безболезненной дефекации. Процедуры, которые смягчают стул и обеспечивают безболезненную дефекацию, являются важной частью лечения. Однако на сегодняшний день больших хорошо разработанных РКИ, оценивающих влияние каких-либо пищевых добавок или слабительных на младенцев и малышей с ФЗ, пока недостаточно. Большинство экспертов склонны к ежедневному использованию нестимулирующих слабительных, таких как полиэтиленгликоль, лактулоза или молоко магнезии, которые постепенно размягчают каловые массы. Целью размягчения стула является обеспечение безболезненной дефекации.

В качестве поддерживающей терапии размягчители стула используются месяцами, годами. Информация по лечению детских запоров пробиотиками в публикациях ограничена.

Для детей дошкольного возраста зачастую полезно использование поощрений за успехи в туалете.

Сведения о роли аллергии на белок коровьего молока в развитии ФЗ противоречивы: 1) у детей, страдающих от запоров и аллергии на белок коровьего молока, получены данные об улучшении после диеты с ограничением молока; 2) у пациентов, страдающих хроническими запорами, не удалось подтвердить эту ассоциацию; 3) ФЗ в детстве был связан с наличием в анамнезе аллергии на белок коровьего молока в первый год жизни. Существуют рекомендации в отношении ФЗ, состоящие в рассмотрении 2–4-недельного экспериментального использования гипоаллергенной смеси у младенцев и детей ясельного возраста, у которых лечение слабительным было неэффективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benninga M.A., Nurko S., Faure C. et al. Childhood functional gastrointestinal disorders: neonate/toddler // Gastroenterology. 2016; 150: 1443–1455.

Подготовила Н.Н. Силивончик

H. Детские функциональные желудочно-кишечные расстройства: дети/подростки

Группа ФЖКР включает целый ряд состояний, причем эксперты отмечают, что разные ФЖКР могут быть у пациента одновременно.

Классификация

H. Функциональные желудочно-кишечные расстройства: дети и подростки

H1. Функциональные расстройства, связанные с тошнотой и рвотой

H1a. Синдром циклической рвоты

H1b. Функциональная тошнота и функциональная рвота

H1b1. Функциональная тошнота

H1b2. Функциональная рвота

H1c. Руминационный синдром

H1d. Аэрофагия

H2. Функциональные абдоминальные болевые расстройства

H2a. Функциональная диспепсия

H2a1. Постпрандиальный дистресс-синдром

H2a2. Эпигастральный болевой синдром

H2b. Синдром раздраженного кишечника

H2c. Абдоминальная мигрень

H2d. Функциональная абдоминальная боль – без дальнейшего уточнения

H3. Функциональные расстройства дефекации

H3a. Функциональный запор

H3b. Неретенционное недержание кала

H1. Функциональные расстройства, связанные с тошнотой и рвотой
H1a. Синдром циклической рвоты

Эпидемиология. Распространенность синдрома циклической рвоты (СЦР) 0,2–1,0 %. Средний возраст начала 3,5–7 лет, но расстройство наблюдается у детей любого возраста и взрослых. В 46 % СЦР начинается в 3 года или раньше.

Клиническое исследование. ***H1a. Диагностические критерии синдрома циклической рвоты***

Должны включать все из следующих:

1. Два или более периода интенсивной упорной тошноты и пароксизмов рвоты, длящихся от часов до дней в течение 6 месяцев

2. Эпизоды стереотипны у каждого пациента

3. Эпизоды разделяются периодами от недель до месяцев с возвращением базового состояния здоровья между эпизодами рвоты

4. После надлежащей медицинской оценки симптомы не могут быть отнесены к другому состоянию

У детей с ранним началом симптомов следует исключить нейрометаболические заболевания путем соответствующего исследования, которое должно осуществляться во время эпизода рвоты до назначения инфузий для максимального обнаружения аномалий.

Хроническое употребление каннабиноидов может быть связано с повторными эпизодами сильной рвоты, тошноты и болей в животе – каннабиноидный гиперэметический синдром (КГЭС) и должно рассматриваться у больных подростков.

Лечение. Детям в возрасте до 5 лет рекомендуется ципрогептадин, старше 5 лет – амитриптилин. Терапия второй линии включает профилактику с применением пропранолола для детей всех возрастов. У некоторых пациентов с СЦР могут потребоваться комбинации ЛС или дополнительные процедуры, такие как акупунктура и/или когнитивно-бихевиоральная терапия (КБТ). В качестве дополнительной терапии используют митохондриальный кофактор коэнзим Q10 и L-карнитин. Лечение, обрывающее СЦР, включает комбинацию гидратации и ЛС.

При синдроме каннабиноидной рвоты временное облегчение симптомов часто обеспечивает настойчивая длительная горячая ванна или душ (часто длительностью в несколько часов).

H1b. Функциональная тошнота и функциональная рвота

Эпидемиология. В литературе отсутствуют данные по распространенности изолированной тошноты, изолированной рвоты, а также сочетания этих симптомов у детей.

H1b. Диагностические критерии[1] функциональной тошноты и функциональной рвоты

H1b1. Функциональная тошнота

Должны включать все следующие критерии в течение последних 2 месяцев:

1. Беспокоящая тошнота как преобладающий симптом, возникающий по крайней мере дважды в неделю и, как правило, не связанный с приемами пищи

2. Не постоянно ассоциируется с рвотой

3. После надлежащей оценки тошнота не может быть полностью объяснена другими медицинскими состояниями

H1b2. Функциональная рвота

Должна включать все из следующих:

1. В среднем 1 или более эпизод рвоты в неделю

2. Отсутствие самоиндуцированной рвоты или критериев расстройства пищевого поведения или руминации

3. После надлежащей оценки рвота не может быть полностью объяснена другими медицинскими состояниями

Если есть абдоминальная боль и рвота, для первичной диагностики должен рассматриваться преобладающий или более последовательный симптом. Если преобладающая особенность – боль в животе, должна рассматриваться абдоминальная мигрень.

Обоснование для изменения диагностических критериев. На основании клинического опыта, главным образом у детей с тревогой или депрессией, функциональная тошнота и функциональная рвота теперь включены в Рим-IV. У некоторых пациентов наблюдается изолированная тошнота, у некоторых изолированная рвота, а у некоторых и тошнота, и рвота. Мы считаем, что отсутствие сопутствующей боли при данных расстройствах предполагает, что они не должны быть включены в ФД.

[1]Соответствие критериям должно соблюдаться в течение не менее 2 последних месяцев перед диагностикой.

Патофизиологические соображения. Некоторые пациенты с данными расстройствами испытывают также вегетативные симптомы, такие как потливость, головокружение, бледность, тахикардия. Синдром постуральной ортостатической тахикардии может включать тошноту и рвоту как часть его симптомокомплекса, и его следует отличать от функциональной тошноты и функциональной рвоты. Некоторые дети испытывают тошноту только рано утром, а когда они «спят подольше», т. е. дольше времени, когда они обычно испытывают тошноту, тошнота не возникает.

Клиническая оценка. Мы установили функциональную тошноту и функциональную рвоту как отдельные события, но пациенты с хронической тошнотой обычно жалуются на умеренную рвоту с различной частотой. Наличие сильной рвоты в дополнение к тошноте представляет собой иную ситуацию, при которой должны быть исключены заболевания центральной нервной системы (ЦНС), желудочно-кишечные анатомические аномалии (например, мальротация), гастропарез и псевдообструкция кишечника. Биохимический анализ крови может включать исследование электролитов сыворотки, кальция, кортизола и уровня гормонов щитовидной железы. При наличии рецидивирующей рвоты должны быть рассмотрены и исключены кишечная непроходимость и нарушения моторики (например, гастропарез, псевдообструкция кишечника). Взаимосвязь между функциональной тошнотой или рвотой и замедленным опорожнением желудка у детей четко не установлена. Мы не считаем наличие нормы при эндоскопии верхних отделов желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) обязательным для диагностики функциональной тошноты без рвоты. Для детей с функциональной тошнотой или функциональной рвотой важна психологическая оценка.

Лечение. В публикациях отсутствуют данные о лечении изолированной функциональной тошноты и изолированной функциональной рвоты (с тошнотой или без нее) у детей. Вмешательство в психическое здоровье должно быть предложено в первую очередь пациентам с явными психологическими коморбидными проблемами. КБТ и гипнотерапия использовались у пациентов с тяжелой тошнотой, вызванной химиотерапией, и могут быть полезны при данных состояниях с таким же успехом. У детей с функциональной диспепсией с тошнотой применялся ципрогептадин. Желудочная электрическая стимуляция использовалась в лечении устойчивой диспепсии (включая тошноту) у детей и может быть эффективна даже при отсутствии гастропареза.

H1c. Руминационный синдром

Эпидемиология. Распространенность у детей и подростков неизвестна.

Клиническая оценка. Распространенность руминационного синдрома у детей и подростков неизвестна.

H1c. Диагностические критерии[2] руминационного синдрома

Должны включать все их следующих:

1. Повторная регургитация и пережевывание или изгнание пищи, которые: a) начинаются в ближайшее время после приема еды; b) не происходит во время сна

2. Не предшествует рвота

3. После надлежащей оценки симптомы не могут быть полностью объяснены другим медицинским состоянием. Расстройство пищевого поведения должно быть исключено

Диагностическими признаками руминационного синдрома являются без усилий повторяющиеся регургитация, пережевывание и/или сплевывание в течение нескольких минут после начала приема пищи. Другие общие жалобы включают боль в животе, вздутие живота, тошноту, изжогу, головные боли, головокружение, бессонницу. Дифференциальная диагностика включает гастроэзофагеальную рефлюксную болезнь (ГЭРБ), гастропарез, ахалазию кардии, нервную булимию и другие функциональные или анатомические заболевания желудка и тонкой кишки, но ни при одном из этих состояний регургитация не возникает сразу после еды.

Патофизиологическая и психологическая картина. Акт руминации обусловлен повышением интрагастрального давления вследствие сокращения абдоминальной мускулатуры и ассоциируется с открытием нижнего пищеводного сфинктера, что приводит к возврату желудочного содержимого в пищевод.

У пациента часто имеется триггерное инициирующее событие перед появлением симптомов руминации: интеркуррентный инфекционный процесс с рвотой и тошнотой, которые не исчезли после разрешения инфекции, психосоциальное травмирующее событие. Психические расстройства могут включать депрессию, тревожные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство, расстройства адаптации, отставание в развитии, синдром гиперактивности, дефицита внимания.

Лечение. Решающее значение в достижении успеха в лечении имеют понимание синдрома руминации и мотивация к его преодолению. Подчеркивается важность междисциплинарного подхода, предусматривающего детскую психологию, детскую гастроэнтерологию, клиническое питание, жизнь ребенка, лечебно-оздоровительный и лечебный массаж.

H1d. Аэрофагия

Эпидемиология. В Рим-IV представлены данные о частоте аэрофагии от 4,2 до 7,5 %.

Клиническая оценка. ***H1d. Диагностические критерии[3] аэрофагии***

Должны включать все из следующих:

1. Эксцессивное проглатывание воздуха

[2]Соответствие критериям должно соблюдаться не менее 2 месяцев перед диагностикой.

[3]Соответствие критериям должно соблюдаться не менее 2 месяцев перед диагностикой.

2. Растяжение живота из-за внутрипросветного воздуха с увеличением в течение дня

3. Повторная отрыжка и/или повышенное газообразование

4. После надлежащей оценки симптомы не могут быть полностью объяснены другим медицинским состоянием

Аэрофагию можно спутать с гастропарезом или другими расстройствами моторики, такими как хроническая кишечная псевдоабструкция, а также вздутием при синдроме избыточного бактериального роста, мальабсорбции (особенно целиакии и дисахаридазной недостаточности). Дети более старшего возраста могут проглатывать большое количество воздуха при жевании жевательной резинки или очень быстром питье.

Патофизиология. Эксцессивное проглатывание воздуха приводит к наполнению просвета ЖКТ, что становится причиной чрезмерной отрыжки, метеоризма, болей, вздутия, предположительно вследствие растяжения просвета ЖКТ. У части детей нет отрыжки, и у этих пациентов симптомы вздутия и болей могут быть более серьезными. Среди детей с аэрофагия больше подверженных стрессовым событиям, а тревога может быть причиной для излишнего воздуха глотания.

Лечение. Основные рекомендации – объяснение пациенту и родителям причину симптомов, КБТ, психотерапию, применение бензодиазепинов.

H2. Функциональные абдоминальные болевые расстройства
H2a. Функциональная диспепсия

Эпидемиология. В Рим-IV представлены данные о частоте функциональной диспепсии (ФД) в США: согласно отчетам матерей, 1,4 % детей имеют боли или дискомфорт в верхней части живота по крайней мере 1 раз в неделю (только 0,2 % соответствуют педиатрическим критериям Римского III консенсуса для ФД); 5–10 % подростков сообщили о диспептических симптомах.

Клиническая оценка. ***H2a. Диагностические критерии[4] функциональной диспепсии***

Должны включать 1 или более из следующих беспокоящих симптомов по крайней мере 4 дня в месяц:

1. Постпрандиальная полнота

2. Раннее насыщение

3. Эпигастральная боль или жжение, не ассоциированные с дефекацией

4. После надлежащей оценки симптомы не могут быть полностью объяснены другими медицинскими состояниями

В ФД теперь выделяются следующие субтипы:

1. Постпрандиальный дистресс-синдром включает беспокоящую постпрандиальную полноту или раннее насыщение, препятствующие завершению обычного приема пищи. Поддерживают картину вздутие в верхней части живота, постпрандиальная тошнота или чрезмерная отрыжка

2. Эпигастральный болевой синдром, включающий все из следующих: беспокоящая (достаточно тяжелая, чтобы мешать нормальной деятельности) локализованная боль или жжение в эпигастральной области. Боль не генерализована или локализована в других областях живота или грудной клетки, не облегчается после дефекации или отхождения газов.

Поддерживающие критерии могут включать (a) боль жгучего характера, но без ретростернального компонента и (b) боль, обычно индуцируемая или облегчающаяся приемом пищи, но может проявиться во время голода.

Роль эзофагогастродуоденоскопии (ЭГДС) при ФД у детей не определена. В Рим-IV приводятся мнения разных авторов. Так, группой экспертов (G. Guariso и соавт., 2010) предложено выполнять ЭГДС у детей с диспепсией в следующих ситуациях: семейный анамнез язвенной болезни или инфекции *H. pylori*, возраст старше 10 лет, сохранение симптомов > 6 месяцев, симптомы являются достаточно серьезными для того, чтобы повлиять на деятельность в повседневной жизни, включая сон.

Детский комитет Рим-IV не считает, что существуют убедительные доказательства, требующие выполнения ЭГДС при ФД для ее диагностики, но признает, что на решение могут повлиять стандарты местной практики и социальные соображения.

Эксперты детского комитета Рим-IV приводят потенциальные *симптомы тревоги у детей с хронической абдоминальной болью* (относятся ко всем функциональным абдоминальным болевым расстройствам – ФАБР), которые должны приниматься во внимание при назначении ЭГДС (клиническое решение должно осуществляться в контексте анамнеза и осмотра ребенка): семейный анамнез воспалительных заболеваний кишечника (ВЗК), целиакии или пептической язвы; персистирующие боли в правом верхнем или правом нижнем квадрантах живота; дисфагия, одинофагия; персистирующая рвота; гастроинтестинальные потери крови; ночная диарея; артрит; перириктальные заболевания; непреднамеренная потеря массы тела; замедление роста, задержка полового развития; необъяснимая лихорадка.

Патофизиологические характеристики. ФД является гетерогенным расстройством, вероятно, связанным с различными базовыми патофизиологическими нарушениями, ассоциирующимися с конкретными симптомами. Гипотезы включают нарушения моторики желудка, висцеральную гиперчувствительность вследствие центральной или периферической сенсибилизации, воспаление низкой степени и генетическую предрасположенность. Было показано нарушение желудочной аккомодации в виде снижения способности желудка к расслаблению в ответ на пищу, снижение порога чувствительности к растяжению.

Показано, что ФД развивается у 24 % детей после острого бактериального, но не вирусного гастроэнтерита. У детей не существует никаких доказательств, что *H. pylori* ассоциированный гастрит является причиной диспептического синдрома при отсутствии язвы двенадцатиперстной кишки.

[4]Соответствие критериям должно соблюдаться не менее 2 месяцев перед диагностикой.

Имеются некоторые доказательства роли атопии и коровьего молока.

Лечение. Не существует адекватного объема двойных слепых плацебо-контролируемых исследований лечения ФД у детей.

Рекомендуется избегать продуктов, усугубляющих симптомы (например, кофеинсодержащие, пряные, жирные) и нестероидных противовоспалительных средств (НПВС). Должны разрешаться психологические факторы, которые могут способствовать серьезности проблемы. Для варианта с преобладающими болями могут быть предложены антагонисты H_2-гистаминорецепторов, ингибиторы протонной помпы (ИПП). В исследовании ФД омепразол имел полный эффект через 4 недели и превосходил ранитидин, фамотидин и циметидин. Хотя убедительные данные отсутствуют, низкие дозы трициклических антидепрессантов (ТЦА) – амитриптилина и имипрамина – часто рассматриваются в трудных случаях. Пациентов с тошнотой, вздутием живота и ранним насыщением лечить более трудно, там, где они имеются, могут быть предложены и прокинетики, такие как цизаприд и домперидон. Ретроспективное открытое исследование показало, что ципрогептадин является безопасным и эффективным для лечения диспептического синдрома у детей. Электрическая стимуляция желудка кажется многообещающим вариантом для педиатрических пациентов с ФД, резистентной к лечению.

H2b. Синдром раздраженного кишечника

Эпидемиология. В Рим-IV представлены данные о частоте синдрома раздраженного кишечника (СРК) у детей в разных странах, которые находятся в диапазоне 1,2–5,4 % .

Клиническая оценка. ***H2b. Диагностические критерии[5] синдрома раздраженного кишечника***

Должны включать все из следующих:

1. Абдоминальная боль по крайней мере 4 дня в месяц, ассоциированная с одним или более из следующих: a) связана с дефекацией; b) изменение частоты стула; c) изменение формы (внешнего вида) стула

2. У детей с запором боль не разрешается с разрешением запора (дети, у которых боль разрешается, имеют функциональный запор, а не синдром раздраженного кишечника)

3. После надлежащей оценки симптомы не могут быть полностью объяснены другим медицинским состоянием

По предложению детского комитета Рим-V педиатрический СРК аналогично СРК взрослых можно подразделять на подтипы, отражающие преобладающий вид стула (СРК с преимущественным запором – СРК-З, СРК с преимущественной диареей – СРК-Д, СРК смешанного вида – СРК-М, СРК неклассифицированный – СРК-Н).

Тщательная оценка анамнеза и медицинский осмотр может помочь отличить СРК от функционального запора (ФЗ). В случае СРК-Д особое внимание уделяется исключению инфекции, целиакии, мальабсорбции углеводов и реже – ВЗК.

Оценка симптомов тревоги – симптомы аналогичны таковым при ФД.

Определение фекального кальпротектина все чаще используется как неинвазивный скрининговый тест для выявления воспаления слизистой оболочки кишечника и, по-видимому, превосходит стандартные тесты, такие как С-реактивный белок (СРБ).

Патофизиология. СРК считается расстройством оси головной мозг – ЖКТ. Некоторые дети с СРК имеют ректальную гипералгезию. Стресс, тревога, депрессия и эмоциональные проблемы могут рассматриваться у детей с СРК. Висцеральная гиперчувствительность может быть связана с психологическими расстройствами (тревога, депрессия, импульсивность, гнев).

Было продемонстрировано увеличение в слизистой провоспалительных цитокинов, что может быть следствием острого инфекционного гастроэнтерита (постинфекционный СРК). Были выявлены изменения в кишечной микробиоте, хотя не ясно, являются эти изменения причиной или результатом СРК и его симптомов.

Пережитые неблагоприятные события (например, хирургические вмешательства) связаны с более высоким риском развития у детей функциональных желудочно-кишечных расстройств (ФЖКР), в том числе СРК.

Общие рекомендации и лечение. Существует очень мало двойных слепых рандомизированных клинических исследований (РКИ) лечения педиатрических пациентов с СРК. Большинство РКИ у детей объединяют все виды ФАБР. Имеются данные, поддерживающие пользу пробиотиков. Одно небольшое проспективное двойное слепое исследование у детей сообщает об эффективности масла мяты в снижении тяжести боли. Двойное слепое перекрестное исследование у детей с СРК (все подтипы) показало эффективность диеты low-FODMAP.

Рекомендована КБТ.

H2c. Абдоминальная мигрень

Эпидемиология. В Рим-IV приводится частота абдоминальной мигрени от 1 до 23 % в зависимости от критериев.

Клиническая оценка. ***H2c. Диагностические критерии[6] абдоминальной мигрени***

Должны включать все из следующих, которые происходят по крайней мере дважды:

1. Пароксизмальные эпизоды интенсивной острой периумбиликальной по средней линии или диффузной абдоминальной боли, которая длится 1 час и более (должен быть наиболее серьезный и тревожный симптом)

2. Эпизоды разделены периодами от недель до месяцев

[5]Соответствие критериям должно соблюдаться не менее 2 последних месяцев перед диагностикой.

[6]Соответствие критериям должно соблюдаться не менее 6 месяцев перед диагностикой.

3. Боль выводит из строя и мешает нормальной деятельности

4. Стереотипная картина и симптомы у индивидуальных пациентов

5. Боль ассоциируется с 2 или более из следующих: a) анорексия; b) тошнота; c) рвота; d) головная боль; e) светобоязнь; f) бледность

6. После надлежащей оценки симптомы не могут быть полностью объяснены другим медицинским состоянием

Ассоциация неспецифических продромальных симптомов, таких как изменение поведения или настроения (14 %), светобоязнь и вазомоторные реакции, похожие на те, которые испытывают дети с мигренью, и история облегчения симптомов назначением амитриптилина, подтверждают диагноз. Может потребоваться исключение заболеваний, связанных с тяжелыми эпизодическими болями в животе: преходящих урологических обструктивных процессов, обструкции пищеварительного тракта, рецидивирующего панкреатита, заболеваний желчевыводящих путей, семейной средиземноморской лихорадки, метаболических расстройств (например, порфирия), психических расстройств.

Патофизиологическая картина. Абдоминальная мигрень и СЦР как эпизодические, самоограничивающиеся и стереотипные с бессимптомными интервалами между атаками состояния имеют сходные патофизиологические механизмы. Дети с абдоминальной мигренью и классической мигренью сообщают о сходных триггерах (например, стресс, усталость или поездки), ассоциированных симптомах (например, анорексия, тошнота и рвота) и купирующих факторах (например, отдых и сон). В зрелом возрасте абдоминальная мигрень и СЦР могут трансформироваться в мигрень. Повышенная активность возбуждающих аминокислот была найдена у пациентов с классической мигренью, что, возможно, объясняет эффективность некоторых ЛС, повышающих уровень гамма-аминомасляной кислоты.

Лечение. План лечения определяется частотой, тяжестью и последствиями эпизодов абдоминальной мигрени для жизни ребенка и семьи. Приводятся данные РКИ орального приема пизотифена (ЛС с антисеротониновым и антигистаминным эффектами) у 14 детей с профилактическим эффектом. Успешной была профилактика с использованием амитриптилина, пропранолола, ципрогептадина.

H2d. Функциональная абдоминальная боль – без дальнейшего уточнения

Эпидемиология. Термин functional abdominal pain – not otherwise в Рим-IV заменил существующие в Рим-III функциональную абдоминальную боль или синдром функциональной абдоминальной боли. В среднем от 35 до 38 % детей начальной школы жалуются на боль в животе еженедельно. Лишь у одной трети из этих детей симптомы соответствуют Римским критериям для диагностики любого из расстройств функциональной абдоминальной боли. Распространенность функциональной абдоминальной боли – без дальнейшего уточнения (ФАБ – БДУ) составляет 2,7 % у колумбийских, 4,4 % – у шриланкийских детей школьного возраста в соответствии с Римскими критериями III. Исследования с использованием родительских отчетов выявили распространенность ФАБ – БДУ у 1,2 % школьников в США и у 2 % в Германии.

Диагностические критерии. *H2d. Диагностические критерии[7] функциональной абдоминальной боли – БДУ*

Должны быть выполнены по крайней мере 4 раза в месяц и включают все из следующих:

1. Эпизодическая или продолжительная боль в животе, которая не связана с исключительно с физиологическими событиями (например, прием пищи, менструация)

2. Критерии недостаточны для синдрома раздраженного кишечника, функциональной диспепсии или абдоминальной мигрени

3. После надлежащей оценки абдоминальная боль не может быть полностью объяснена другими причинами

Патофизиология. Исследования, разделяющие ФАБ – БДУ и СРК, предполагают, что дети с ФАБ – БДУ вообще не имеют ректальной гиперчувствительности, в отличие от детей с СРК. Сообщается, что дети с ФАБ – БДУ имеют сниженные антральные сокращения и более медленную скорость опорожнения жидкой пищи в сравнении со здоровыми, но клиническое значение этого вывода является неясным. Существует доказательство ассоциации между психологическим стрессом и хронической абдоминальной болью у детей и подростков. Хроническая абдоминальная боль связана со стрессовыми жизненными событиями, такими как развод родителей, госпитализации, издевательства и жестокое обращение в детстве. То, как ребенок и его/ее семья справляется с болью, влияет на исходы ФАБ.

Клиническая оценка. Дети с ФАБ – БДУ часто сообщают о неспецифических и внекишечных соматических симптомах, которые не обязательно требуют лабораторного или рентгенологического исследования. Часто для успокоения родителей выполняется ограниченное диагностическое обследование. Особое внимание следует уделить наличию вегетативных симптомов, в частности у детей с синдромом постуральной ортостатической тахикардии. Симптомы тревоги, предполагающие дополнительное диагностическое тестирование (см. раздел H2a. Функциональная диспепсия).

Лечение. В большинстве исследований лечения все виды ФАБР исследуются вместе, что ограничивает оценку. Хотя исследования у взрослых показали эффективность спазмолитиков, мебеверин у детей не был значимо лучше, чем плацебо. В небольшом исследовании обнаружено преимущество амитриптилина, отсутствующее в большом многоцентровом исследовании. Недавнее крупное исследование циталопрама обнаружило тенденцию к эффективности последнего в сравнении с плацебо

[7]Соответствие критериям должно соблюдаться не менее 2 месяцев перед диагностикой.

в лечении детей с функциональной абдоминальной болью. Врачи, пациенты и родители должны быть осведомлены о «предупреждении в черной рамке», вынесенном экспертным советом FDA США, из-за повышенного риска суицидальных наклонностей у подростков. Гипноз и КБТ обеспечивали краткосрочные и долгосрочные преимущества у этих пациентов.

H3. Функциональные расстройства дефекации
H3a. Функциональный запор

Эпидемиология. Распространенность функционального запора (ФЗ) у детей в среднем 12–14 %.

Клиническая оценка. ***H3a. Диагностические критерии функционального запора***

Должны включать 2 или более из следующих, происходящих по крайней мере 1 раз в неделю как минимум 1 месяц с недостаточными критериями для диагностики синдрома раздраженного кишечника:

1. Две или менее дефекации в неделю в туалете у ребенка в возрасте 4 лет и старше

2. По крайней мере 1 эпизод в неделю недержания кала

3. В анамнезе удерживающее позерство или чрезмерное волевое удержания стула

4. В анамнезе болезненный или твердый стул

5. Наличие большого количества фекальных масс в прямой кишке

6. В анамнезе стул большого диаметра, который может препятствовать дефекации

После надлежащей оценки симптомы не могут быть полностью объяснены другим медицинским состоянием

Авторы Рим-IV поддерживают консенсус по оценке и лечению детей с ФЗ the European and the North American Societies for Pediatric Gastroenterology, Hepatology and Nutrition и приводят некоторые из рекомендаций и руководящих принципов данного консенсуса:

1. Римские критерии рекомендуются для определения ФЗ для всех возрастных групп

2. Диагноз ФЗ основан на анамнезе и физическом обследовании

3. Признаки и симптомы тревоги и диагностические ключи должны использоваться для определения основного заболевания, ответственного за запор

4. Если присутствует только один критерий Рим, диагноз ФЗ не является определенным. Пальцевое исследование аноректальной области рекомендуется для подтверждения диагноза и исключения основных медицинские обстоятельств

5. Не играет никакой роли рутинное абдоминальное рентгеновское исследование

6. Обычная абдоминальная рентгенограмма может использоваться у ребенка, если подозревается фекальное переполнение, но другие исследования не надежны/не возможны

7. Рутинное тестирование на аллергию к коровьему молоку у детей с запором в отсутствие симптомов тревоги не рекомендуется.

8. Лабораторное тестирование для скрининга гипотиреоза, целиакии и гиперкальциемии у детей с запором в отсутствие симптомов тревоги не рекомендуется

9. Ректальная биопсия – «золотой стандарт» диагностики болезни Hirschsprung's

10. Ирригоскопия не должна использоваться в качестве начального диагностического инструмента для установления ФЗ

Потенциальные симптомы тревоги при запоре: пассаж мекония > 48 часов у новорожденных; запор, начавшийся в первый месяц жизни; семейный анамнез болезни Hirschsprung's; лентовидный стул; кровь в стуле в отсутствие анальных трещин; замедление физического развития; рвота желчью; выраженное вздутие живота; изменения щитовидной железы; неправильная позиция ануса; отсутствие анального или мошоночного рефлекса; снижение тонуса/рефлексов нижних конечностей; сакральная ямка; клок волос на позвоночнике; отклонение ягодичной щели; анальные рубцы

Патофизиология. Основным разрешающим фактором ФЗ является инстинктивная задержка дефекации из-за болей или социальных обоснований (например, школа, поездки). Слизистая толстой кишки абсорбирует воду из кишечного содержимого, что приводит к уплотнению стула, который все труднее эвакуировать. Этот процесс ведет к задержке стула в прямой кишке, которая все больше растягивается, переполняется и из-за переполнения развивается недержание кала, потеря ректальной чувствительности и нормальной ургентной дефекации. Накопление кала в прямой кишке ведет к снижению моторики прямой кишки и вышележащих отделов, анорексии, растяжению живота и болям.

Лечение. Обучение так же важно, как медицинское лечение, и должно включать консультирование семей с целью признать удерживающее поведение, использование поведенческих вмешательств (регулярное опорожнение кишечника, ведение дневника опорожнения кишечника, система вознаграждения за успешную эвакуацию кала).

Рекомендуется повышенное потребление пищевых волокон и жидкости, в то время как применение пребиотиков и пробиотиков в настоящее время не поддержано надлежащими доказательствами.

Фармакологический подход состоит из двух этапов: ректальные или оральные меры освобождения кишечника для детей с фекальным переполнением и поддерживающая терапия для предотвращения реаккумуляции кала с использованием различных агентов. Полиэтиленгликоль является первой линией терапии запора у детей. Три последних Кокрановских обзора показали, что полиэтиленгликоль превосходит лактулозу, хотя качество доказательств было недостаточным из-за разреженных данных, неоднородности и высокого риска систематической ошибки в исследованиях.

Приводятся данные центра медицинской помощи третьего уровня, что лишь у 50 % детей за 6–12 месяцев симптомы запора были устранены и успешно отменены слабительные.

H3b. Неретенционное недержание кала

Эпидемиология. Распространенность неретенционного недержания кала (НРНК) у детей в западных странах 0,8–4,1 %.

Клиническая оценка. ***H3b. Диагностические критерии неретенционного недержания кала***

По крайней мере 1-месячный анамнез следующих симптомов у ребенка с возрастом развития старше 4 лет:

1. Дефекация в неприемлемых в социальном контексте местах

2. Нет доказательств задержки кала

3. После надлежащей оценки недержание кала не может быть полностью объяснено другим медицинским состоянием

В отличие от ФЗ дети с НРНК имеют полную эвакуацию кишечного содержимого, а не просто загрязнение белья. Следует уточнить наличие анамнеза запора, характер стула (размер и консистенция, удержание, напряжение), возраст начала, тип и количество эвакуирующегося кала, питание, ЛС, сопутствующие мочевые симптомы, психосоциальные факторы, наличие семейного или личного стресса.

Физическое обследование следует сосредоточить на параметрах роста пациента, его живота (вздутие, пальпируемые каловые массы), ректальном исследовании (сакральная ямка, положение ануса, тонус сфинктера, ректальная вместимость, наличие или отсутствие стула в прямой кишке) и тщательном неврологическом обследовании.

Патофизиология. У пациентов с НРНК отмечаются нормальная частота дефекаций и параметры толстокишечной и аноректальной моторики, что отличает это состояние от ФЗ. Диагноз НРНК должен основываться на клинических симптомах, таких как частота нормальной дефекации и отсутствие пальпируемой абдоминальной или ректальной массы кала в комбинации с нормальными результатами исследования транзита с помощью маркеров. Расстройство может быть проявлением психологических проблем у ребенка школьного возраста и представляет импульсивное действие, вызванное бессознательным гневом; описано НРНК в результате сексуального насилия в детстве.

Лечение. Родители должны понимать, что значительный вклад в симптомы дефекации вносят психологические помехи, трудности обучения и поведенческие проблемы. Жертвы сексуального насилия должны быть выявлены и направлены на соответствующие консультации. Наиболее успешным подходом к лечению НРНК является КБТ. Регулярное обучение туалету, награды и уменьшение страха туалета способствуют снижению проблемы, восстановлению нормальной функции кишечника, а также самоуважения. Исследования показали, что в отношении НРНК метод биологической обратной связи не предоставляет дополнительных преимуществ по сравнению с обычной терапией: после 2 лет интенсивной лекарственной и бихевиоральной терапии только 29 % детей были полностью свободны от НРНК. В возрасте 18 лет 15 % подростков с НРНК имели расстройства. Не идентифицированы прогностические факторы успеха лечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rasquin A., Di Lorenzo C., Forbes D. et al. Childhood functional gastrointestinal disorders: Child/Adolescent // Gastroenterology. 2006; 130: 1527–1537.

Подготовила Н.Н. Силивончик

ТУБЕРКУЛЕЗ

Информационный бюллетень ВОЗ (октябрь 2016 г.)

Основные факты. Туберкулез (ТБ) – одна из 10 ведущих причин смерти в мире. В 2015 г. туберкулезом заболели 10,4 млн человек и 1,8 млн (в том числе 0,4 млн с ВИЧ) умерли от этой болезни.

Более 95 % случаев смерти от туберкулеза наблюдается в странах с низким и средним уровнем дохода. 60 % общего числа случаев приходится на шесть стран, среди которых первое место занимает Индия, за ней следуют Индонезия, Китай, Нигерия, Пакистан и Южная Африка.

По оценкам, в 2015 г. 1 млн детей заболели туберкулезом и 170 тыс. умерли от него (не считая детей с ВИЧ).

Туберкулез – одна из ведущих причин смерти людей с ВИЧ: в 2015 г. ТБ было вызвано 35 % случаев смерти среди ВИЧ-инфицированных пациентов.

По оценкам, в 2015 г. у 480 тыс. человек в мире развился туберкулез с множественной лекарственной устойчивостью (МЛУ-ТБ).

С 2000 г. заболеваемость туберкулезом снижалась в среднем на 1,5 % в год. Для достижения контрольных показателей на 2020 г., предусмотренных Стратегией по ликвидации туберкулеза, эти темпы снижения необходимо ускорить до 4–5 % в год.

По статистике, за период с 2000 по 2015 г. благодаря диагностике и лечению туберкулеза было спасено 49 млн человеческих жизней.

Одна из задач здравоохранения в рамках недавно принятых целей в области устойчивого развития заключается в том, чтобы к 2030 г. покончить с эпидемией туберкулеза.

Возбудителем туберкулеза является бактерия (*Mycobacterium tuberculosis*), которая чаще всего поражает легкие. Туберкулез излечим и предотвратим. Он распространяется от человека человеку по воздуху. При кашле, чихании или отхаркивании люди с легочным туберкулезом выделяют в воздух бактерии. Для инфицирования человеку достаточно вдохнуть лишь незначительное количество таких бактерий.

Около одной трети населения мира имеют латентный туберкулез. Это означает, что люди инфицированы бактериями туберкулеза, но (пока еще) не заболели этой болезнью и не могут ее передавать.

Риск того, что люди, инфицированные туберкулезными бактериями, на протяжении своей жизни заболеют туберкулезом, составляет 10 %. Однако люди с ослабленной иммунной системой, например с ВИЧ, недостаточностью питания или диабетом, или люди, употребляющие табак, подвергаются гораздо более высокому риску заболевания.

Когда у человека развивается активная форма туберкулеза, симптомы (кашель, лихорадка, ночной пот, потеря веса и др.) могут быть умеренными в течение многих месяцев. Это может приводить к запоздалому обращению за медицинской помощью и передаче бактерий другим. За год человек, больной туберкулезом, может инфицировать до 10–15 других людей, с которыми имеет тесные контакты. Без надлежащего лечения в среднем 45 % ВИЧ-негативных пациентов с туберкулезом и почти все ВИЧ-позитивные лица с туберкулезом умирают.

Кто подвергается наибольшему риску? Туберкулез поражает преимущественно взрослых в их самые продуктивные годы. Однако риску подвергаются все возрастные группы. Более 95 % случаев заболевания и смерти происходит в развивающихся странах.

У людей, инфицированных ВИЧ, вероятность развития активной формы туберкулеза возрастает в 20–30 раз. Более высокому риску развития активного туберкулеза подвергаются также лица, страдающие от других нарушений здоровья, ослабляющих иммунную систему.

В 2015 г. 1 млн детей (0–14 лет) заболели туберкулезом и 170 тыс. детей (не считая детей с ВИЧ) умерли от него.

Употребление табака значительно повышает риск заболевания туберкулезом и смерти от него. Более 20 % случаев заболевания ТБ в мире связаны с курением.

Глобальное распространение туберкулеза. Туберкулез присутствует везде в мире. В 2015 г. наибольшее число новых случаев заболевания наблюдалось в Азии – 61 %, далее следует Африка – 26 %.

В 2015 г. 87 % новых случаев болезни отмечалось в 30 странах с тяжелым бременем туберкулеза. На долю шести стран – Индии, Индонезии Китая, Нигерии, Пакистана и Южной Африки – пришлось 60 % новых случаев заболевания. Улучшение глобальной ситуации зависит от продвижения вперед в деле профилактики и лечения ТБ в этих странах.

Симптомы и диагностирование. Общими симптомами активного легочного туберкулеза являются кашель, иногда с мокротой и кровью, боль в груди, слабость, потеря веса, лихорадка, ночной пот. Для диагностирования ТБ многие страны до сих пор полагаются на давно используемый метод, называемый микроскопией мазка мокроты. Специально подготовленные лаборанты исследуют мазки мокроты под микроскопом в целях обнаружения туберкулезных бактерий. Микроскопия позволяет выявить лишь половину случаев туберкулеза и определяет устойчивость к лекарственным препаратам.

Использование экспресс-теста Xpert MTB/RIF® широко распространено с 2010 г., когда ВОЗ впервые рекомендовала его применение. При помощи теста одновременно выявляются туберкулез и устойчивость к рифампицину – наиболее важному противотуберкулезному препарату. Диагноз может быть поставлен в течение двух часов, и в настоящее время этот тест рекомендуется ВОЗ в каче-

стве первоначального диагностического теста для всех людей с признаками и симптомами ТБ. Тест уже используется более чем в 100 странах, и в 2015 г. в мире было закуплено 6,2 млн картриджей для его проведения.

Диагностирование туберкулеза с МЛУ-ТБ и туберкулеза с широкой лекарственной устойчивостью (ШЛУ-ТБ), а также ВИЧ-ассоциированного туберкулеза может быть сложным и дорогостоящим. В 2016 г. ВОЗ было рекомендовано четыре новых диагностических теста – молекулярный экспресс-тест для выявления туберкулеза в периферийных медицинских учреждениях, где нет возможности для проведения теста Xpert MTB/RIF®, и три теста для обнаружения устойчивости к противотуберкулезным средствам первой и второй линии. Особенно сложно диагностировать туберкулез у детей, и единственным широко доступным тестом, помогающим определить у них болезнь, пока является Xpert MTB/RIF®.

Лечение. Туберкулез можно лечить и излечивать. В случае активной, чувствительной к лекарствам формы болезни проводится стандартный шестимесячный курс лечения четырьмя противомикробными препаратами при обеспечении пациента информацией, наблюдением и поддержкой со стороны работника здравоохранения или прошедшего специальную подготовку добровольного помощника. Без такого наблюдения и поддержки вероятны сложности в соблюдении медицинских предписаний в отношении лечения, и болезнь может распространяться дальше. Подавляющее большинство случаев туберкулеза можно излечивать при условии надлежащего обеспечения и приема лекарств.

По оценкам, 49 млн человеческих жизней было спасено с 2000 по 2015 г. благодаря диагностике и лечению ТБ.

Туберкулез и ВИЧ. В 2015 г. по меньшей мере одна треть людей с ВИЧ в мире были инфицированы туберкулезной бактерией. Вероятность того, что у пациентов с ВИЧ разовьется активная форма туберкулеза, в 20–30 раз превышает аналогичный показатель среди лиц, не инфицированных ВИЧ.

ВИЧ и туберкулез представляют собой смертельное сочетание и ускоряют развитие друг друга. В 2015 г. от ВИЧ-ассоциированного туберкулеза умерли около 0,4 млн человек. В 2015 г. примерно 35 % случаев смерти среди людей с ВИЧ было вызвано туберкулезом. По оценкам, в 2015 г. наблюдалось 1,2 млн новых случаев заболевания туберкулезом среди ВИЧ-позитивных людей, 71 % которых имели место в Африке.

Как отмечается ниже, для снижения смертности ВОЗ рекомендует применять 12-компонентный подход к обеспечению комплексных услуг в отношении двойной инфекции ТБ – ВИЧ, включая действия по профилактике и лечению инфекции и болезни.

Туберкулез с множественной лекарственной устойчивостью. Противотуберкулезные средства используются на протяжении целого ряда десятилетий. В каждой стране, где проводятся исследования, зарегистрированы штаммы, устойчивые к одному или нескольким препаратам. Лекарственная устойчивость возникает при ненадлежащем применении противотуберкулезных препаратов, их неправильном назначении поставщиками медико-санитарной помощи, плохом качестве лекарств или преждевременном прекращении лечения пациентами.

Туберкулез с множественной лекарственной устойчивостью – форма туберкулеза, вызываемая бактерией, не реагирующей по меньшей мере на изониазид и рифампицин, два самых мощных противотуберкулезных препарата первой линии. МЛУ-ТБ можно лечить и излечивать, используя препараты второй линии. Однако такие варианты лечения ограничены и требуют проведения экстенсивной химиотерапии (лечения длительностью до двух лет) препаратами, которые отличаются высокой стоимостью и токсичностью.

В некоторых случаях может развиваться более серьезная лекарственная устойчивость. Туберкулез с широкой лекарственной устойчивостью является более тяжелой формой МЛУ-ТБ, вызываемой бактериями, не реагирующими на самые эффективные противотуберкулезные препараты второй линии, при которой у пациентов нередко не остается никаких дальнейших вариантов лечения.

В 2015 г. примерно у 480 тыс. человек в мире развился МЛУ-ТБ. Кроме того, примерно 100 тыс. приобрели устойчивость к рифампицину (самому эффективному препарату первой линии) и нуждались в лечении МЛУ-ТБ. Наибольшим бременем проблема МЛУ-ТБ ложится на три страны – Китай, Индию и Российскую Федерацию, на долю которых в совокупности приходится почти половина всех случаев в мире. В 2015 г. примерно у 9,5 % пациентов с МЛУ-ТБ был ШЛУ-ТБ.

В настоящее время во всем мире успех лечения МЛУ-ТБ достигается у 52 % пациентов, а ШЛУ-ТБ – у 28 %. В 2016 г. ВОЗ одобрила использование короткой стандартизированной схемы лечения для пациентов с МЛУ-ТБ, которые не инфицированы штаммами, устойчивыми к противотуберкулезным препаратам второй линии. Лечение проводится в течение 9–12 месяцев и стоит гораздо меньше традиционного курса, который может продолжаться до двух лет. Однако пациенты со ШЛУ-ТБ или устойчивостью к противотуберкулезным препаратам второй линии не могут использовать данную схему и нуждаются в более длительных курсах лечения, которые могут дополнительно включать прием одного из новых препаратов – бедаквилина и деламанида.

В 2016 г. ВОЗ также одобрила диагностический экспресс-тест для оперативного выявления таких пациентов. Более 20 стран в Африке и Азии приступили к использованию ускоренных схем лечения МЛУ-ТБ. К концу 2015 г. в целях повышения эффективности курсов лечения МЛУ-ТБ 70 стран начали применять бедаквилин и 39 стран – деламанид.

Деятельность ВОЗ. В борьбе с туберкулезом ВОЗ выполняет шесть основных функций:

1) обеспечение глобального лидерства по вопросам критической важности в области ТБ;

2) разработка основанных на фактических данных мер политики, стратегий и стандартов для профилактики, лечения ТБ и борьбы с ним, мониторинг их осуществления;

3) оказание технической поддержки государствам-членам, ускорение изменений и создание устойчивого потенциала;

4) мониторинг глобальной ситуации в области ТБ, измерение прогресса в лечении, борьбе с ним и финансировании;

5) формирование программы научных исследований в области ТБ и содействие получению, интерпретации и распространению ценных данных;

6) содействие формированию партнерств в области ТБ и участие в них.

Стратегия ВОЗ по ликвидации туберкулеза, принятая Всемирной ассамблеей здравоохранения в мае 2014 г., представляет собой концепцию, позволяющую странам положить конец эпидемии туберкулеза, снижая заболеваемость ТБ и смертность от него, а также значительно сокращая катастрофические расходы. Она включает целевые показатели глобального масштаба по сокращению смертности от туберкулеза на 90 % и уменьшению числа новых случаев заболевания на 80 % за период 2015–2030 гг., а также по обеспечению того, чтобы ни одна семья не несла разорительных расходов в связи с туберкулезом.

Одна из задач здравоохранения в рамках недавно принятых целей в области устойчивого развития заключается в том, чтобы к 2030 г. покончить с эпидемией туберкулеза. Не ограничиваясь этим, ВОЗ поставила задачу к 2035 г. добиться снижения смертности от туберкулеза на 95 % и заболеваемости им на 90 %, что соответствует положению в странах с низкой заболеваемостью ТБ сегодня. В Стратегии сформулированы три основных компонента, необходимых для эффективной борьбы с эпидемией:

1) комплексные лечение и профилактика, ориентированные на пациента;

2) энергичная политика и поддерживающие системы;

3) интенсификация исследований и инноваций.

Успех Стратегии будет зависеть от соблюдения странами при осуществлении мероприятий, входящих в каждый компонент, следующих четырех основных принципов:

1) стратегическое руководство и ответственность со стороны государства, проведение мониторинга и оценки;

2) тесное сотрудничество с организациями гражданского общества и местным населением;

3) защита и соблюдение прав человека, этических норм и принципов справедливости;

4) адаптация Стратегии и задач на страновом уровне при глобальном сотрудничестве.

РЕЦИДИВИРУЮЩИЙ ПОЛИХОНДРИТ: ЛЕЧИМ ТО, ЧТО ЗНАЕМ?

А.А. Королева[2], В.С. Одинец[2], Ю.Л. Журавков[1], Я.И. Евко[3]
[1]Белорусский государственный медицинский университет, Минск
[2]Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск
[3]Минская областная клиническая больница

Рецидивирующий полихондрит – системное воспалительное заболевание с многообразной клинической картиной, которая включает структурные и функциональные повреждения хряща, органов чувств, сердечно-сосудистой и нервной системы, почек. Проведен анализ имеющихся данных о патогенезе, клинических проявлениях и методах лечения заболевания. Описано собственное наблюдение рецидивирующего полихондрита.

Ключевые слова: рецидивирующий полихондрит, системное воспалительное заболевание, повреждение хряща.

Рецидивирующий полихондрит (РП) – это уникальное заболевание. С одной стороны, такие пациенты в клинической практике встречаются редко, с другой – это так называемый трамвайный диагноз: достаточно внимательно выслушать жалобы и посмотреть на пациента при первой встрече, чтобы заподозрить заболевание и прослыть «великим диагностом». Но, как показывает практика, необычная клиническая картина вынуждает таких пациентов подвергаться многообразным исследованиям, консультироваться у разных специалистов, что сопровождается попытками привести малопонятные симптомы в соответствие с каким-либо известным заболеванием. Как следствие, правильный диагноз ставится поздно, хотя в большинстве случаев достаточно просто знать о существовании данного заболевания и верно интерпретировать клинические признаки. Показательной в связи с этим представляется история пациента ревматологического отделения Минской областной клинической больницы (МОКБ).

Клинический случай. Мужчина, 65 лет, поступил в ревматологическое отделение МОКБ 19.09.2016 с жалобами на боли в лучезапястных, мелких суставах кистей, парестезии в пальцах рук, першение в горле, осиплость голоса, припухлость и боли в области ушных раковин, снижение слуха, повышение температуры тела к вечеру до 37,4 °С.

Анамнез. Считает себя больным с конца апреля 2016 г., когда появились припухлость и боли в области правой ушной раковины. Через 2 недели присоединились аналогичные симптомы слева. Это состояние сопровождалось повышением температуры тела до 38 °С и ускорением СОЭ до 32 мм/ч. С диагнозом «отек Квинке, рожистое воспаление ушных раковин» длительно лечился по месту жительства, в том числе 2 недели в стационаре районной больницы. В связи с рецидивирующим характером течения заболевания консультирован отоларингологом, дважды дерматологом (в том числе в областном кожно-венерологическом диспансере), диагноз установлен не был. Пациент по рекомендации одного из терапевтов даже обращался к методам нетрадиционной медицины, но безрезультатно. В анамнезе около 10 лет бронхиальная астма, получал беротек и беклометазон.

При осмотре: ушные раковины деформированы больше слева, мягкие, багровые с цианотичным оттенком, обвисшие **(рис. 1 на цв. вклейке)**. Мочки интактны. В легких хрипов нет, частота дыхания – 16/мин. Тоны сердца ритмичные, частота сердечных сокращений – 80 уд/мин, артериальное давление 220/120 мм рт. ст. Живот мягкий, безболезненный при пальпации. Печень не увеличена. Осмотр опорно-двигательного аппарата: незначительная припухлость и болезненность области обоих лучезапястных суставов, сила кистей снижена.

Результаты лабораторно-инструментального исследования. В общем анализе крови 14.09.2016 лейкоциты $13{,}2\times10^9$/л, другие показатели не изменены (СОЭ 3 мм/ч). Биохимические анализы крови – без патологии. Иммунограмма от 20.09.2016 – без патологии.

Рентгенограмма органов грудной клетки 22.09.2016: плевральные наложения в нижнем легочном поле слева, эмфизема, пневмосклероз, расширение тени сердца влево, кальциноз дуги аорты. Рентгенограмма придаточных пазух носа 22.09.2016: пневматизация придаточных пазух не нарушена.

Исследование функции внешнего дыхания от 22.09.2016: обструктивных и рестриктивных изменений нет. Проба с бронхолитиком отрицательная.

Эзофагогастродуоденоскопия 24.09.2016: без патологии.

Фибробронхоскопия 26.09.2016: хронический двусторонний эндобронхит 1–2 ст.

ЭКГ 12.09.2016: ритм синусовый, умеренные диффузные изменения верхушки и боковой стенки левого желудочка. УЗИ органов брюшной полости и забрюшинного пространства 20.09.2016: диффузные изменения печени и поджелудочной железы.

Консультация оториноларинголога: воспаление ушных раковин, воспаление хрящей носа, среднего уха.

Диагноз. Учитывая наличие активного воспаления ушных раковин, а также признаки воспаления хрящей носа, среднего уха, выставлен диагноз: полихондрит, хроническое течение, 1 ст. активно-

сти, затухающее обострение с поражением хрящей ушных раковин, хрящей глотки, суставов кистей, ФК 2. ***Сопутствующий диагноз:*** артериальная гипертензия III, риск 3.

Лечение. Метилпреднизолон 20 мг/сут, лозартан 100 мг/сут, амлодипин 10 мг вечером, индапамид 2,5 мг, в результате которого состояние пациента улучшилось, боль исчезла, воспалительные явления в ушных раковинах уменьшились, температура нормализовалась.

Особенности случая. Как видно из клинического примера, диагноз РП нашему пациенту, несмотря на неоднократные обращения к разным специалистам, был установлен только в областном лечебном учреждении, причем решающим фактором явилась осведомленность врача об этом заболевании.

Комментарии. Рецидивирующий полихондрит – редкое заболевание, предположительно аутоиммунной природы, характеризующееся распространенным воспалительным поражением хрящевых структур и других тканей, преимущественно ушей, носа, глаз, суставов и дыхательных путей. Около одной трети случаев РП ассоциировано с другими заболеваниями, как правило, с системными васкулитами, системными заболеваниями соединительной ткани или миелодиспластическим синдромом.

Впервые РП описан в 1923 г. Jaksh-Wartenhorst наблюдал за 32-летним пациентом, страдающим в течение 18 месяцев лихорадкой, асимметричным полиартритом, болью и распуханием ушных раковин и носа, стенозом наружного слухового прохода и снижением слуха. В 1960 г. группа исследователей (C.M. Pearson, H.M. Kline, V.D. Newcomer) описали 12 случаев подобного заболевания. Термин «рецидивирующий полихондрит» предложен C.M. Pearson, который подчеркивал особенность течения заболевания в виде чередования обострений и ремиссий [1].

Эпидемиология. Заболевание может встречаться в разных регионах мира, хотя чаще выявляется у европейцев. Мужчины и женщины болеют одинаково часто. Распространенность – около 3,5 случая на 1 млн населения в год. Дебют заболевания может быть в любом возрасте: описаны случаи болезни ребенка 2,5 лет и пациентов старше 90 лет, но пик заболеваемости приходится на возраст от 40 до 60 лет. Описаны семейные случаи болезни. По статистике, диагноз устанавливается более чем через год от начала болезни у 68 % пациентов, каждый третий из них, прежде чем устанавливается диагноз, проходит обследование у 5 и более специалистов [2].

Происхождение, провоцирующие факторы и патогенетические механизмы этого заболевания изучены недостаточно. Хотя некоторыми исследователями обращается внимание на генетическую предрасположенность, заболевание в первую очередь ассоциируется с аутоиммунными нарушениями. У пациентов в период высокой активности заболевания обнаружено в крови большое количество антител к коллагену II типа, в поврежденной хрящевой ткани при иммунофлуоресценции определяются депозиты IgG, IgA, IgM и C3. В патогенезе важное значение придают антинейтрофильным антителам. Не исключается роль инфекционных агентов как пускового механизма для развития аутоиммунных нарушений [3]. Сочетание РП и миелодиспластического синдрома, вероятно, указывает на то, что функциональные дефекты Т-клеток индуцируют как аутоиммунные процессы, так и неконтролируемую опухолевую поликлональную пролиферацию.

Клинические проявления разнообразны. В патологический процесс могут вовлекаться все типы хряща: эластический хрящ уха и носа, гиалиновый хрящ суставов, хрящевая ткань трахеобронхиального дерева, а также другие структуры, богатые протеогликанами: глаза, внутреннее ухо, сосуды, включая кожу, почки и нервную систему.

Одностороннее или двустороннее поражение ушных раковин – наиболее частое и типичное проявление РП, встречается у 43 % пациентов при первой атаке и у 83 % – при последующих. Начало острое или подострое, часто без провоцирующих факторов. Появляются болезненность, отечность, уплотнение, фиолетово-красная окраска наружного уха, ***не затрагивающая мочку***. Первые признаки заболевания часто ошибочно расцениваются как инфекционный процесс. Длительность атаки может быть от нескольких дней до нескольких недель. Нарушение структуры хряща приводит к деформации ушной раковины. Ухо становится дряблым, отвисшим, бесформенным – «ухо в виде цветной капусты» **(рис. 2 на цв. вклейке)**. Воспаление может захватывать ретроаурикулярные мягкие ткани, слуховой проход, структуры среднего и внутреннего уха, являясь причиной слуховых и вестибулярных расстройств у трети пациентов.

Снижение слуха и головокружение связаны с полихондрит-индуцированым разрушением евстахиевой трубы и лабиринта или васкулитом артерий внутреннего уха.

Приблизительно у 20 % пациентов в дебюте и около 60 % пациентов при длительном течении заболевания выявляется поражение глаз. Примерно у 35 % пациентов описан склерит/эписклерит, 17 % – негранулематозный увеит, 25 % – конъюнктивит, сухой кератоконъюнктивит, ретинопатия (микроаневризмы, геморрагии, экссудаты), венозные и артериальные тромбозы сетчатки, ишемическая нейропатия глазного нерва.

Поражение хрящевых структур и сосудов носа приводит к появлению чувства заложенности, ринорее, носовым кровотечениям, образованию корок, хотя иногда воспаление протекает клинически скрыто. Порой пациенты жалуются на потерю обоняния. При длительно текущем воспалении хрящевой ткани развивается седловидная деформация носа **(рис. 3 на цв. вклейке)**.

Тяжелое и частое проявление болезни – вовлечение в патологический процесс дыхательных путей. Развивается поражение хряща гортани, трахеи и бронхов, при длительном течении воспаления может развиваться тяжелое осложнение – трахеобронхомаляция.

На ранних стадиях поражение дыхательных путей может быть асимптомным. При локализации воспаления в области гортани и трахеи появляются непродуктивный кашель, дисфония, стридорозное дыхание, инспираторная одышка, осиплость голоса, болезненность в области щитовидного хряща или передней стенки трахеи. При поражении бронхов 1-го и 2-го порядка клиническая картина может напоминать бронхиальную астму.

У некоторых пациентов поражение дыхательных путей может быть изолированным первым симптомом заболевания. Циклическое течение РП со спонтанными ремиссиями, наличие вторичной инфекции из-за нарушения вентиляции является причиной ошибочной диагностики бронхолегочной инфекции и отдаляет правильный диагноз. Помимо инфекции, РП может протекать под маской аллергии, травматического повреждения, опухоли, системного васкулита или другого ревматического заболевания.

Поражение суставов характерно для большинства (около 70 %) пациентов с РП, варьирует от артралгий до полиартрита с вовлечением в патологический процесс крупных и мелких суставов, парастернальных сочленений. Отличительные черты периферического артрита при РП: в патологический процесс могут вовлекаться как крупные, так и мелкие суставы; обычно асимметричный; недеформирующий; неэрозивный (за исключением случаев сочетания с ревматоидным артритом); могут быть артралгии при отсутствии фокальных признаков воспаления; самокупирующийся спонтанно в течение нескольких дней или на фоне приема НПВС.

При вовлечении в патологический процесс грудинно-реберных сочленений пациенты могут жаловаться на боли в грудной клетке и ограничение дыхательной экскурсии.

Клинически значимое поражение аортального и митрального клапана выявляется приблизительно у 10 % пациентов. Реже встречаются перикардит, нарушения ритма (блокады) и инфаркт миокарда вследствие коронарита. Поражение клапанов может развиваться за несколько месяцев до появления других симптомов заболевания. Чаще встречаются аортит, аортальная недостаточность с расширением корня аорты. Прогрессирование недостаточности часто клинически незаметно, поэтому периодически должна выполняться эхокардиография для оценки степени регургитации.

Частота вовлеченности почек в патологический процесс неизвестна. По данным клиники Мэйо, поражение почек встречается у 23 % пациентов и проявляется в виде гематурии или протеинурии. При биопсии почек обнаруживалась картина некротизирующего гломерулонефрита, тубулоинтерстициального нефрита и IgA-нефропатии.

Поражение нервной системы происходит в результате васкулита. Чаще в патологический процесс вовлекаются вторая, шестая, седьмая и восьмая пара черепных нервов. Есть сообщения и о более редких проявлениях поражения нервной системы в виде гемиплегии, органического мозгового синдрома, деменции, миелита, периферической невропатии, асептического менингита и лимбического энцефалита, чаще при сочетании с полиангиитом или гранулематозом Вегенера.

Поражение кожи может встречаться у 36 % пациентов с РП, однако нет проявлений, патогномоничных для заболевания. Клинические находки часто ассоциируются с васкулитом: пурпура, папулы, афтозные язвы, узелки, подкожный тромбофлебит, livedo reticularis и дистальный некроз. Частота и выраженность дерматологических проявлений не коррелируют с полом, возрастом, выраженностью поражения хрящевых структур или внутренних органов. Изменения кожи чаще выявлялись у пациентов с со-путствующим миелодиспластическим синдромом.

Редко в патологический процесс вовлекается желудочно-кишечный тракт, чаще – при системном васкулите.

Патогномоничных ***лабораторных и инструментальных тестов*** для диагностики РП не существует, но клиническая картина настолько уникальна, что для врача, видевшего такого пациента или хотя бы знающего о существовании такого заболевания, верификация диагноза не вызовет затруднения.

Лабораторные данные при РП неспецифичны и отражают течение воспалительного процесса: повышение СОЭ, тромбоцитов, лейкоцитоз, анемия и увеличение содержания α- и γ-глобулинов в сыворотке крови. Могут выявляться низкие титры ревматоидного фактора и антинуклеарных антител. У большинства пациентов точным показателем активности заболевания является скорость оседания эритроцитов.

Диагностические критерии рецидивирующего полихондрита. Для диагностики РП предложено несколько вариантов критериев, наиболее удачными из которых можно считать критерии McAdam, в которых приоритет отдается клиническим признакам. Диагноз достоверен при наличии не менее 3 из 6 следующих критериев: двустороннее воспаление ушных раковин, неэрозивный серонегативный артрит, хондрит носовой перегородки, воспаление глаз, поражение хрящевых структур органов дыхания (гортань, трахея, бронхи), вестибулярные нарушения. В случае недостаточного числа критериев требуется гистологическое подтверждение либо эффект от терапии кортикостероидами [4, 5].

Лечение. В связи с редкостью заболевания клинических исследований для сравнительной оценки разных лекарственных средств не проводилось. Основа лечения – системное применение глюкокортикоидов, однако нет данных об их влиянии на прогрессирование процесса и предотвращение рецидивов. В острой фазе назначается преднизолон 20–60 мг/сут, для поддерживающей терапии – 5–25 мг/сут. При тяжелых обострениях РП дозу преднизолона увеличивают до 80–100 мг/сут. В комбинации с преднизолоном для контроля активности заболевания могут использоваться дапсон (25–200 мг/сут), азатиоприн, метотрексат (7,5–

22,5 мг/нед), циклофосфамид, циклоспорин А. Применение НПВС неэффективно [1, 4, 5].

Есть сообщения об успешном применении биологических препаратов для лечения рефрактерных случаев РП (инфликсимаб и др.) [3–5].

Тяжелые поражения дыхательных путей, осложненные стенозом трахеи и гортани, трахеомаляцией, требуют хирургических вмешательств, включающих трахеостомию, сегментарную резекцию трахеобронхиального дерева, трахеобронхиальное стентирование. При развитии аортальной недостаточности производится протезирование клапана или участка аорты. Пластические операции по поводу седловидной деформации носа не рекомендуются, так как обычно разрушение хрящей носа с его деформированием продолжается и после операции [3, 5].

Заключение. Несмотря на необычную клиническую картину рецидивирующего полихондрита, характерные визуальные признаки данного заболевания и знание о его существовании позволяют врачу вовремя поставить правильный диагноз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pearson C.M., Kline H.M., Newcomer V.D. Relapsing polychondritis // N. Engl. J. Med. 1960; 263: 51–58.

2. Michet CJ. Jr., McKenna C.H., Luthra H.S. et al. Relapsing polychondritis: survival and predictive role of early disease manifestations // Ann. Intern. Med. 1986; 104: 74–78.

3. Magro C.M., Dyrsen M. Angiocentric lesions of the head and neck // Head Neck Pathol. 2008: 2: 116–130.

4. Yoo J.H., Chodosh J., Dana R. Relapsing polychondritis: systemic and ocular manifestations, differential diagnosis, management, and prognosis // Semin. Ophthalmol. 2011; 26: 261.

5. Rafeq S., Trentham D., Ernst A. Pulmonary manifestations of relapsing polychondritis // Clin. Chest Med. 2010; 31: 513.

Поступила 03.02.2016

МНОЖЕСТВЕННЫЙ СЕБОРЕЙНЫЙ КЕРАТОЗ У ПАЦИЕНТКИ С АДЕНОКАРЦИНОМОЙ ЖЕЛУДКА

Е.А. Боровнева[1], О.М. Жарская[1], И.А. Владимирова[2], В.А. Стахиевич[2], Ю.В. Горгун[1]

[1]Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск

[2]10-я городская клиническая больница, Минск

Представлен клинический случай паранеопластического дерматоза при раке желудка (признак Leser-Trelat), а также обзор современных литературных данных по проблеме.

Ключевые слова: себорейный кератоз, аденокарцинома желудка, признак Leser-Trelat.

Более ста лет назад было отмечено, что при ряде злокачественных новообразований в организме человека появляются изменения, не связанные с инвазией или сдавлением тканей раковыми клетками [12]. В дальнейшем неспецифические неонкологические заболевания, возникающие под влиянием злокачественного процесса, но не вследствие прямого воздействия опухоли на ткани и органы, а в результате ее опосредованного влияния на обменные, биологические, химические и иммунные реакции, происходящие в организме, были названы паранеопластическими синдромами (ПС) [6, 9].

Клинический случай. Пациентка Б., 1957 г. р., обратилась к участковому терапевту с жалобами на внезапное появление высыпаний на коже груди, в области подмышечных впадин, на внутренней поверхности бедер. Высыпания возникли примерно месяц назад. В анамнезе – ишемическая болезнь сердца, артериальная гипертензия, простудные заболевания. Пациентка консультирована врачом-дерматологом, выставлен диагноз: себорейный кератоз. Участковый терапевт назначил лабораторное исследование и эзофагогастродуоденоскопию (ЭГДС).

Описание эзофагогастродуоденоскопии (выполнена амбулаторно). Пищевод проходим, кардия смыкается. Слизистая пищевода бледно-розовая. Желудок воздухом расправляется достаточно. Просвет деформирован в области тела, где по малой кривизне в области арки определяется полигональная язва 2,0×1,8 см, несколько углубленная, частично под фибрином, частично под грануляциями с несколькими мелкими кровяными сгустками на дне и у края. Края язвы неровные, «как бы вывернуты», плотные при инструментальной пальпации. Выражена периульцерозная инфильтрация. Выполнена биопсия, отмечается кровоточивость. Язва обработана холодной ε-аминокапроновой кислотой 5 % 100 мл. Пилоробульбарная область без особенностей. Заключение: язвенное заболевание тела желудка. Окончательно – по результатам биопсии.

Пациентка госпитализирована в отделение гастроэнтерологии городской клинической больницы. ***При осмотре*** на коже груди, в области подмы-

шечных впадин и на внутренней поверхности бедер выявлялись пятна от светло- до темно-коричневого цвета, как гладкие, так и покрытые мелкопластинчатыми чешуйками, диаметром до 1,5 см, приподнятые над поверхностью кожи **(рис. 1 на цв. вклейке)**.

Показатели общеклинических лабораторных анализов (общий анализ крови, биохимический анализ крови, общий анализ мочи, анализ кала на скрытую кровь) не показали отклонений от нормы.

При ультразвуковом исследовании органов брюшной полости выявлены признаки стеатоза печени.

Описание эндосонографии желудка. Проведение аппарата – без особенностей. Эндоультразвуковое сканирование с частотой 12 МГц. Желудок: стенка желудка пятислойная до уровня антрума. Толщина стенки на уровне нижней трети тела желудка 4,5 мм (передняя стенка), 4,8 мм (большая кривизна). Послойно по большой кривизне: слизистая 1,0 мм, мышечная пластинка слизистой 0,4 мм, подслизистая основа 1,4 мм, мышечная оболочка 1,4 мм, сероза 0,6 мм. По малой кривизне антрального отдела с переходом на заднюю стенку определяется бугристая инфильтрация с язвенным дефектом в центре до 1,5 см. Краевая ткань по виду больше напоминает грануляционную. В центре плотная, спаяна с подлежащими тканями. При ультразвуковом сканировании стенка желудка неравномерно утолщена до 13–18 мм. Послойное строение нарушено. 1–3-й слои повышенной эхоплотности по типу единого инфильтрата. Глубже определяется неравномерная, с изъеденным контуром гипоэхогенная инфильтрация с частичной прерывистостью серозного слоя. Там же сканируются гипоэхогенные лимфатические узлы 8–12 мм. Взята биопсия. Заключение: данные в пользу инфильтративного рака желудка с изъязвлением **(рис. 2 на цв. вклейке)**.

При компьютерной томографии органов брюшной полости выявлено утолщение стенок пилорического отдела желудка до 13 мм, наиболее выраженное по малой кривизне, протяженностью 50 мм, с деформацией просвета. Регионарные л/у перигастрально до 10 мм, пилородуоденальной зоны до 11 мм с повышением плотности и тяжистостью в клетчатке. Лимфоузлы брюшной полости и забрюшинные лимфоузлы: парааортальные в супраренальном отделе до 12 мм, парааортальные в инфраренальном отделе до 13 мм, по ходу сосудов чревного ствола до 13 мм, по ходу брыжейки тонкой кишки до 5–6 мм, подвздошные до 4 мм.

Печень не увеличена, плотность снижена до 38HU, структура ее однородная, внутрипеченочные желчные протоки несколько расширены. Очаговых образований в печени не выявлено. В желчном пузыре R-контрастных конкрементов не определяется. Холедох не расширен, внепанкреатическая часть – 5 мм, интрапанкреатическая – до 4,4 мм. Портальная вена – 13,6 мм, селезеночная – 7,8 мм.

Поджелудочная железа: головка 34 мм, тело 25 мм, хвост 21 мм. ПЖ однородной структуры, достаточно равномерно накапливает контрастное вещество. Вирсунгов проток не расширен. Парапанкреатическая клетчатка не инфильтрирована.

Селезенка без особенностей.

Надпочечники, почки без особенностей. В нижнем сегменте левой почки определяется мелкая кортикальная киста размерами 5 мм.

Свободной жидкости в брюшной полости нет.

Дегенеративно-дистрофические изменения позвоночника на исследуемом уровне .

Заключение: признаки патологического утолщения стенок желудка (Cr) в пилорическом отделе с секундарными изменениями регионарной клетчатки и вышеуказанных групп лимфоузлов. Диффузное снижение плотности печени. Мелкая киста левой почки.

Результат гистологического исследования биопсийного материала: низкодифференцированная аденокарцинома с очагами внутриклеточного слизеобразования.

При цитологическом исследовании биоптатов обнаружены комплексы раковых клеток аденокарциномы.

Пациентка была переведена в онкологический диспансер для дальнейшего лечения с ***основным диагнозом***: низкодифференцированная аденокарцинома желудка.

Комментарии. Группа гетерогенных ненаследственных кожных заболеваний, развивающихся под влиянием злокачественных новообразований внутренних органов и нередко (в 20–35 % случаев) являющихся первыми, иногда единственными, признаками злокачественной опухоли еще задолго до ее клинической манифестации, носит название паранеопластических дерматозов (ПД). Они занимают второе место после эндокринных нарушений по частоте встречаемости среди ПС [9].

Многие ПД имеют непаранеопластические аналоги, затрудняющие своевременную диагностику и начало адекватного лечения пациентов с онкопатологией [1, 6].

Helene Curth в 1976 г. предложила использовать следующие критерии оценки наличия связи между кожными изменениями и злокачественным новообразованием [9, 17]:

1. Одновременное начало кожных проявлений и злокачественного новообразования.

2. Параллельное развитие заболеваний (лечение опухоли приводит к регрессии дерматоза, рецидив опухоли вызывает ухудшение его клинической картины).

3. Кожные изменения не являются генетически обусловленными.

4. Редкая частота дерматоза в общей популяции.

5. Сильная корреляция между появлением спе-цифических кожных изменений и развитием злокачественного новообразования внутренних органов.

Дерматозы, для которых характерна высокая частота ассоциации со злокачественными новообразованиями, представлены в таблице [3, 6, 9].

Два европейских хирурга, Edmund Leser и Ulyss Trelat, независимо друг от друга в 1890 г. описа-

Таблица

Ассоциации дерматозов и злокачественных неоплазм внутренних органов

Дерматоз	Ассоциированные злокачественные заболевания
Злокачественный черный акантоз	Аденокарцинома желудка, колоректальный рак, рак яичников, легких
Приобретенная пахидерматоглифия	Рак желудка и легких
Круговидная ползучая эритема	Рак легких, пищевода, молочной железы
Акрокератоз Базекса	Рак полости рта, глотки, гортани, трахеи, пищевода и легких
Приобретенный гипертрихоз пушковых волос	Колоректальный рак, рак легких и молочной железы
Некролитическая мигрирующая эритема	Глюкагонома
Признак Leser-Trelat	Рак желудка и колоректальный рак
Паранеопластический пемфигус	Неходжкинская лимфома, хроническая лимфоцитарная лейкемия, тимома, ангиофолликулярная лимфоидная гиперплазия (болезнь Castleman)
Питириаз круглый	Гепатоцеллюлярная карцинома, карцинома желудка и пищевода, рак предстательной железы, хроническая лимфоцитарная лейкемия, множественная миелома
Дерматомиозит	Рак яичников, аденокарцинома бронхов
Кератодермия ладоней и подошв	Рак пищевода
Пиодермия гангренозная	Миелодиспластический синдром, миелома, лейкемия
Синдром Свита (острый нейтрофильный фебрильный дерматоз)	Острая миелоидная лейкемия, миелодиспластический синдром

ли случаи себорейного кератоза у пациентов с сенильным ангиоматозом и злокачественным заболеванием внутренних органов. Однако первым, кто показал взаимосвязь между внезапным появлением множественных себорейных кератом и злокачественным новообразованием, был Hollander в 1900 г. [3, 6, 7, 9, 15].

Признак Leser-Trelat представляет собой внезапное появление множественных себорейных кератом или увеличение числа и размеров уже имеющихся, часто сопровождающееся зудом и ассоциированное со злокачественным новообразованием внутренних органов. Место локализации себорейных кератом – преимущественно спина, грудная клетка и шея [6, 9, 11, 15].

Точный механизм патогенеза признака Leser-Trelat остается неизвестным. По данным медицинских исследований, описанные кожные изменения возникают у пациентов под влиянием биоактивных субстанций, стимулирующих рост кератоцитов (подобных эпидермальному фактору роста альфа, а также полипептидных гормонов, антител, цитокинов, иммунных комплексов), которые образуются в организме как ответ на появление и рост неоплазм либо продуцируются самими злокачественными опухолевыми клетками. У пациентов с признаком Leser-Trelat отмечается повышенный уровень эпидермального фактора роста-альфа и инсулиноподобного фактора роста 1 [4, 9, 13, 15, 18].

Существование признака Leser-Trelat – предмет дискуссий, его проявления нередко игнорируются врачами и пациентами, так как множественный себорейный кератоз часто встречается в старшей возрастной группе, где вероятность развития злокачественного образования статистически выше [3, 5, 11,15].

Признак Leser-Trelat является редким даже среди пациентов с онкологическими заболеваниями. В 1973 г. Dantzig провел обзор мировой медицинской литературы и с 1891 г. отметил всего 10 случаев наличия признака Leser-Trelat [16]. Описаны истории возникновения признака Leser-Trelat у 20-летней женщины с остеогенной саркомой и 22-летнего мужчины с герминомой шишковидной железы [7, 9, 15]. Практически в половине случаев признак Leser-Trelat связан с развитием аденокарциномы, преимущественно желудочно-кишечного тракта (в 32 % наблюдений): наиболее часто – карциномы желудка, колоректального рака [6, 8, 9, 10, 19].

Лимфопролиферативные заболевания у лиц с признаком Leser-Trelat встречались в 21 % случаев. В медицинской литературе представлены истории развития карциномы мочевого пузыря, опухоли почки, предстательной железы, легких, яичников и меланомы при вышеописанных кожных изменениях. Примерно у 2/3 пациентов синдром Leser-Trelat сочетался с другими паранеопластическими дерматозами, наиболее часто – со злокачественным черным акантозом [6, 9, 13].

По данным медицинской литературы, признак Leser-Trelat обнаруживался и у пациентов без выявленных злокачественных образований внутренних органов за периоды наблюдения 18 [18] и 24 месяца [14], а также при вирусе иммунодефицита человека, трансплантации сердца, генерализованном дерматите и беременности [3, 9, 11, 14, 18].

В настоящее время описано более 50 дерматозов, появление которых коррелирует с развитием неоплазм у пациентов [9].

Распознавание специфических кожных изменений, ассоциированных со злокачественными опухолями внутренних органов, необходимо клиницистам для своевременной постановки диагноза, раннего начала лечения онкопатологии, а значит, и лучшего прогноза для лиц с неоплазмами.

Заключение. Представленный клинический случай показал, что объективный осмотр пациентки и тщательно собранный анамнез позволил участковому врачу правильно оценить изменения кожи и заподозрить их паранеопластический характер. Специфические кожные изменения могут быть первым и единственным клиническим проявлением серьезной органической патологии внутренних органов. При внезапном появлении множественных себорейных кератом или увеличении числа и размеров уже имеющихся целесообразно проводить обследование, направленное на исключение злокачественных новообразований желудка и кишечника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brauer J., Happle R., Gieler U. The sign of Leser-Trelat: fact or myth?// J. Eur. Acad. Dermatol. Venerol. 1992; 1: 77–80.

2. 2. Chang A.E., Ganz P.A., Hayes D.F. et al. Oncology: an evidence-based approach // Springer Science & Business Media. 2007; 1511–1512.

3. Chung V.Q. Clinical and pathological findings of paraneoplastic dermatoses // J. Am. Acad. Dermatol. 2006; 54: 745–762.

4. Cohen P.R. Paraneoplastic dermatopathology: cutaneous paraneoplastic syndromes // Adv. Dermatol. 1996; 11: 215–252.

5. Constantinou C., Dancea H., Meade P. The sign of Leser-Trelat in colorectal adenocarcinoma // Am. Surg. 2010; 76: 340–341.

6. Dourmishev L.A., Draganov P.V. Paraneoplastic dermatological manifestation of gastrointestinal malignancies // World J. Gastroenterol. 2009; 15 (Suppl. 35): 4372–4379.

7. Ehst B.D., Minzer-Conzetti K., Swerdlin A. et al. Cutaneous manifestations of internal malignancy: review // Curr. Probl. Surg. 2010; 47: 384–445.

8. Ginarte M., Sanchez-Aguilar D., Toribio J. Sign of Leser-Trélat associated with adenocarcinoma of the rectum // Eur. J. Dermatol. 2001; 11: 251–253.

9. Josenilson A.S., da Silva A., Carvalho Mesquita K. et al. Paraneoplastic cutaneous manifestations: concepts and updates // An. Bras. Dermatol. 2013; 88: 9–22.

10. Kameya S., Noda A., Isobe E. et al. The sign of Leser-Trélat associated with carcinoma of the stomach // Am. J. Gastroenterol. 1988; 83: 664–666.

11. Nanda A., Mamon H.J., Fuchs Ch. S. Sign of Leser-Trelat in newly diagnosed advanced gastric adenocarcinoma // J. Clin. Oncol. 2008; 26: 4992–4993.

12. Pelosof L.C., Gerber D.E. Paraneoplastic syndromes: an approach to diagnosis and treatment // Mayo Clin. Proc. 2010; 85 (Suppl. 9): 838–854.

13. Pentenero M., Carrozzo M., Pagano M. et al. Oral acanthosis nigricans, tripe palms and sign of leser-trélat in a patient with gastric adenocarcinoma// Int. J. Dermatol. 2004; 43: 530–532.

14. Safa G., Darrieux L. Leser-Trelat sign without internal malignancy // Case Rep. Oncol. 2011; 4: 175–177.

15. Schwartz R.A. Sign of Leser-Trelat // J. Am. Acad. Dermatol. 1996; 35: 88–95.

16. Sperry K., Wall J. Adenocarcinoma of the stomach with eruptive seborrheic keratoses // Cancer. 1980; 45 (9): 2434–2437.

17. Thiers B.H, Sahn R.E., Callen J.P. Cutaneous manifestations of internal malignancy // CA Cancer J. Clin. 2009; 59: 73–98.

18. Turan E. Yesilova Y., Yurt N., Koçarslan S. Leser-Trelat sign: Does it really exist? // Acta Dermatovenerol. Croat. 2013; 21: 128–130.

19. Yeh J.S., Munn S.E., Plunkett T.A. et al. Coexistence of acanthosis nigricans and the sign of Leser-Trélat in a patient with gastric adenocarcinoma: a case report and literature review // J. Am. Acad. Dermatol. 2000; 42: 357–362.

20. Официальный сайт globalskinatlas.com [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalskinatlas.com/imagedetail.cfm?TopLevelid=1949&ImageID=4484&did=458

Поступила 06.09.2016

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА / ARC DE TRIOMPHE

Эрих Мария Ремарк / Erich Maria Remarque

«...Вебер заглянул в перевязочную и вызвал Равика в коридор.

– Звонит Дюран. Просит вас немедленно приехать. Какой-то сложный случай, чрезвычайные обстоятельства.

Равик вопросительно посмотрел на Вебера.

– Иначе говоря, Дюран сделал неудачную операцию и теперь хочет, чтобы я выручил его. Так, что ли?

– Не знаю. Он очень напуган. Видимо, совсем растерялся.

Равик покачал головой. Вебер молчал.

– Откуда он вообще знает, что я вернулся? – спросил Равик.

Вебер пожал плечами.

– Понятия не имею. Вероятно, от кого-нибудь из сестер.

– Почему он не позвонил Бино? Это очень толковый хирург.

– Я так и посоветовал ему, но он сказал, что речь идет об особо сложном случае. Ваша специальность.

– Ерунда. В Париже есть великолепные врачи любой специальности. Почему он не обратился к Мартелю, одному из лучших хирургов мира?

– Разве вы сами не понимаете?

– Понимаю, конечно. Не хочет срамиться перед коллегой. Иное дело – беспаспортный врач-беженец. Этот будет держать язык за зубами.

Вебер посмотрел на него.

– Ну как, поедете? Медлить нельзя.

Равик развязал ленточки халата.

– Ничего не поделаешь, поеду, – зло сказал он. – Что мне еще остается? Но при одном условии: вы поедете вместе со мной.

– Согласен. Моя машина в вашем распоряжении.

Они спустились по лестнице. Автомобиль Вебера стоял перед входом в клинику, сверкая на солнце. Они сели в машину.

– Я буду работать только в вашем присутствии, – сказал Равик. – А то наш общий друг еще подложит мне свинью.

– По-моему, сейчас ему не до этого.

Машина тронулась.

– Я и не такое видел, – сказал Равик. – В Берлине я знал одного молодого ассистента; у него были все данные, чтобы стать хорошим хирургом. Однажды его профессор, оперируя в нетрезвом виде, сделал неправильный разрез и, не сказав ни слова, попросил ассистента продолжать операцию; тот ничего не заметил, а через полчаса профессор поднял шум и свалил все на него. Пациент скончался под ножом. Ассистент умер на другой день. Самоубийство. Что касается профессора, то он продолжал оперировать и пить.

На улице Марсо они остановились – по улице Галилея проходила колонна грузовиков. Через переднее стекло горячо припекало солнце. Вебер нажал кнопку на щитке, и средняя часть крыши медленно откатилась назад. Он с гордостью посмотрел на Равика.

– Это мне совсем недавно оборудовали. Электропривод. Замечательно, правда? До чего только не додумаются люди.

Сквозь открытую крышу врывался ветерок. Равик кивнул.

– Да, замечательно. Самые последние новинки – магнитные мины и торпеды. Вчера где-то читал. Если такая торпеда пущена мимо цели, то сама разворачивается и возвращается к ней. Просто диву даешься, до чего мы изобретательны!

Вебер повернул к нему свое румяное лицо, расплывшееся в добродушной улыбке.

– Опять вы с вашей войной! Она от нас дальше, чем луна. Все эти разговоры о войне – лишь средство политического давления. Можете мне поверить!

Кожа пациентки, казалось, отливала голубоватым перламутром. Лицо было серым, как пепел. Пышные волосы при свете ламп словно горели золотым пламенем, и в этом ослепительном полыхании было что-то почти вызывающее: казалось, жизнь совсем уже ушла из этого тела, и только золотисто искрящиеся волосы еще жили и взывали о помощи…

Молодая женщина, лежавшая на операционном столе, была очень красива. Стройная, изящная, с лицом, которое не мог изуродовать даже самый глубокий обморок, она была как бы создана для роскоши и любви. Кровотечения почти не было.

– Вы открыли матку? – спросил Равик у Дюрана.

– Да.

– И что же?

Дюран молчал. Равик поднял глаза и увидел, что тот смотрит на него бессмысленным взглядом.

– Ладно, – сказал Равик. – Сестры нам не понадобятся. Справимся втроем.

Дюран кивнул в знак согласия. Сестры и ассистент удалились.

– И что же? – снова переспросил Равик.

– Вы же сами видите, в чем дело.

– Нет, не вижу.

Равик отлично понимал, в чем состояла ошибка Дюрана, но хотел, чтобы тот сам подтвердил ее в присутствии Вебера. Так было надежнее.

– Третий месяц беременности. Кровотечение. Пришлось взять ложку. Очевидно, повреждена внутренняя стенка.

– И что же? – опять спросил Равик.

Он посмотрел Дюрану прямо в лицо. На нем застыло выражение бессильного бешенства. Теперь

он возненавидит меня на всю жизнь, подумал Равик. Уже хотя бы потому, что все происходит при Вебере.

– Перфорация, – сказал Дюран.

– Ложкой?

– Разумеется, – ответил Дюран, помедлив. – Чем же еще?

Кровотечение прекратилось полностью. Равик молча продолжал исследование. Затем выпрямился.

– Вы сделали перфорацию и не заметили этого. Мало того, вы втянули в отверстие петлю кишки. Не поняли, что произошло. Видимо, приняли кишку за оболочку плода. Стали скоблить и повредили ее. Правильно я говорю?

Лоб Дюрана мгновенно покрылся испариной. Бородка под маской непрерывно двигалась, словно он пытался что-то разжевать и не мог.

– Возможно, что так.

– Сколько времени уже длится операция?

– Три четверти часа.

– Налицо внутреннее кровоизлияние и повреждение тонкой кишки. Крайняя опасность сепсиса. Кишку надо резецировать, матку удалить. Немедленно.

– Почему? – воскликнул Дюран.

– Вы сами все отлично понимаете, – сказал Равик.

Дюран часто замигал.

– Да, понимаю. Но я пригласил вас не для того, чтобы…

– Это все, что я могу вам сказать. Позовите всех обратно и продолжайте работать. Советую поторопиться.

Дюран снова задвигал челюстями.

– Я слишком взволнован. Не сделаете ли вы операцию вместо меня?

– Нет. Как вам известно, я нахожусь во Франции нелегально и не имею права заниматься врачебной практикой.

– Вы… – начал было Дюран и осекся.

Санитары, студенты-недоучки, массажисты, ассистенты – все они выдают себя здесь за крупных немецких врачей… Равик не забыл того, что Дюран наговорил Левалю.

– Мсье Леваль разъяснил мне кое-что на этот счет, – сказал он. – Перед тем как меня выслали.

Он заметил, что Вебер насторожился. Дюран ничего не ответил.

– Операцию вместо вас может сделать доктор Вебер, – сказал Равик.

– Но ведь вы довольно часто оперировали вместо меня. Если вас беспокоит вопрос о гонораре…

– Дело не в гонорарах. С тех пор как я вернулся, я больше не оперирую. В особенности когда речь идет о пациентах, не давших заранее своего согласия на операцию подобного рода.

Дюран снова бессмысленно уставился на него.

– Но нельзя же прерывать наркоз, чтобы спросить у пациентки, согласна ли она?

– Почему же? Вполне. Но вы рискуете, дело может кончиться сепсисом.

Лицо Дюрана было совершенно мокрым. Вебер взглянул на Равика. Равик понимающе кивнул.

– На ваших сестер можно положиться? – спросил Вебер Дюрана.

– Да, конечно…

– Обойдемся без ассистента, – сказал Вебер Равику. – Будем оперировать втроем, сестры помогут нам.

– Равик… – начал было Дюран.

– Вам следовало вызвать Бино, – прервал его Равик. – Или Маллона, или Мартеля. Все они – первоклассные хирурги.

Дюран промолчал.

– Угодно ли вам признать в присутствии доктора Вебера, что вы допустили перфорацию матки и повредили кишку, приняв ее за оболочку плода?

Дюран медлил с ответом.

– Да, – хрипло проговорил он наконец.

– Угодно ли вам, кроме того, признать, что вы обратились к Веберу с просьбой произвести вместе со мной, случайным ассистентом, гистеректомию, резекцию кишечника и анастомоз?

– Да.

– Угодно ли вам также взять на себя полную ответственность за операцию и за ее исход, а также за то обстоятельство, что она будет произведена без ведома и согласия пациента?

– Да! Ну конечно же, – простонал Дюран.

– Хорошо. Тогда зовите сестер. Ассистент нам не нужен. Объясните ему, что вы разрешили Веберу и мне ассистировать вам при особо трудном случае. Вы возьмете на себя все, что связано с анестезией. Сестрам понадобится повторная стерилизация?

– Нет. На них можете положиться. Они ни к чему не прикасались.

– Тем лучше.

Брюшная полость была вскрыта. Равик с крайней осторожностью высвободил петлю кишки из отверстия в матке и обмотал ее стерильными салфетками, чтобы предупредить сепсис.

– Внематочная беременность, – пробормотал он, обращаясь к Веберу. – Вот посмотрите… плод наполовину в матке, наполовину в трубе. Собственно говоря, Дюран не так уж и виноват. Случай весьма редкий. И все же…

– Что? – спросил Дюран из-за экрана операционного стола. – Что вы сказали?

– Ничего.

Равик наложил зажимы и произвел резекцию. Затем быстро зашил открытые концы и сделал боковой анастомоз.

Операция захватила его. Он забыл о Дюране. Перевязав трубу и питающие ее сосуды, он отрезал конец трубы. Затем приступил к удалению матки. Почему так мало крови? Почему сердце человека кровоточит сильнее? Ведь я вырезаю самое великое чудо жизни, способное продолжить ее!

Прекрасная женщина, лежащая перед ним, мертва. Она сможет еще жить, но, в сущности, она мертва. Засохшая веточка на древе поколений. Цветущая, но уже утратившая тайну плодоношения. В дремучих папоротниковых лесах обитали огромные человекоподобные обезьяны. Они проделали сложную эволюцию на протяжении тысяч поколе-

ний. Египтяне стоили храмы; расцвела Эллада; непрерывно продолжался таинственный ток крови, вздымавшийся все выше и выше, пока не появилась эта женщина; теперь она бесплодна, как пустой колос, и ей уже не продолжить себя, не воплотиться в сына или в дочь. Грубая рука Дюрана оборвала цепь тысячелетней преемственности. Но разве и сам Дюран не есть результат жизни тысячи поколений? Разве не цвела также и для него, для его поганой бороденки Эллада и эпоха Ренессанса?

– До чего же все это гнусно, – проговорил Равик.

– Что вы сказали? – спросил Вебер.

– Так… Ничего особенного…

Равик выпрямился.

– Все. Операция окончена.

Он посмотрел на бледное милое лицо, обрамленное золотистыми сверкающими волосами. Он взглянул на ведро, где лежал окровавленный комок… Затем перевел взгляд на Дюрана.

– Операция окончена, – повторил он.

Дюран прекратил подачу наркоза. Он не решался смотреть Равику в глаза. Ждал, пока сестры не вывезут тележку с больной. Затем, не сказав ни слова, вышел.

– Завтра он потребует за операцию дополнительно пять тысяч франков, – сказал Равик Веберу. – Да еще похвастает, что спас ей жизнь.

– Вряд ли – уж очень он сейчас жалок.

– Сутки – немалый срок. А раскаяние весьма недолговечно. Особенно, если его можно обратить себе на пользу.

Равик вымыл руки. В доме напротив на подоконнике стояли горшки с красной геранью. Под цветами сидел серый кот.

В час ночи он позвонил из «Шехерезады» в клинику Дюрана. Сиделка сообщила, что больная спит. Два часа назад она металась в бреду. Заходил Вебер и дал ей болеутоляющее. Теперь все как будто в порядке...»

1945 г.

Эрих Мария Ремарк.
Триумфальная арка. М.: Правда, 1982.
Подготовила Н.Н. Силивончик

К статье *Е.Н. Скепьян* «Сравнительный анализ спектра чувствительности бактериальной флоры, вызывающей заболевания верхних дыхательных путей у детей на амбулаторном этапе»

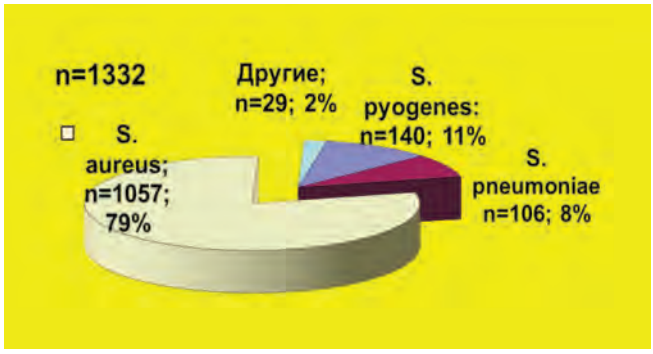


Рис. 1. Грам+ флора (2009–2011)

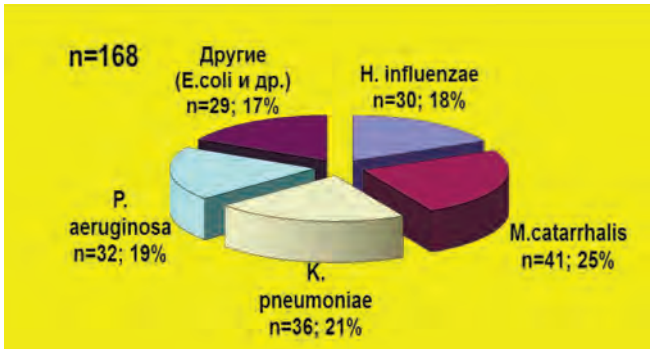


Рис. 2. Грам– флора (2009–2011)

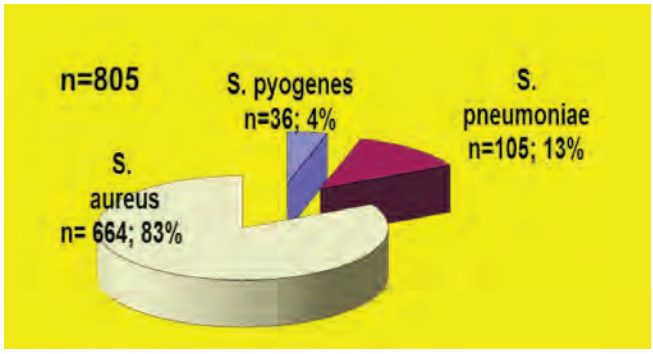


Рис. 3. Грам+ флора (2013–2014)

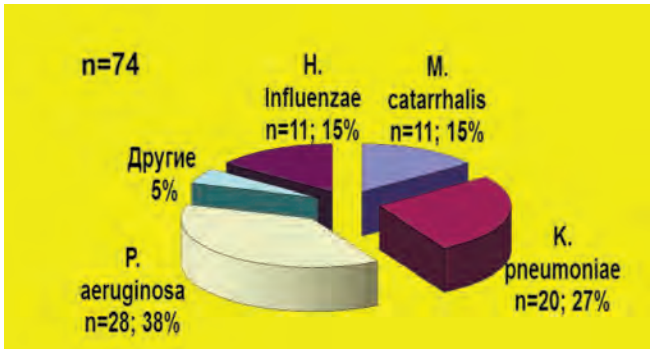


Рис. 4. Грам– флора (2013–2014)

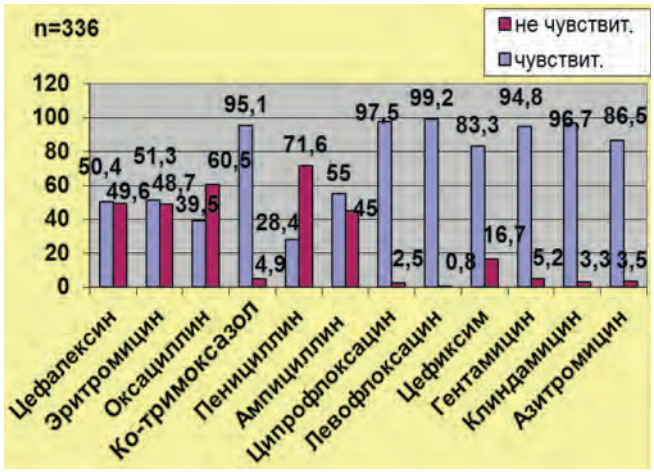


Рис. 5. Чувствительность/резистентность *Staphylococcus aureus* (2009–2011), %

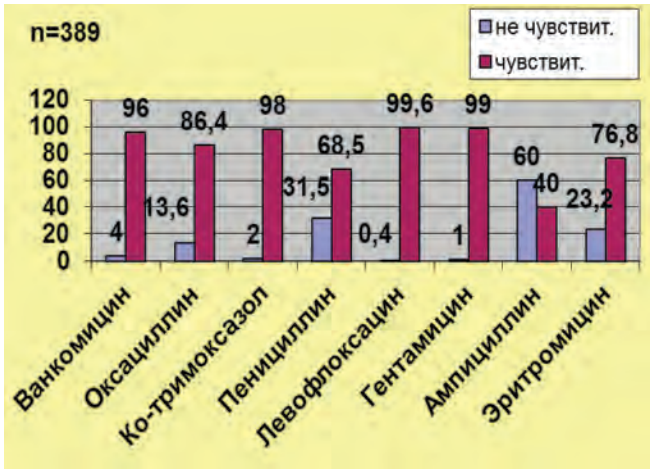


Рис. 6. Чувствительность/резистентность *Staphylococcus aureus* (2013–2014), %

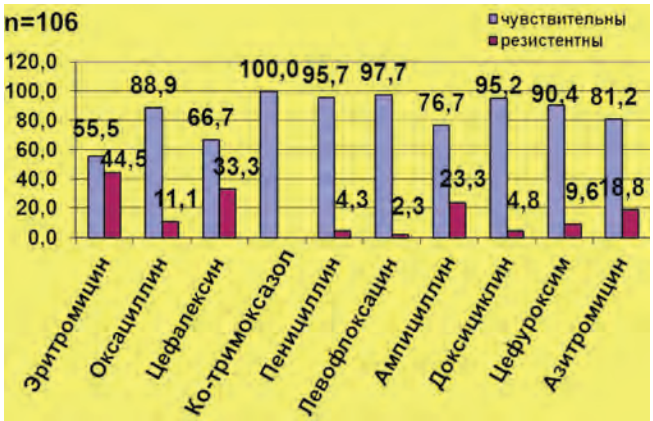


Рис. 7. *Streptococcus pneumoniae* (2009–2011), %

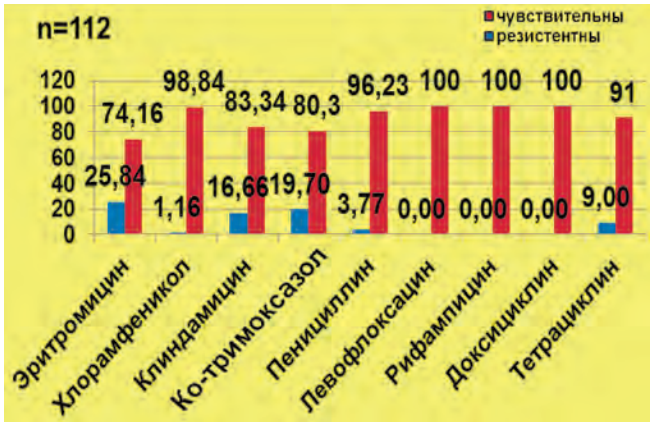


Рис. 8. *Streptococcus pneumoniae* (2013–2014), %

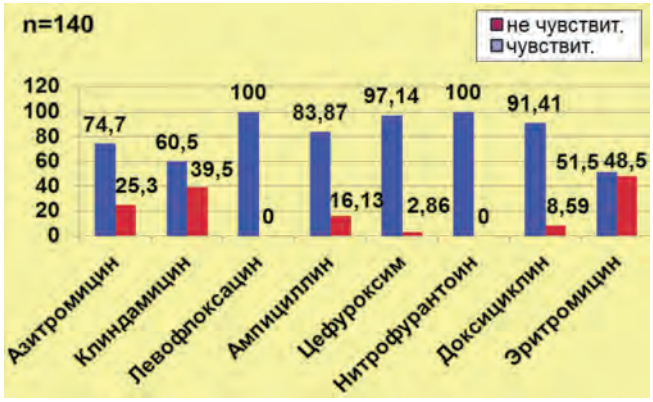


Рис. 9. ***b-haemolyticum Strept. gr. A*** **(2009–2011), %**

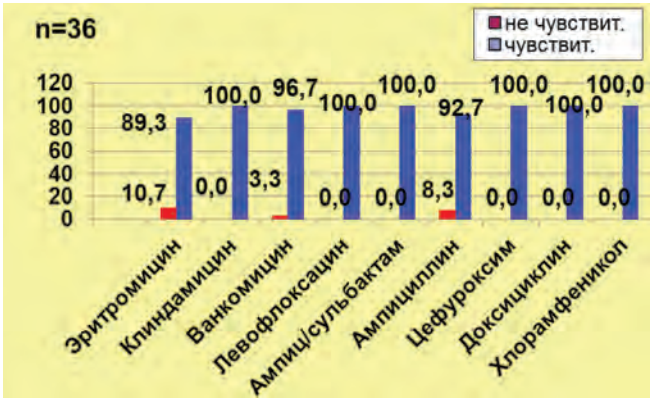


Рис. 10. ***b-haemolyticum Strept. gr. A*** **(2013–2014), %**

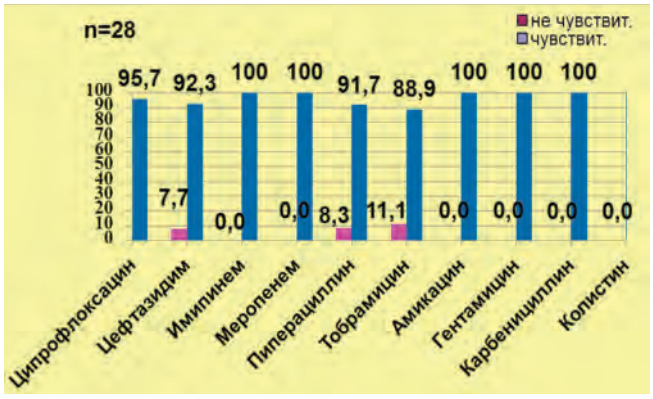


Рис. 11. Грам– флора:
Pseudomonas aeruginosa **(2013–2014), %**

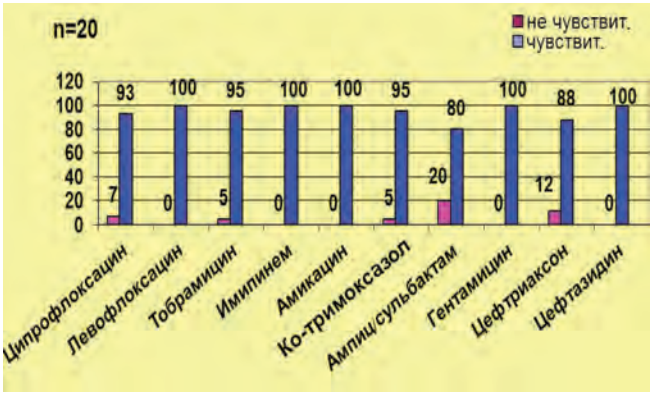


Рис. 12. ***Klebsiella pneumoniae*** **(2013–2014), %**

К статье *Е.А. Левончук* «Чесотка»

Рис.1. Самка и яйца в чесоточном ходе

Рис. 2. Типичная чесотка с ходами и папулами

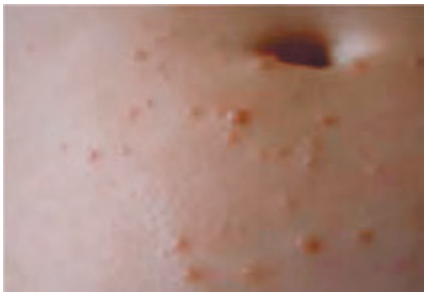


Рис. 3. Чесотка без ходов

Рис. 4. Норвежская чесотка

Рис. 5. Чесотка «чистоплотных»

Рис. 6. Чесотка, осложненная пиодермией

Рис. 7. Скабиозная лимфоплазия

Рис. 8. Псевдосаркоптоз

К статье *А.А. Королевой и соавт.* «Рецидивирующий полихондрит: лечим то, что знаем?»

Рис. 1. Поражение ушной раковины пациента

Рис. 2. Ухо в виде «цветной капусты»

Рис. 3. Седловидная деформация носа (собственное клиническое наблюдение)

К статье *Е.А. Боровневой и соавт.* «Множественный себорейный кератоз у пациентки с аденокарциномой желудка»

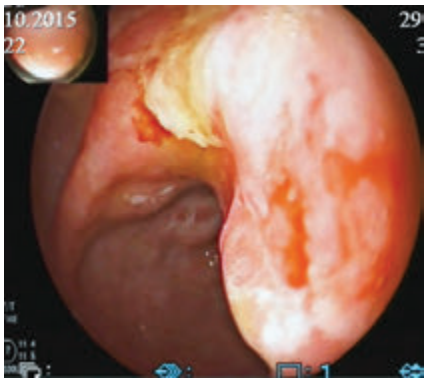


Рис. 1 Эндоскопическая фотография новообразования желудка пациентки Б.

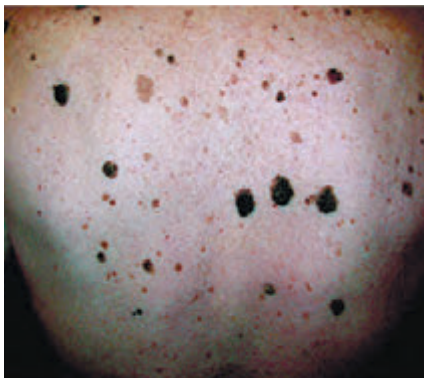
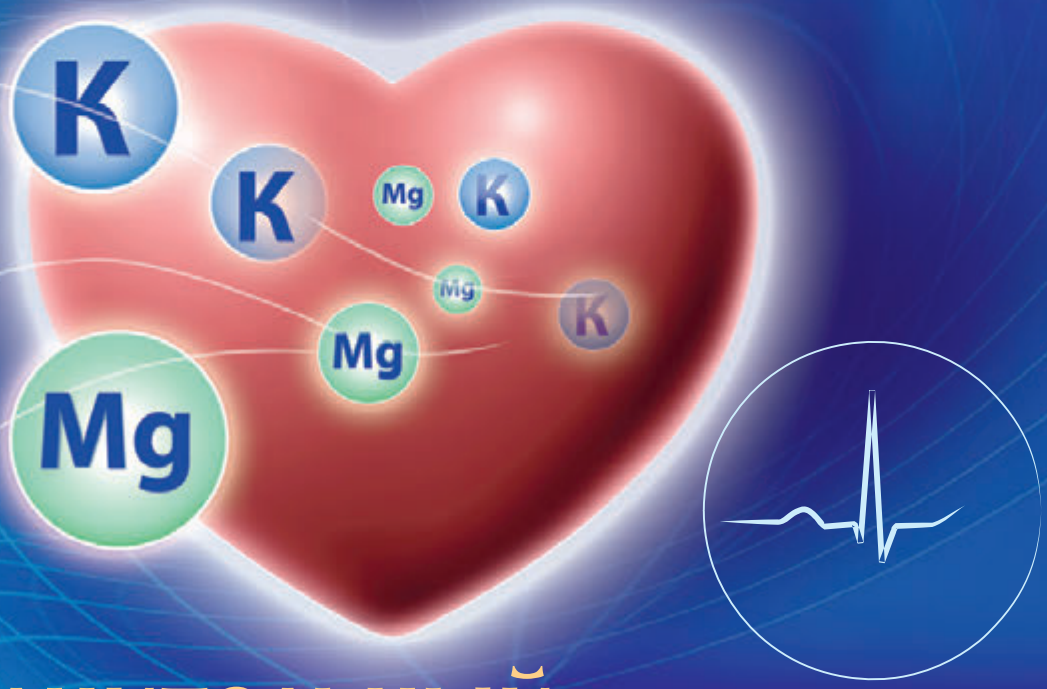


Рис. 2 Множественные себорейные кератомы на коже спины – признак Leser-Trelat [20]

ПАНАНГИН



Дополнительный источник магния и калия!

Имеются противопоказания и побочные реакции.
С осторожностью в период беременности и кормления грудью.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ЛЕКАРСТВЕННОГО СРЕДСТВА ПРОКОНСУЛЬТИРУЙТЕСЬ С ВРАЧОМ И ИЗУЧИТЕ ИНСТРУКЦИЮ

Гедеон Рихтер ОАО

ISSN 2307-1346

Сахарный диабет?

Прислушайтесь к своим ногам

Своевременно реагируйте на проявления жжения, онемения, парестезий и болей в ногах!

Мильгамма® моно 300

Бенфотиамин 300 мг

- Уменьшает выраженность симптомов диабетической полиневропатии (боль, онемение, жжение, парестезии)[1]
- Защищает сосуды и нервы от токсического воздействия конечных продуктов гликирования (КПГ)[2]
- Показана для лечения невропатий и сердечно-сосудистых расстройства, вызванных дефицитом витамина B_1[3]

Прием 1 раз в день!

1. Stracke H. et al. Benfotiamine in diabetic polyneuropathy (BENDIP). Exp. Clin. Endocrinol Diabetes. 2008; 116 (10): 600–605.
2. Stirban A. et al. Benfotiamine Prevents Macro- and Microvascular Endothelial Dysfunction. Diabetes Care. 2006; 29: 2064–2071.
3. Инструкция по применению лекарственного средства Мильгамма® моно 300.

Лекарственное средство. Имеются противопоказания и побочные реакции. С осторожностью применять в период беременности и кормления грудью. На правах рекламы.

WÖRWAG PHARMA

www.woerwagpharma.com